

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

А.И. Бастрыкин,

Председатель Следственного комитета Российской Федерации,
Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук,
профессор, генерал юстиции Российской Федерации

А.В. Федоров,

заместитель Председателя
Следственного комитета
Российской Федерации,
кандидат юридических наук,
профессор, Заслуженный
юрист Российской Федерации

А.А. Бессонов,

ректор Московской академии
Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева, доктор
юридических наук, доцент

О.Ю. Антонов,

проректор (по учебной
и научной работе) Московской
академии Следственного
комитета имени
А.Я. Сухарева, доктор
юридических наук, доцент

Ю.М. Антонян,

главный научный сотрудник
Всероссийского научно-
исследовательского института
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный
деятель науки Российской
Федерации, Почётный работник
высшего профессионального
образования Российской
Федерации

Л.В. Голоскоков,

профессор кафедры
прикладного правоведения
и междисциплинарных
юридических исследований
Института правоведения
Российского государственного
гуманитарного университета,
доктор юридических наук,
доцент

И.В. Groшев,

заместитель директора
по научной работе НИИ
образования и науки, доктор
психологических наук, доктор
экономических наук,
профессор, Заслуженный
деятель науки РФ

Р.А. Каламкарян,

ведущий научный сотрудник
сектора международно-
правовых исследований
Института государства
и права РАН, профессор
кафедры международного
права Российского
университета дружбы народов
(РУДН), доктор юридических
наук, профессор, лауреат премии
имени Ф.Ф. Мартенса (2007)

В.Н. Карагодин,

заведующий кафедрой
криминалистики
Екатеринбургского филиала
Московской академии
Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева, доктор
юридических наук, профес-
сор, Заслуженный юрист
Российской Федерации,
Почетный сотрудник
Следственного комитета
Российской Федерации

А.Н. Кузбагаров,

заведующий кафедрой
гражданского права
Северо-Западного филиала
Российского государственно-
го университета правосудия,
доктор юридических наук,
профессор

Р.А. Курбанов,

директор НИИ «Институт
правовых исследований
и региональной интеграции»
РЭУ им. Г.В. Плеханова,
доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный
юрист Российской
Федерации

Е.Л. Логинов,

профессор департамента
мировой экономики
и международных финансов
Финансового университета
при Правительстве
Российской Федерации,
доктор экономических наук,
профессор РАН

И.М. Мацкевич,

ректор Университета
прокуратуры Российской
Федерации, доктор
юридических наук,
профессор, Заслуженный
деятель науки Российской
Федерации, Почётный
работник прокуратуры
Российской Федерации

Г.Б. Мирзоев,

ректор Российской академии
адвокатуры и нотариата,
президент Гильдии
российских адвокатов,
президент Международной
ассоциации русскоязычных
адвокатов, доктор юридических
наук, профессор,
Заслуженный юрист
Российской Федерации

В.С. Осипов,
заведующий кафедрой
мировой экономики
и управления
внешнеэкономической
деятельностью МГУ
имени М.В. Ломоносова,
доктор экономических наук,
профессор

И.М. Рассолов,
Московский городской
педагогический университет,
профессор кафедры
информационного права
и цифровых технологий
Московского государственно-
го юридического университета
им. О.Е. Кутафина, доктор
юридических наук, доцент

А.Л. Санташов,
профессор 25 кафедры
Военного университета имени
князя Александра Невского
Министерства обороны
Российской Федерации,
профессор кафедры
уголовного права и
криминологии Северо-
Западного института
(филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), доктор юридических
наук, доцент

А.Ж. Саркисян,
декан факультета
повышения квалификации
Московской академии
Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева, кандидат
юридических наук, доцент

С.Г. Симагина,
заведующий кафедрой
прикладной информатики
Поволжского
государственного
университета телекоммуникаций
и информатики, доктор
экономических наук,
профессор

А.Б. Скаков,
профессор кафедры
уголовного права,
уголовно-процессуального
права и криминалистики
Казахского национального
университета им. аль-Фараби,
профессор кафедры
криминологии Академии
ФСИН России, доктор
юридических наук,
профессор, Почетный
работник образования
Казахстана

А.Е. Суглобов,
Российский университет
кооперации, доктор
экономических наук,
профессор

В.Н. Ткачев,
начальник Службно-
правового управления
Договорно-правового
департамента МВД России,
доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный
юрист Российской
Федерации

Ю.А. Цыпкин,
профессор кафедры
маркетинга Государственного
университета
по землеустройству,
доктор экономических наук,
профессор

В.Б. Шабанов,
заведующий кафедрой
криминалистики
юридического факультета
Белорусского
государственного
университета, доктор
юридических наук,
профессор

В.А. Шестак,
профессор 25 кафедры
Военного университета
имени князя Александра
Невского Министерства
обороны Российской
Федерации, доктор
юридических наук, доцент

Н.Д. Эриашвили,
профессор кафедры
гражданского и трудового
права, гражданского
процесса Московского
университета МВД РФ
им. В.Я. Кикотя, главный
редактор издательства
«ЮНИТИ-ДАНА», доктор
экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор, лауреат премии
Правительства Российской
Федерации в области науки
и техники

EDITORIAL BOARD

CHAIRMAN

A.I. Bastrykin,

Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation,
Honored Lawyer of Russia, Doctor of Law, Professor, General
of Justice of the Russian Federation

MEMBERS OF THE BOARD

A.V. Fedorov,

Deputy Chairman
of the Investigative Committee
of the Russian Federation,
Candidate of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian
Federation

A.A. Bessonov,

Rector of the Sukharev Moscow
academy of the Investigative
Committee, Doctor of Law,
Associate Professor

O.Yu. Antonov,

Vice-Rector (for academic
and scientific work)
of the Sukharev Moscow
academy of the Investigative
Committee, Doctor of Law,
Associate Professor

Yu. M. Antonyan,

Chief Researcher of the
All-Russian Research Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian
Federation, Doctor of Law,
Professor, Honored Scientist
of the Russian Federation,
Honorary Worker of Higher
Professional Education
of the Russian Federation

L.V. Goloskokov,

Professor of the Department
of Applied Jurisprudence
and Interdisciplinary Legal
Studies of the Institute
of Law of the Russian State
University for the Humanities,
Doctor of Law, Associate
Professor

I.V. Groshev,

Deputy Director for Scientific
Work of the Research Institute
of Education and Science,
Doctor of Psychology,
Doctor of Economics,
Professor, Honored
Scientist of the Russian
Federation

R.A. Kalamkarian,

Leading Researcher
of the International Legal
Research Sector
of the Institute of State
and Law of the Russian
Academy of Sciences,
Professor of the Department
of International Law
of the Peoples' Friendship
University of Russia (RUDN),
Doctor of Law, Professor,
laureate of the F.F. Martens
Prize (2007)

V.N. Karagodin,

Head of the Criminalistics
Department of the
Ekaterinburg Branch of the
Sukharev Moscow academy
of the Investigative
Committee, Doctor of Law,
Professor, Honored Lawyer
of the Russian Federation,
Honorary Employee
of the Investigative
Committee of the Russian
Federation

A.N. Kuzbagarov,

Head of the Department
of Civil Law of the North-
Western Branch of the Russian
State University of Justice,
Doctor of Law, Professor

R.A. Kurbanov,

Director of the Research
Institute "Institute of Legal
Studies and Regional
Integration" of Plekhanov
Russian University of
Economics, Doctor of Law,
Professor, Honored Lawyer
of the Russian Federation

E.L. Loginov,

Professor of the Department
of World Economy
and International Finance
of the Financial University
under the Government
of the Russian Federation,
Doctor of Economics,
Professor of the Russian
Academy of Sciences

I.M. Matskevich,

Rector of the University
of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation,
Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist
of the Russian Federation,
Honorary Employee
of the Prosecutor's
Office of the Russian
Federation

G.B. Mirzoev,

Rector of the Russian Academy of Advocacy and Notary, President of the Guild of Russian Lawyers, President of the International Association of Russian-speaking Lawyers, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

V.S. Osipov,

Head of the Department of Global Economy and Foreign Economic Activity Management of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economics, Professor

I.M. Rassolov,

Moscow City Pedagogical University, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of the O.E. Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Associate Professor

A.L. Santashov,

Professor of the 25th department of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the North-Western Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Associate Professor

A.Zh. Sarkisyan,

Dean of the Faculty of Advanced Training of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Candidate of Law, Associate Professor

S.G. Simagina,

Head of the Department of Applied Informatics of the Volga State University of Telecommunications and Informatics, Doctor of Economics, Professor

A.B. Skakov,

Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure Law and Criminalistics of the Al-Farabi Kazakh National University, Professor of the Department of Criminology of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Education of Kazakhstan

A.E. Suglobov,

Russian University of Cooperation, Doctor of Economics, Professor

V.N. Tkachev,

Head of the Service and Legal Department of the Contract and Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

Yu.A. Tsypkin,

Professor of the Marketing Department of the State University of Land Management, Doctor of Economics, Professor

V.B. Shabanov,

Head of the Department of Criminology of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Doctor of Law, Professor

V.A. Shestak,

Professor of the 25th department of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor

N.D. Eriashvili,

Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; Editor-in-Chief of the publishing house "UNITY-DANA", Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, laureate of the prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology

УЧРЕДИТЕЛЬ

**Федеральное государственное
казенное образовательное
учреждение высшего
образования «Московская
академия Следственного
комитета Российской
Федерации имени А.Я. Сухарева»**

*Ректор Московской
академии Следственного
комитета Российской
Федерации имени
А.Я. Сухарева, доктор
юридических наук, доцент,
генерал-майор юстиции
А.А. Бессонов*

РЕДАКЦИЯ

*Главный редактор
Объединенной редакции
Н.Д. Эриашвили,
лауреат премии
Правительства РФ
в области науки и техники,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
и исторических наук,
профессор
E-mail: professor60@mail.ru*

**Научный редактор,
ответственный за издание**

А.Ж. Саркисян,
*декан факультета
повышения квалификации
Московской академии
Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева,
кандидат юридических наук,
доцент*

**В подготовке номера
участвовали:**

*Редакторы
О.В. Берберова,
И.Д. Нестерова*

*Художник
А.П. Яковлев*

*Верстка номера
М.А. Бакаян*

*Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
Свидетельство
о регистрации
ПИ № ФС77-69345*

Адрес редакции:
125080, Москва, ул. Врубеля, д. 12
Тел.: 8-499-740-60-14,
8-499-740-60-15,
E-mail: 7700153@gmail.com

ВЕСТНИК МОСКОВСКОЙ АКАДЕМИИ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СОДЕРЖАНИЕ № 1/2026

Юридические науки

**Теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве**

А.А. КОБОЗЕВ, В.Б. КОРОБОВ. Генезис
института регулярной полиции в России:
историко-правовой анализ. Часть I.
Внешние предпосылки генезиса
регулярной полиции в России 11

Ш.Д. СОДИКОВ. Зарождение механизма
правообеспечения в уголовном
судопроизводстве Древней Греции
и Древнего Рима 24

**Конституционное право;
конституционный судебный процесс;
муниципальное право**

А.В. КАМАЛЯН. Современные модели
правового регулирования участия
муниципальных образований
в развитии онкологической службы
в системе межуровневого публичного
управления здравоохранением 30

**Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право**

Л.В. ГОЛОСКОКОВ. Правовое регулирование
противодействия экстремизму и терроризму
в российских регионах 40

А.С. КЛИМОВ, С.Н. ХОРЬЯКОВ.
Проблемные аспекты применения
квалифицирующего признака «с целью
скрыть другое преступление
или облегчить его совершение» 51

Оригинал-макет
подготовлен издательством
«ЮНИТИ-ДАНА»

■ Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. За сведения, содержащиеся в рекламных объявлениях, редакция ответственности не несет.

■ Редакция не вступает в переписку с авторами писем, рукописи не рецензируются и не возвращаются.

■ При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации» ссылка на журнал обязательна.

■ В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не вправе обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письма, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8. Печ. л. 18,25
Печать офсетная

Подписано в печать: 26.03.2026

Отпечатано в типографии

ООО «Буки Веди» 117452, г. Москва,
вн.тер.г. муниципальный округ Южное
Бутово, ул. Адмирала Руднева, д. 4,
помещ. 13/6. Тел.: +7 (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com, info@bukivedi.com

Заказ №

Цена договорная. Тираж 3000 экз.
Первый завод — 1000 экз.

С.А. ЯШКОВ. Убийство малолетнего
или иного лица, заведомо
для виновного находящегося
в беспомощном состоянии:
ошибки квалификации
(по материалам судебной практики) 58

Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-разыскная деятельность

А.Д. АБРАМКИН. Актуальные вопросы
допустимости доказательств,
полученных на основании
результатов оперативно-разыскной
деятельности 64

Е.В. ИВАНОВА. Функции сведущих
лиц и формы их реализации
в судопроизводстве России 69

Р.Г. ИСКАЛИЕВ. Актуальные
вопросы научного обеспечения
деятельности органов внутренних
дел Российской Федерации
в сфере незаконной миграции 78

В.В. СИДЕЛЕВ. Тактические
и организационные аспекты
взаимодействия следователя
и органов дознания
при расследовании преступлений
против свободы личности 85

В.Б. ХАЗИЗУЛИН. Некоторые
особенности тактики допроса
свидетеля при расследовании
преступлений коррупционной
направленности 92

Международное право; Европейское право

Ю.В. ПУЗЫРЕВА. Эволюция
юрисдикции Международного
уголовного суда в отношении военных
преступлений и преступления агрессии 100

Исследования молодых ученых

- М.Б. КИСЕЛЕВ.** Пробелы уголовного
законодательства о преступлениях, связанных
с фейкингом и дискредитацией деятельности
Вооруженных Сил и государственных органов
Российской Федерации 107
- О.В. МАТВЕЙЧУК.** Сравнительно-правовое
исследование обеспечения охраны животного
мира по уголовному законодательству Российской
Федерации и Республики Индия 116
- А.И. СТУПНИКОВА.** Периодизация становления
и развития института мер пресечения
в отечественном уголовно-процессуальном праве 125
- А.Н. СУНГАТУЛЛИН.** Особенности квалификации
вовлечения несовершеннолетних в террористическую
и диверсионную деятельность в свете Федерального
закона от 17 ноября 2025 года № 420-ФЗ 133
- Н.П. ШЕВКОПЛЯС.** Провокация ложного правоприменения
на примере организованной преступной игорной
деятельности 139

FOUNDER

**Sukharev Moscow academy
of the Investigative Committee
of the Russian Federation**

*Rector of the Sukharev Moscow
academy of the Investigative
Committee of the Russian
Federation, doctor of juridical
sciences, associate professor,
Major General of justice*
A.A. Bessonov

EDITORIAL STAFF

*Editor-in-Chief of the Joined
Editorship*
N.D. Eriashvili,
*the winner of an award
of the Government
of the Russian Federation
in the field of science and
equipment, doctor of economy,
candidate of law and history,
professor*
E-mail: professor60@mail.ru

**Scientific editor,
responsible for publishing**

A.Zh. Sarkisyan,
*Dean of the Faculty
of Advanced Training
of the Sukharev Moscow
academy of the Investigative
Committee of the Russian
Federation, candidate of law,
associate professor*

**The issue was prepared by:
Editors**

**O.V. Berberova,
I.D. Nesterova**

Painter

A.P. Yakovlev

Imposition

M.A. Bakayan

*The journal is registered
by the Federal Service
for supervision in the sphere
of telecom, information
technologies and mass
communications.*

**The certificate of registration PI
№ FS 77-69345**

Editorial staff address:
125080, Moscow, st. Vrubelya, 12
Tel.: 8 (499) 740-60-14,
8 (499) 740-60-15

E-mail: ask_rf@mail.ru

BULLETIN OF THE MOSCOW ACADEMY OF THE INVESTIGATIVE COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION

CONTENT № 1/2026

Legal sciences

Theory and history of law and the State; history of the teachings of law and the State

A.A. KOBOZEV, V.B. KOROBV. The genesis
of the regular police institution in Russia:
historical and legal analysis. Part I. External
prerequisites for the genesis of the regular
police in Russia 11

Sh.D. SODIKOV. The origin of the law
enforcement mechanism in criminal
proceedings in Ancient Greece
and Ancient Rome 24

Constitutional law; constitutional judicial process; municipal law

A.V. KAMALYAN. Modern models of legal
regulation of municipal participation
in the development of oncological care
within the system of multi-level public
health governance 30

Criminal law and criminology; penal enforcement law

L.V. GOLOSKOKOV. Legal regulation
of counteraction to extremism
and terrorism in Russian regions 40

A.S. KLIMOV, S.N. KHORYAKOV.
Problematic aspects of applying
the qualifying feature "in order
to conceal another crime or facilitate
its commission" 51

The original-model is created
by publishing house
UNITY-DANA

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.
- Editorial staff does not enter into a correspondence to authors of letters, manuscripts does not return.
- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials «Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation» the reference to the journal is obligatory.
- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60x84 1/8
Print. sh. 18,25. Offset printing
It is sent for the press 26.03.2026
Printed in the printing house
LLC "Buki Vedi" 117452, Moscow,
ext.ter.g. Yuzhnoye Butovo municipal
district, Admiral Rudnev str., 4,
room. 13/6. Phone: +7 (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com , info@bukivedi.com
Order No.

Contractual price
The circulation is 3000 copies
The first plant — 1000 copies

S.A. YASHKOV. Murder of a minor
or other person known
to the perpetrator to be in a helpless
state: errors in qualification
(based on judicial practice) 58

Criminalistics; forensic expertise; operational and investigative activities

A.D. ABRAMKIN. Current issues
of the admissibility of evidence
obtained on the basis of the results
of operational investigative activities 64

E.V. IVANOVA. The knowledgeable
persons functions and their
implementation in Russian
legal proceedings 69

R.G. ISKALIEV. Current issues
of scientific support for the activities
of the internal affairs bodies of the Russian
Federation in the field of illegal migration 78

V.V. SIDELEV. Tactical and organizational
aspects of interaction between
the investigator and the investigative
bodies during the investigation
of crimes against personal freedom 85

V.B. KHAZIZULIN. Some features
of the tactics of questioning
a witness in the investigation
of corruption-related crimes 92

International law; European law

Yu.V. PUZYREVA. Evolution
of the jurisdiction of the International
Criminal Court with respect to war
crimes and the crime of aggression 100

Research by young scientists

- M.B. KISELEV.** Gaps in criminal legislation on crimes related to dissemination of fake information and discrediting the activities of the Armed Forces and government agencies of the Russian Federation..... 107
- O.V. MATVEYCHUK.** Comparative legal study of ensuring the protection of wildlife under the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of India 116
- A.I. STUPNIKOVA.** Periodization of the formation and development of the institution of preventive measures in Russian criminal procedure law 125
- A.N. Sungatullin.** Peculiarities of the qualification of the involvement of minors in terrorist and sabotage activities in light of Federal Law 420-FZ, dated 17 November 2025 133
- N.P. SHEVKOPLYAS.** Provocation of false law enforcement using the example of organized criminal gambling activities 139

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 1. С. 11—23.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026, no. 1, pp. 11–23.

УДК 351.74(091)
doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.001

NIION: 2015-0065-01/26-359
MOSURED: 77/27-010-2026-01-558

Научная специальность: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Генезис института регулярной полиции в России: историко-правовой анализ Часть I. Внешние предпосылки генезиса регулярной полиции в России

Алексей Анатольевич Кобозев¹, Виктор Борисович Коробов²

¹Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России,
Домодедово, Московская область, Россия, aleksey-kobozev@mail.ru

²Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва,
Россия, kvbdoc@yandex.ru

Аннотация. Публикация открывает серию статей, посвященных историко-правовому анализу становления регулярной полиции в России. Мы прослеживаем, как в исторической ретроспективе формировались внешние предпосылки для возникновения регулярной отечественной полиции как социального института и неотъемлемой части государственного аппарата. К ключевым внешним факторам, способствовавшим появлению регулярной полиции в России, авторы относят эволюцию полицейской деятельности, возникновение полицейских функций в древних рабовладельческих и раннефеодальных государствах Западной Европы, зарождение науки полицейского права и создание кадровых полицейских учреждений в ряде европейских стран. В работе также предлагаются и обосновываются основные причины и условия, которые, развиваясь вне территории Российского государства, способствовали возникновению регулярной полиции в Российской империи.

Ключевые слова: государство, право, предпосылки, преступность, законодательство, полиция, полицейские функции, общественный порядок, государственная служба, правоохранительная деятельность.

Вклад авторов: авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Для цитирования: Кобозев А.А., Коробов В.Б. Генезис института регулярной полиции в России: историко-правовой анализ. Часть I. Внешние предпосылки генезиса регулярной полиции в России // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 1. С. 11—23. doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.001.

The genesis of the regular police institution in Russia: historical and legal analysis Part I. External prerequisites for the genesis of the regular police in Russia

Alexey A. Kobozev¹, Victor B. Korobov²

¹All-Russian Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation, Domodedovo, Moscow Region, Russia, aleksey-kobozev@mail.ru

²All-Russian Research Institute of the Ministry of the Interior of the Russian
Federation, Moscow, Russia, kvbdoc@yandex.ru

Abstract. The publication opens a series of articles dedicated to the historical and legal analysis of the formation of the regular police in Russia. We trace how the external prerequisites for the emergence of a regular domestic police force as a social institution and an integral part of the state apparatus were formed in historical retrospect. The authors list the following key external factors that contributed to the emergence of a regular police force in Russia: the evolution of police activities, the emergence of police functions in ancient slave-owning and early feudal states in Western Europe, the development of police law, and the establishment of police institutions in several European countries. The paper also proposes and justifies the main reasons and conditions that, while developing outside the territory of the Russian state, contributed to the emergence of a regular police force in the Russian Empire.

© Кобозев А.А., Коробов В.Б., 2026

Keywords: state, law, prerequisite, crime, legislation, police, police functions, public order, public service, law enforcement activity.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

For citation: Kobozev, A.A. & Korobov, V.B. (2026) The genesis of the regular police institution in Russia: historical and legal analysis. Part I. External prerequisites for the genesis of the regular police in Russia. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 1, pp. 11–23. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.001.

Наше исследование генезиса института полиции в России базируется на двух ключевых положениях:

1. Полиция — это институциональное образование, неотъемлемая часть института исполнительной власти. Как разновидность политических институтов, она призвана поддерживать целостность общества и власти, обеспечивать правопорядок и общественную безопасность.

2. Как общественный институт, полиция представляет собой интегрированный комплекс образов, ценностей, норм, ролей и статусов. Её специфические функции в правоохранительной сфере реализуются сотрудниками, исполняющими должностные обязанности в соответствии с заданными институциональными установлениями и правилами.

В системе правоохранительных органов Российской Федерации полиция играет центральную роль, являясь самой многочисленной силой, которая первой сталкивается с преступностью. Данные официальной статистики за 2024 год наглядно демонстрируют её значимость в противостоянии преступности: из общего числа зарегистрированных преступлений (1 911 258) сотрудниками органов внутренних дел было выявлено 91,6 %, что составляет 1 750 640 случаев¹. Примечательно, что значительная часть этих преступлений (6,7 %, или 118,1 тыс.) была обнаружена еще на стадиях приготовления и покушения, что демонстрирует проактивный подход полиции к борьбе с криминалом².

Изучение закономерностей формирования российской полицейской системы позволяет глубже понять полицию как государственный институт и особенности национальной модели противодействия преступности. Это делает данную проблематику актуальной и значимой как в теоретическом, так и в научно-практическом плане, способствуя повышению эффективности правоприменительной практики в современных условиях.

Исследование генезиса (эволюции) института полиции, на наш взгляд, логично вписывается в **системологию**. Эта теория описывает становление и развитие общественных систем через призму возрастания их функциональной и структурной сложности. Как определяют А.В. Кокин и Т.У. Албакова, сложность — это мера усилий для решения задачи, система из взаимосвязанных подсистем, а также многообразие составляющих частей и связей между ними³. Важно отметить, что нарастание сложности в общественных системах не только ускоряет их развитие за счет появления новых взаимообусловленных процессов, но и создает условия для возрастания энтропии (неуправляемости). В этом контексте формирование института полиции отражает процессы самоорганизации общественной системы, направленные на повышение регулируемости общественных процессов.

Согласно интегративной концепции понимания, целостное представление о совокупности объектов, явлений и процессов, объединенных общностью характеристик, порождает его новое качество⁴. Исходя из этого, возникновение института полиции обусловлено историческими этапами, поскольку общественные отношения в сфере правопорядка и безопасности неразрывно связаны с культурным полем, трудовой этикой, национальной культурой и традициями⁵. Таким образом, для выявления историко-правовых предпосылок формирования регулярной полиции в России необходимо проанализировать предшествующие социальные феномены и определить условия, при которых они обрели юридические свойства субъектов права.

В данном контексте научное знание призвано не просто описывать, но и объяснять, а так-

¹ См.: Состояние преступности в России за январь — декабрь 2024 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2025. С. 16.

² Там же. С. 2.

³ Кокин А.В., Албакова Т.У. Энтропия сложности и сложность управления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2012. № 1. С. 16.

⁴ Петров А.В., Зырянов А.В. Интегративный подход в современных юридических исследованиях // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2017. Т. 17, № 3. С. 90.

⁵ Трудовая этика как проблема отечественной культуры: современные аспекты (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1992. № 1. С. 22.

же предсказывать общественные процессы и явления. Это означает обеспечение теоретического отражения действительности, что позволяет ответить на ключевые вопросы: как, из чего, где, когда и почему возникла регулярная (профессиональная) полиция России как качественно новый элемент государственного аппарата? Важно, чтобы анализируемый научный материал соответствовал правовой реальности, что гарантирует достоверность полученных ответов.

Мировой опыт развития общества неоспоримо свидетельствует о том, что правоохранительные органы — фундаментальный элемент любого государства. С момента зарождения государственности каждый народ нуждался в особом аппарате принуждения. Его предназначение заключалось в противодействии преступности, поддержании общественного порядка и обеспечении безопасности. Эти структуры, присутствовавшие во всех цивилизациях с античных времен, заложили основу для формирования полиции в ее современном виде⁶. Неслучайно многие выдающиеся государствоведы разных эпох рассматривали полицейскую функцию как ключевую причину возникновения и сущность государства⁷.

Если это так, то основными объективными предпосылками зарождения профессиональной полиции в России стали процессы становления российской государственности. Наряду с этим, другие важные факторы, такие как формирование национальной правовой системы и полицейских функций, урбанизация, развитие института полицейского права, рост общеуголовной

преступности и изменение способов ее совершения, также сыграли ключевую роль. Все эти предпосылки, находящиеся в тесной взаимосвязи, уходят корнями в мировую культуру и государственность. Это во-первых.

Во-вторых, при изучении предпосылок формирования государственного аппарата и национальной правовой системы необходимо учитывать значительное влияние иностранных заимствований на ранних этапах. Эти заимствования, включая их основные характеристики, берут начало в странах Западной Европы. Следовательно, факторы, способствовавшие появлению первых отечественных полицейских органов за пределами российского государства, мы классифицируем как внешние предпосылки. В то же время предпосылки формирования регулярной полиции, возникшие в ходе развития российской государственности на отечественной территории, мы относим к внутренним.

Как точно подметила А.Ю. Закиматова, «полицейская функция публичной власти проявилась задолго до формирования государственной системы полицейских органов и служащих. Она постепенно проявлялась в общественной и государственной жизни как совокупность правил, предписанных гражданам публичной властью»⁸. Настоящее исследование, в свою очередь, подтверждает, что на протяжении веков структура и задачи полиции претерпевали эволюцию, а ее предназначение и объем полномочий непрерывно переосмысливались.

Термин «полиция» имеет греческие корни и восходит к эпохе Античности. «В Древней Греции словом „полис“ назывались города-государства в V—IV вв. до нашей эры. Но ни в Греции, ни в Риме, ни в других государствах отдельного специализированного полицейского аппарата не было, и термин „полиция“ означал нечто совершенно иное, нежели в наши дни»⁹.

Согласно Аристотелю, в Древней Греции понятие «полиция» охватывало два основных аспекта. С одной стороны, это был сам город-государство (полис) с его иерархической структурой. С другой стороны, понятие «полиция» означало аппарат управления, то есть штат служащих¹⁰.

⁸ Закиматова А.Ю. Правовое регулирование службы в органах полиции Российской империи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2006. С. 10.

⁹ Дунаев Н.В., Закиматова А.Ю., Пиджаков А.Ю. Система полицейских органов и полицейская деятельность в странах Западной Европы // Юридическая мысль. 2006. № 4 (35). С. 36.

¹⁰ Губанов А.В., Зубов И.Н. Полицейское право. Ч. 1. Полиция государств дальнего зарубежья и международное полицейское сотрудничество. Омск, 2000. С. 7.

⁶ Истоки современной полиции прослеживаются в регулярных военизированных формированиях, призванных выполнять полицейские функции, которые возникли на Древнем Востоке (в Египте, Вавилоне, Индии и Китае) еще в период с XVI по XII в. до н. э. Дальнейшее развитие концепции полицейских органов наблюдалось в городах-полисах античного мира. См.: Страны Древнего мира: государственное устройство и управление. СПб, 1907 (далее — Страны Древнего мира). С. 18; Петров М.Н. Лекции по всемирной истории: в 4 т. Т. 1. История древнего мира. 2-е изд., в новой обраб. и с доп. А.Н. Деревницкого. СПб, 1907. С. 322—323, 331—332; Евсеенко Т.П. Эволюция формы государственного устройства в античном мире: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 43, 52—53; Иванов А.А., Румянцев Н.В. Организация полицейской службы в древнегреческих полисах // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 8. С. 106—110.

⁷ Горожанин А.В. Полицистика и идея государственности в истории правовых учений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб, 2000. С. 17—18, 25.

Проведенные ранее исследования подтверждают, что в тот период и в последующие века термин «полиция» фактически отождествлялся с государственной деятельностью (policing)¹¹. Ф. Энгельс метко подметил, что в Древних Афинах «общественная власть первоначально существовала только в качестве полиции, которая так же стара, как государство»¹². Важно добавить, что основным приоритетом государственной власти в то время было обеспечение внешней безопасности.

«В Древней Греции, являющейся родоначальницей термина „полиция“, — пишет С.П. Матвеев, — государственное (городское) управление осуществлялось с помощью аппарата, включающего разнообразные публичные институты, обеспечивающие внешнюю и внутреннюю безопасность, политические и экономические интересы городов-государств»¹³. На этапе становления городов-государств как внешняя, так и внутренняя безопасность находились в ведении вооруженных сил, то есть армейских формирований¹⁴. Специального государственного института полиции тогда еще не существовало.

Следует отметить, что в ранний период формирования афинского государства обеспечение общественного порядка было возложено не на граждан, а на наемников. Советский и российский антиковед Э.Д. Фролов указывает, что в V веке до н. э. полицейскую службу в Афинах несли рабы-скифы. По его словам, их численность изначально составляла 300 человек, но, учитывая упоминания в более поздних источниках о 1000 скифов-лучников, не исключено, что их количество впоследствии увеличилось. Это могло быть обусловлено ростом населения и усложнением службы правопорядка в Афинах¹⁵. Изначально стражи порядка располагались в центре городской агоры, в специально установленных палатках. Однако по мере роста многолюдности площади и увеличения числа полицейских их переместили на Ареопаг¹⁶.

¹¹ См., напр.: Густова Л.В., Чаннов С.Е. Полиция России и Великобритании: история становления и перспективы реформирования // Гражданин и право. 2012. № 1. С. 5.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / под ред. В. Адоратского. Т. 16, ч. 1. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. С. 97.

¹³ Матвеев С.П. Институт полиции: исторический экскурс // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 1. С. 164.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Фролов Э.Д. Скифы в Афинах // Вестник Древней Истории. 1998. № 1 (224). С. 144.

¹⁶ Там же.

Член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук М.С. Куторга, опираясь на свои исследования, аргументированно утверждал, что на агоре, а впоследствии на Ареопаге, располагалась именно «главная караульная», а не место проживания полицейских¹⁷.

Положение скифов, служивших в Афинах в качестве наемных государственных рабов, было значительно лучше, чем у обычных рабов. Они выполняли общественные поручения за плату, жили в более сносных условиях, имели возможность обзавестись собственным домом и пользовались относительной свободой. Как подчеркивают исследователи, «какие ни есть, а все-таки государственные служащие, они получали за эту службу жалованье», которым могли распоряжаться по своему усмотрению¹⁸.

По подсчетам Э.Д. Фролова, «и приобретение, и содержание этих служителей обходилось Афинскому государству недешево»¹⁹. Важно отметить, что привлекательность использования скифов для полицейской службы афинским полисом обуславливалась их особой чужеродностью, что делало их весьма удобным инструментом для осуществления акций принуждения в отношении собственных граждан²⁰.

В древних Афинах полицейские функции возлагались на отряды государственных рабов, известных как токсоты (φωφύζτ), что буквально означает «лучники». Часто их также именовали скифами, поскольку значительная часть этих рабов происходила именно из этого народа²¹. В обязанности токсотов входило поддержание общественного порядка во время массовых мероприятий, народных собраний и судебных заседаний. Благодаря тому, что их посты (палатки) располагались в ключевых точках города, таких как рынок и Акрополь, они могли оперативно реагировать на любое нарушение порядка²².

Однако эта полицейская служба, сформированная в период расцвета Афинского государства в 70-х годах V века до н. э., прекратила свое существование с крахом Афинской державы в конце того же столетия. Как отмечает Э.Д. Фролов, «с потерей Афинами дополнитель-

¹⁷ Куторга М.С. Общественное положение рабов и вольноотпущенных в Афинской республике // Собрание сочинений / М.С. Куторга. Т. 1. СПб, 1894. С. 316.

¹⁸ Фролов Э.Д. Указ. соч. С. 146.

¹⁹ Подробнее об этом см.: Там же. С. 145.

²⁰ См., напр.: Там же. С. 147; Матвеев С.П. Указ. соч. С. 165.

²¹ Матвеев С.П. Указ. соч. С. 165.

²² Иванов А.А., Румянцев Н.В. Указ. соч. С. 107.

ных источников доходов они лишились и возможности содержать эту находившуюся целиком на содержании государства, весьма дорогостоящую (по масштабам одного, пусть даже крупного, города) внутреннюю охрану; во всяком случае, в следующем IV столетии о скифах-полицейских в Афинах практически ничего уже не слышно»²³.

В Древнем Египте существовали не только армейские подразделения, но и структуры, обеспечивающие общественный порядок. Их функции и полномочия менялись в зависимости от исторического периода. Так, в эпоху Древнего царства (2707—2150 гг. до н. э.) номархи, управлявшие областями (номами), подчинялись фараону. В их ведении находились как армейские части, так и отряды, выполнявшие полицейские задачи, такие как расследование преступлений и задержание правонарушителей²⁴. Но, согласно точке зрения С.П. Матвеева, «в период Древнего царства подразделения, выполнявшие полицейские функции, не были объединены в самостоятельные государственные органы, не имели единой структуры в масштабе государства, нередко были интегрированы в судебные органы»²⁵.

В эпоху Нового царства (XVI—XII вв. до н. э.) правоохранительная сфера Древнего Египта претерпела существенные изменения, отмеченные укреплением и расширением полномочий. Государственная власть сформировала многоуровневую систему, охватывавшую как открытые, так и тайные полицейские формирования, а также стражу, отвечавшую за безопасность каналов и границ, и личную охрану фараона и высших должностных лиц. Особое внимание уделялось контролю над рабами, к которым применялись внесудебные репрессии. Централизованное руководство полицейскими силами осуществлял «джати» — один из высших сановников, непосредственно подчинённый фараону²⁶.

Такая структура демонстрирует четкую функциональную специализацию сил правопорядка: они обеспечивали безопасность в городах, на реке, охраняли высших лиц государства, пирамиды и другие объекты. Организационно-функциональные звенья, решающие специфические задачи, являются важным признаком

современной полиции. В этом контексте специализированные египетские формирования эпохи Нового царства можно считать прообразом отдельных подразделений регулярной полиции.

Позднее термин «полиция» был заимствован латинским языком в форме *politia*. Он получил широкое распространение в научных и официальных документах Римской и Византийской империй²⁷. Принимая этот термин, римляне обогатили его смысловое содержание, включив в него силовую составляющую. Основной акцент был сделан на поддержании общественного порядка посредством привлечения военизированных формирований.

Так, в 275 году до н. э. была сформирована преторианская гвардия (*praetoriani*), изначально служившая личной охраной императора, но также выполнявшая функции поддержания общественного порядка. Преторианцы, будучи полноценным военным формированием по своему составу и оснащению, изначально разделяли ряд задач с городскими когортами (*cohortes urbanae*). Последние, находясь в прямом подчинении у городского префекта (*praefectus urbi*), выполняли функции по обеспечению внутреннего порядка в столице, включая патрулирование улиц и организацию караулов. В провинциях же полицейские полномочия возлагались на центурионов местных легионов и когорт²⁸.

Анализ зарубежного полицейского опыта свидетельствует о том, что в Древнем Риме формирование полицейских структур было вызвано острой потребностью в защите свободных граждан от деклассированных элементов — преступников, рабов и нищих. Кроме того, поддержание общественного порядка было неотъемлемым элементом организации массовых зрелищ (в современном мире именуемых мероприятиями), таких как гладиаторские бои, гонки на колесницах, атлетические состязания, театраль-

²³ Фролов Э.Д. Указ. соч. С. 148.

²⁴ Подробнее об этом см.: Матвеев С.П. Указ. соч. С. 165.

²⁵ Там же.

²⁶ См.: Страны Древнего мира. С. 18; Матвеев С.П. Указ. соч. С. 165.

²⁷ Куянова А.В. Полиция в Российской Федерации и правовое регулирование ее деятельности // Алтайский юридический вестник. 2015. № 3 (11). С. 65—66; Полякова С.В. Генезис института полиции в зарубежных странах // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 2 (9). С. 38.

²⁸ Подробнее об этом см.: Иванов А.А., Бедретдинов Р.Р. Силы и средства охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности в Древнем Риме // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 1. С. 114—116; Матвеев С.П. Указ. соч. С. 166; Чесовская М.Г. Полиция (*politéia*): происхождение и сущность (к вопросу об этимологии понятия) // Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина. 2011. № 1 (17). С. 2.

ные представления с мимами и пантомимами, а также городских праздников.

В императорский период, отмеченный дворцовыми интригами и переворотами, значительно расширилась роль спецслужб, призванных охранять государственные устои. Вскоре после принятия Законов двенадцати таблиц (415 г. до н. э.) в Риме появились «преследователи убийц» («филеры за убийцами»). Им поручалось расследование убийств и розыск преступников, а также предоставлялось право ареста²⁹. Позднее, при императоре Коммодии (180—193 гг.), на основных торговых путях государства были созданы полицейские «станции» для защиты римлян от разбойников³⁰.

По мнению ряда исследователей, «на протяжении многовековой истории Римской республики и империи удалось создать хорошо организованную систему охраны общественного порядка и защиты законности, что оказало влияние на развитие аналогичных органов в европейских странах»³¹. При этом А.А. Иванов и Р.Р. Бедретдинов добавляют, что «многие структурные элементы этой полицейской системы дошли и до наших дней»³².

Полицейская служба в Древнем Риме была не только престижной, но и, в отличие от армейских подразделений, весьма доходной. Она предоставляла реальные возможности для карьерного роста и получения заслуженной отставки после двадцати (или шестнадцати) лет службы. С 24 года н. э. шестилетняя (впоследствии трехлетняя) служба в полицейских когортах даже давала право римского гражданства. Высокий статус полицейских подтверждается и тем, что погибшие стражи порядка получали государственные похороны (*funus publicum*), а на их надгробиях увековечивалась надпись: «Погибли за Отечество»³³.

На закате рабовладельческого строя и уже в Средневековье функции, отвечающие за внутреннюю безопасность и общественный порядок, постепенно переходили к специализированным органам. Именно в XIV столетии термин «полиция», берущий начало в средневековой латыни, начал проникать в европейские языки. Вместе с распространением римского права он получил широкое применение в средневековой Европе, но его первоначальное значение оставалось неясным. Российский государственный

и политический деятель В.М. Гессен, современник поздней имперской и революционной периодов, писал, что «приблизительно в XIV веке слово „полиция“ означало „доброту нравов, хорошую нравственность, охраняемую законом“»³⁴.

С конца XIV в. во Франции (фр. *police*, *police*) и Германии (нем. *polizei*) термин «полиция» начал приобретать специфическое значение. В этом контексте представляется обоснованным утверждение А.В. Корнева, согласно которому он стал обозначать совокупность различных элементов, направленных на поддержание общественного порядка и благополучия, а затем и правительственную деятельность, призванную этих целей достичь³⁵. Профессор права Императорского Санкт-Петербургского университета В.Ф. Дерюжинский, в свою очередь, резонно отмечал, что термин «полиция» стал означать всю совокупность дел светского государственного управления (*res politicae*). В этом широком смысле термин вошел сначала в официальный язык законодательства и администрации, а затем проник и в научную литературу, где его применяли для характеристики направлений, долгое время господствовавших в истории различных государств³⁶. В результате к концу XVI века понятие полиции охватывало законодательную, судебную и административную деятельность.

В XV—XVII веках ряд европейских государств, включая Австрию, Англию, Германию, Испанию и Францию, стали характеризоваться как «полицейские государства». В этот период произошло значительное расширение полномочий полицейских органов, которые осуществляли всеохватывающий и тщательный контроль над общественной и частной жизнью³⁷. Это явление получило название «гувернаментализм»³⁸.

³⁴ Гессен В.М. Лекции по полицейскому праву: издание студентов 1907—1908. Вып. 1. СПб, 1908. С. 20.

³⁵ Корнев А.В. Полицейское государство: идеи и практика: учеб. пособие. М., 1998. С. 55—56.

³⁶ Дерюжинский В.Ф. Полицейское право: пособие для студентов. 2-е изд., доп. СПб, 1908. С. 5.

³⁷ Подробнее об этом см.: Колонтаевская И.Ф. Происхождение полиции как органа обеспечения правопорядка и общественной безопасности // Адвокатская практика. 2006. № 4. С. 36.

³⁸ Известный дореволюционный юрист В.М. Гессен определял «гувернаментализм» как «отличительную черту полицейского государства», которому свойственна «неимоверная многопредметность административной деятельности, регламентация мельчайших подробностей народной жизни, мелочная и назойливая опека над подданными, — одним словом, то, что немцы удачно называют *Vielregiererei* (гувернаментализм)». См.: Гессен В.М. Вопросы местного управления. СПб, 1904. С. 10.

²⁹ См.: Страны Древнего мира. С. 40.

³⁰ См.: Иванов А.А., Бедретдинов Р.Р. Указ. соч. С. 116.

³¹ Чесовская М.Г. Указ. соч. С. 2.

³² Иванов А.А., Бедретдинов Р.Р. Указ. соч. С. 117.

³³ Там же. С. 116.

Прусские имперские полицейские регламенты (Reichspolizeiordnungen) 1548 и 1577 годов служат ярким примером. Как точно подметил В.Ф. Дерюжинский, эти документы представляли собой комплексные нормы, охватывавшие множество сторон жизни. Они регулировали всё, что в ту эпоху относилось к широкому понятию «полиция»: от правового статуса различных сословий и профессий, таких как солдаты, матросы, адвокаты и извозчики, до мер по пресечению бродяжничества, контролю над цыганами и ограничению чрезмерной роскоши в одежде и напитках³⁹.

В.Ф. Дерюжинский убежден: XVI—XVII века — это эпоха, которую справедливо называют «веками полицейских регламентов». Основная цель этих регламентов заключалась в стремлении к всестороннему упорядочению общественной жизни. Это достигалось путем создания комплексной системы органов власти, призванных обеспечивать исполнение законодательных предписаний⁴⁰.

Эпоха абсолютизма стала временем формирования полиции как обособленного органа, призванного обеспечивать правопорядок в общегосударственном масштабе. Во Франции, например, становление полиции тесно связано с начальным этапом модернизации общества и укреплением абсолютистской власти. Подтверждением этому служит королевский Эдикт Людовика XIV от 15 марта 1667 года, учредивший должность лейтенанта полиции в Париже (с 1674 г. — генерал-лейтенанта)⁴¹. И.А. Андреева подчеркивает, что «создание специального полицейского органа с расширенной компетенцией было обусловлено социальными последствиями урбанизации, а также необходимостью обеспечения политического контроля над Парижем»⁴².

Королевский Эдикт 1667 года по праву считается «квинтэссенцией полицейской философии» своего времени. Он заложил основу для четкого определения предмета, целей и методов работы полиции, учредив должностное лицо с широкими полномочиями, чья компетенция и сфера деятельности были исключительно полицейскими. Впервые в истории Франции полицейское управление было отделено от обще-

гражданского (хотя грань оставалась размытой)⁴³ и от судебной функции. Именно это нововведение, как отмечал французский полицейский деятель Н. Деламар в своем знаменитом «Трактате о полиции», ознаменовало поворотный момент в развитии полиции в период с 1667 по 1770-е годы, подчеркнув фундаментальное различие между юстицией и полицией⁴⁴.

Таким образом, можно согласиться с И.А. Андреевой в том, «что королевским Эдиктом от 15 марта 1667 г. было положено начало процесса институционализации полицейской деятельности, завершение которого означало окончательное формирование полицейской системы»⁴⁵.

Отделение от юстиции ознаменовало собой начало формирования полиции как самостоятельной государственной структуры, ориентированной на современные задачи. Избавленная от прежних обязанностей, полиция получила четкую специализацию: охрана общественного порядка, контроль за исполнением законов и нормативных актов исполнительной власти. Ключевыми направлениями ее деятельности также стали борьба с общеуголовной преступностью и противодействие иностранным разведывательным службам⁴⁶.

Оставляя за рамками детальный анализ ранних этапов формирования правовой базы полицейской деятельности, следует констатировать, что в XVI—XVII вв. во Франции и Германии была осуществлена систематизация законодательства, регулирующего государственное управление. Данная систематизация включала в себя такие правовые акты, как эдикты, ордонансы, полицейские регламенты и указы. Результатом этого процесса стало появление сборников нормативных предписаний и научных трактатов, предназначенных для их толкования⁴⁷.

⁴³ Clément P. La police sous Louis XIV. Elibron Classics, 2002. P. 68.

⁴⁴ Dyonet N. Le commissaire Delamare et son Traité de la police (1639—1723) // Entre justice et justiciables: les auxiliaires de la justice du Moyen Âge au XXe siècle. Presses Université Laval, 2005. P. 107.

⁴⁵ Андреева И.А. Полицейская система Франции: генезис, формирование, развитие (вторая половина XVII — начало XXI вв.): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2015. С. 13.

⁴⁶ Подробнее об этом см.: Гасымов Н.Г. Становление полицейской функции в государственном механизме // Государственная власть и местное самоуправление. 2004. № 1. С. 12—15.

⁴⁷ См.: Михайлова Н.В., Феднева Н.Л. Концепция полицейского государства: формирование и отражение в законодательстве // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7. С. 104.

³⁹ Дерюжинский В.Ф. Полицейское право: пособие для студентов. 4-е изд. Петроград, 1917. С. 4.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ См.: Андреева И.А. Становление полиции Франции в контексте модернизации общества (вторая половина XVII—XVIII вв.) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 1 (40). С. 41.

⁴² Там же.

Во Франции тем временем формировалась классическая модель полицейского права. Изначально она объединяла в себе элементы будущих отраслей, таких как административное, финансовое, трудовое и экологическое право. Этому способствовало опережающее развитие французской юридической мысли в области публичного права. Ключевую роль в этом процессе сыграли последователи классического римского права, в частности Жан Домат (30.11.1625—14.03.1696) — королевский прокурор при Людовике XIV.

Работы Ж. Домата, «Гражданские законы, упорядоченные в духе естественного права» и «Публичное право, как продолжение Гражданских законов, упорядоченных в духе естественного права», стали вехой в теоретическом осмыслении правовых основ государственного управления. Их значимость подтверждается широким распространением: они переиздавались во Франции с XVII по XIX в.⁴⁸ и были переведены на английский, немецкий и испанский языки. В своих трудах Домат представил Свод Юстиниана как воплощение естественного права. Особое внимание он уделил публичному римскому праву, рассматривая его как основу для управления, что впоследствии привело к формированию административного права как отдельной отрасли.

В начале XVIII в. увидел свет фундаментальный труд французского полицейского деятеля и писателя Николя Деламара (23.06.1639—25.08.1723) — «Трактат о полиции». Первый том этого четырехтомного издания, опубликованный в 1705 г.⁴⁹, развивал идеи Ж. Домата о полицейском управлении обществом. Произведение, которое современники называли «своего рода французской полицейской энциклопедией XVIII столетия»⁵⁰, по сути, представляло собой обширный сборник материалов, посвященных практическим методам решения разнообразных задач полицейской деятельности.

«Будучи сам практиком, обладая замечательной опытностью по многим отраслям управления, — пишет известный полицейист В.Ф. Дерюжинский, — Деламар не мог не наложить особой печати практического характера и на свое произведение»⁵¹. При этом автор подчеркивал

и теоретическое значение трактата. Он указывал, что «Трактат о полиции» был хорошо известен первому немецкому полицейисту Юсти и оказал на него большое влияние, делая Деламара «самым крупным предшественником немецких полицейистов»⁵².

Российский профессор полицейского права Н.Н. Белявский также высоко оценивал вклад «Трактата о полиции» в становление науки полицейского права. По его мнению, «значение труда Деламара громадно не только потому, что он первый обратил внимание на полицию, как самостоятельную отрасль государственных наук, но и потому что старался представить содержание всей полицейской деятельности»⁵³.

Исследуя историю полицейского права, ординарный профессор Императорского Новороссийского университета по кафедре полицейского права М.М. Шпилевский подчеркивает, что как отдельная отрасль законодательства и учебная дисциплина оно сформировалось во второй половине XVIII века в Германии, а затем и в других европейских государствах⁵⁴. Г. Аншютц справедливо добавляет, что первые ясные формулировки современного понятия полиции, основанного на отделении заботы о благосостоянии от полицейских функций, появились в 1770 году⁵⁵. Как филигранно подметил автор, эти новаторские и влиятельные формулировки были представлены в трудах Й. Зонненфельса⁵⁶ (*Grundsätze der Polizei, Handlung und Finanz*, с. 503) и И.-С. Пюттера⁵⁷ (*Institutiones juris publici Germanici*, § 331).

Таким образом, со временем понимание терминов «полиция» и «полицейская деятельность» претерпело существенные изменения. Во многом это произошло благодаря классическому полицейскому государству, сформировавшемуся в германских землях XVIII века, особенно в Пруссии и Австрии. В этом контексте полиция, «как институализированная часть исполнительной власти, призванная поддерживать обще-

⁵² Там же.

⁵³ Белявский Н.Н. Полицейское право. (Административное право): конспект лекций (вместо литографированных записок). 3-е изд., доп. Петроград, 1915. С. 21.

⁵⁴ Шпилевский М.М. Полицейское право, как самостоятельная отрасль правоведения. Одесса, 1875. С. 6.

⁵⁵ Аншютц Г. Полиция (перевод с немецкого) // Журнал Министерства юстиции. 1911. № 7. С. 112.

⁵⁶ Йозеф Зонненфельс (1732—1817) — австрийский юрист и экономист, представитель камерализма.

⁵⁷ Иоанн-Стефан Пюттер (1725—1805) — выдающийся немецкий государствовед, был профессором права в Геттингенском университете имени Георга Густава.

⁴⁸ Domat J. Oeuvres complètes. Nouvelle édition. Revue, corrigée. Vol. 1—3 / ed. J. Remy. Firmin Didot, 1829.

⁴⁹ La Mare N. de. Traité de la police, ou l'on trouvera l'histoire de son établissement, les fonctions et les prerogatives de ses magistrats, toutes les lois et tous les reglemens qui la concernent. Vol. 1. Paris, 1705.

⁵⁰ Назимов А.Е. Лекции по полицейскому праву / под ред. В.Ф. Лемеша-Лемешинского. Одесса, 1903. С. 18.

⁵¹ Дерюжинский В.Ф. Полицейское право: пособие для студентов. 2-е изд., доп. СПб, 1908. С. 6.

ственный порядок и безопасность и сохранять государственную монополию на насилие внутри страны, являлась исторически довольно новой, причем сильно усеченной версией прежнего аристотелевского понятия, лишившегося значительной части своего объема в результате так называемой „деполицеизации” управления»⁵⁸.

Завершая рассмотрение наиболее значимых внешних предпосылок генезиса регулярной полиции в России, важно остановиться на нормативном закреплении принципа, который разграничивает полицейскую деятельность и меры принуждения. Этот принцип гласит, что полиция не всегда действует через административное или процессуальное принуждение, такое как задержание, применение физической силы или оружия, полицейский надзор или расследование преступлений.

Как более 110 лет назад отметил профессор Берлинского университета Герхард Аншютц, «впервые это осуществилось благодаря самому значительному германскому партикулярному кодексу, самому замечательному в XVIII веке, — прусскому Общему земскому праву 1794 г., которое... дает определение нового понятия полиции»⁵⁹. Действительно, нормы прусского сборника законов, вступившего в силу 1 июня 1794 г. как «Всеобщее земское право для прусских государств» (*Allgemeine Landrecht für die Preußischen Staaten, ALR*)⁶⁰, легально закрепили соотношение понятий «полиция» и «принуждение». Ограничивая усмотрение полиции в применении принуждения, но признавая его неотъемлемым правом, законодатель особо подчеркнул, что полиция может использовать принудительные средства (допущенные законом) лишь тогда, когда без них невозможно выполнить свои задачи⁶¹.

Анализ работ дореволюционных профессоров права, таких как Г. Аншютц, Н.Н. Белявский, В.Ф. Дерюжинский, В.М. Гессен, А.Е. Назимов и М.М. Шпилевский, показывает, что к концу XVIII века европейские правовые школы завершили интеграцию упомянутых поло-

жений. Это закрепление происходило двумя основными путями: через обычное неписаное право (характерное для Франции и Пруссии) или через обычное право (применявшееся в Саксонии и других регионах).

Данный процесс имеет большое историко-правовое значение, поскольку он не только способствовал уточнению понятия и сферы деятельности полиции, но и впервые закрепил законодательные ограничения для ее функционирования. Как справедливо отмечал Г. Аншютц, «самая сильная, самая опасная для свободы отдельных лиц сторона государственной власти была этим в принципе превращена из незаконной в закономерную деятельность, и таким образом внутри полицейского государства частично осуществилось правовое государство»⁶². Даже поверхностный анализ современных законодательных ограничений административного принуждения в деятельности полиции позволяет провести параллель с этим принципом конца XVIII века. Для этого достаточно обратиться к отдельным положениям Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»⁶³.

Наконец, последнее, но от того не менее важное замечание относительно внешних предпосылок возникновения регулярной полиции в России. Разделяя взгляды И.М. Вакулы и С.Г. Москаленко⁶⁴, отметим, что в Западной Европе процесс становления полиции в современном понимании завершился позже, чем создание регулярной армии и профессиональной бюрократии. Полиция возникла на этапе централизации государств и формирования крупных столичных центров. Следовательно, учреждение регулярной полиции можно рассматривать как показатель завершения функционального, институционального и территориального строительства государства.

Подводя итог проведенному анализу, можно констатировать, что к началу XVIII века, благодаря государственно-управленческим реформам Петра I, направленным на европеизацию, сформировались ключевые внешние предпосылки для создания отечественной кадровой

⁵⁸ Васечко А.А., Щелоков К.С. Феномен полицейского государства как тип управления обществом // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 5. С. 18.

⁵⁹ Аншютц Г. Указ. соч. С. 113.

⁶⁰ См.: Эннекперус Л., Кипп Т., Вольф М. Курс германского гражданского права. Т. 1, полутом I. Введение и общая часть. М., 1949. С. 45.

⁶¹ См.: Аншютц Г. Указ. соч. С. 122; Киселев А.К. Краткий экскурс в историю полицейского образования и обучения в Европе // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4-4 (64). С. 111.

⁶² Аншютц Г. Указ. соч. С. 113.

⁶³ См. положения норм главы 5 «Применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия» (ст. 18—23) указанного федерального закона, устанавливающих порядок и основания применения полицией физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

⁶⁴ Вакула И.М., Москаленко С.Г. Генезис регулярной полиции в России: особенности и исторический опыт // Философия права. 2018. № 3 (86). С. 143.

полицейской. Эти преобразования, разрушив прежние устои, определили два основных направления деятельности будущей полиции: обеспечение «благополучия» и «безопасности». В их задачи входили борьба с преступностью, поддержание общественного порядка, санитарный и противопожарный контроль, а также благоустройство. Именно эти функции стали основой для формирования концептуального понимания теоретических и методологических основ организации регулярной полиции в рамках её правовой институционализации.

Список литературы

1. Андреева И.А. Полицейская система Франции: генезис, формирование, развитие (вторая половина XVII — начало XXI вв.): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2015. 52 с.
2. Андреева И.А. Становление полиции Франции в контексте модернизации общества (вторая половина XVII—XVIII вв.) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 1 (40). С. 40—45.
3. Аншютц Г. Полиция (перевод с немецкого) // Журнал Министерства юстиции. 1911. № 7. С. 106—128.
4. Белявский Н.Н. Полицейское право. (Административное право): конспект лекций (вместо литографированных записок). 3-е изд., доп. Петроград: тип. т-ва «Екатерингоф. печ. дело», 1915. 409 с.
5. Вакула И.М., Москаленко С.Г. Генезис регулярной полиции в России: особенности и исторический опыт // Философия права. 2018. № 3 (86). С. 141—147.
6. Васечко А.А., Щелоков К.С. Феномен полицейского государства как тип управления обществом // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 5. С. 17—20. doi: 10.24411/2073-0454-2020-10252.
7. Гасымов Н.Г. Становление полицейской функции в государственном механизме // Государственная власть и местное самоуправление. 2004. № 1. С. 12—16.
8. Гессен В.М. Вопросы местного управления. СПб: издание юрид. кн. склада «Право»: типо-литография А.Е. Ландау, 1904. 237 с.
9. Гессен В.М. Лекции по полицейскому праву: издание студентов 1907—1908. Вып. 1. СПб: тип. «Север», 1908. 196 с.
10. Горожанин А.В. Полицистика и идея государственности в истории правовых учений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб, 2000. 54 с.
11. Губанов А.В., Зубов И.Н. Полицейское право. Ч. 1. Полиция государств дальнего зарубежья и международное полицейское сотрудничество. Омск: Ом. акад. МВД России, 2000. 200 с.
12. Густова Л.В., Чаннов С.Е. Полиция России и Великобритании: история становления и перспективы реформирования // Гражданин и право. 2012. № 1. С. 3—15.
13. Дерюжинский В.Ф. Полицейское право: пособие для студентов. 2-е изд., доп. СПб: Сенат. тип., 1908. 552 с.
14. Дерюжинский В.Ф. Полицейское право: пособие для студентов. 4-е изд. Петроград: Сенат. тип., 1917. 510 с.
15. Дунаев Н.В., Закиматова А.Ю., Пиджаков А.Ю. Система полицейских органов и полицейская деятельность в странах Западной Европы // Юридическая мысль. 2006. № 4 (35). С. 36—43.
16. Евсеенко Т.П. Эволюция формы государственного устройства в античном мире: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 59 с.
17. Закиматова А.Ю. Правовое регулирование службы в органах полиции Российской империи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2006. 27 с.
18. Иванов А.А., Бедретдинов Р.Р. Силы и средства охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности в Древнем Риме // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 1. С. 113—117.
19. Иванов А.А., Румянцев Н.В. Организация полицейской службы в древнегреческих полисах // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 8. С. 106—110.
20. Киселев А.К. Краткий экскурс в историю полицейского образования и обучения в Европе // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4-4 (64). С. 111—114.
21. Колонтаевская И.Ф. Происхождение полиции как органа обеспечения правопорядка и общественной безопасности // Адвокатская практика. 2006. № 4. С. 33—39.
22. Корнев А.В. Полицейское государство: идеи и практика: учеб. пособие. М.: Акад. упр. МВД России, 1998. 93 с.
23. Куторга М.С. Общественное положение рабов и вольноотпущенных в Афинской республике // Собрание сочинений / М.С. Куторга. Т. 1. СПб: изд. Л.Ф. Пантелеева, 1894. С. 316.
24. Куянова А.В. Полиция в Российской Федерации и правовое регулирование ее деятельности // Алтайский юридический вестник. 2015. № 3 (11). С. 65—71.
25. Матвеев С.П. Институт полиции: исторический экскурс // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 1. С. 164—172.

26. Михайлова Н.В., Феднева Н.Л. Концепция полицейского государства: формирование и отражение в законодательстве // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7. С. 102—106.

27. Назимов А.Е. Лекции по полицейскому праву / под ред. Б.Ф. Лемеша-Лемешинского. Одесса: тип. и хромо-лит. А.Ф. Соколовского, 1903. 211 с.

28. Петров М.Н. Лекции по всемирной истории: в 4 т. Т. 1. История древнего мира. 2-е изд., в новой обраб. и с доп. А.Н. Деревницкого. СПб: изд. В. Березовского, 1907. 412 с.

29. Полякова С.В. Генезис института полиции в зарубежных странах // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 2 (9). С. 38—41.

30. Страны Древнего мира: государственное устройство и управление. СПб, 1907. С. 18, 40.

31. Фролов Э.Д. Скифы в Афинах // Вестник Древней Истории. 1998. № 1 (224). С. 135—152.

32. Чесовская М.Г. Полиция (politéia): происхождение и сущность (к вопросу об этимологии понятия) // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2011. № 1 (17). С. 2—5.

33. Шпилевский М.М. Полицейское право, как самостоятельная отрасль правоведения. Одесса: тип. Ульриха и Шульце, 1875. 196 с.

34. Эннексерус Л., Кипп Т., Вольф М. Курс германского гражданского права. Т. 1, полутом 1. Введение и общая часть. М.: Изд-во иностранной лит., 1949. 432 с.

35. Clément P. La police sous Louis XIV. Elibron Classics, 2002. 494 p.

36. Domat J. Oeuvres complètes. Nouvelle édition. Revue, corrigée. Vol. 1—3 / ed. J. Remy. Paris: Firmin Didot, 1829. 602 p.

37. Dyonet N. Le commissaire Delamare et son Traité de la police (1639—1723) // Entre justice et justiciables: les auxiliaires de la justice du Moyen Âge au XXe siècle. Presses Université Laval, 2005. P. 107.

38. La Mare N. de. Traité de la police, ou l'on trouvera l'histoire de son établissement, les fonctions et les prerogatives de ses magistrats, toutes les loix et tous les reglemens qui la concernent. Vol. 1. Paris, 1705.

References

1. Andreeva, I.A. (2015) Politseyskaya sistema Frantsii: genezis, formirovanie, razvitie (vtoraya polovina XVII – nachalo XXI vv.) [The French police system: genesis, formation, development (the second half of the XVII – the beginning of

the XXI centuries)]. Abstract of Doctor's degree dissertation. Omsk, 52 p. (In Russ.).

2. Andreeva, I.A. (2011) Stanovlenie politzii Frantsii v kontekste modernizatsii obshchestva (vtoraya polovina XVII–XVIII vv.) [Development of the French police in the context of the modernization of society (second half of the 17th – 18th centuries)]. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, no. 1, pp. 40–45. (In Russ.).

3. Anschutz, G. (1911) Politsiya [Police]. *Journal of the Ministry of Justice*, no. 7, pp. 106–128. (In Russ.).

4. Belyavskiy, N.N. (1915) Politseyskoe pravo. (Administrativnoe pravo) [Police Law. (Administrative Law)]. Lecture notes. 3rd ed. Petrograd, Ekateringofskoe pechatnoe delo, 409 p. (In Russ.).

5. Vakula, I.M., Moskalenko, S.G. (2018) Genezis regul'yarnoy politzii v Rossii: osobennosti i istoricheskiy opyt [The genesis of the regular police in Russia: features and historical experience]. *Philosophiya prava*, no. 3, pp. 141–147. (In Russ.).

6. Vasechko, A.A., Shchelokov, K.S. (2020) Fenomen politseyskogo gosudarstva kak tip upravleniya obshchestvom [The phenomenon of the police state as a type of governance]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, no. 5, pp. 17–20. (In Russ.). doi: 10.24411/ 2073-0454-2020-10252.

7. Gasymov, N.G. (2004) Stanovlenie politseyskoy funktsii v gosudarstvennom mekhanizme [The emergence of the police function in the state mechanism]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, no. 1, pp. 12–16. (In Russ.).

8. Gessen, V.M. (1904) Voprosy mestnogo upravleniya [Issues of local government]. Saint Petersburg, Legal Bookstore "Pravo", Typo-Lithography of A.E. Landau, 237 p. (In Russ.).

9. Gessen, V.M. (1908) Lektsii po politseyskomu pravu [Lectures on police law]. Publication of students 1907–1908. Iss. 1. Saint Petersburg, Sever, 196 p. (In Russ.).

10. Gorozhanin, A.V. (2000) Politseistika i ideya gosudarstvennosti v istorii pravovykh ucheniy [Police studies and the idea of statehood in the history of legal thought]. Abstract of Doctor's degree dissertation. Saint Petersburg, 54 p. (In Russ.).

11. Gubanov, A.V., Zubov, I.N. (2000) Politseyskoe pravo [Police law]. Vol. 1. Politsiya gosudarstv dal'nego zarubezh'ya i mezhdunarodnoe politseyskoe sotrudnichestvo [Police of foreign countries and international police cooperation]. Omsk, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 200 p. (In Russ.).

12. Gustova, L.V., Channov, S.E. (2012) Politsiya Rossii i Velikobritanii: istoriya stanovleniya i perspektivy reformirovaniya [The police of Russia and Great Britain: the history of formation and prospects for reform]. *Grazhdanin i pravo*, no. 1, pp. 3–15. (In Russ.).

13. Deryuzhinskiy, V.F. (1908) Politseyskoe pravo [Police law]. Guide for students. 2nd ed. Saint Petersburg, Senatskaya tipografiya, 552 p. (In Russ.).

14. Deryuzhinskiy, V.F. (1917) Politseyskoe pravo [Police law]. Guide for students. 4th ed. Petrograd, Senatskaya tipografiya, 510 p. (In Russ.).

15. Dunaev, N.V., Zakimatova, A.Yu., Pidzhakov, A.Yu. (2006) Sistema politseyskikh organov i politseyskaya deyatel'nost' v stranakh Zapadnoy Evropy [The system of police bodies and police activities in Western European countries]. *Yuridicheskaya mysl'*, no. 4, pp. 36–43. (In Russ.).

16. Evseenko, T.P. (2005) Evolyutsiya formy gosudarstvennogo ustroystva v antichnom mire [The evolution of the form of government in the ancient world]. Abstract of Doctor's degree dissertation. Ekaterinburg, 59 p. (In Russ.).

17. Zakimatova, A.Yu. (2006) Pravovoe regulirovanie sluzhby v organakh politzii Rossiyskoy imperii [Legal regulation of service in the police of the Russian Empire]. Abstract of Ph. D. thesis. Saint Petersburg, 27 p. (In Russ.).

18. Ivanov, A.A., Bedretdinov, R.R. (2012) Sily i sredstva okhrany obshchestvennogo poriyadka i obespecheniya obshchestvennoy bezopasnosti v Drevnem Rime [Forces and means of keeping public order and providing of social security in Ancient Rome]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, no. 1, pp. 113–117. (In Russ.).

19. Ivanov, A.A., Rumyantsev, N.V. (2011) Organizatsiya politseyskoy sluzhby v drevnegrecheskikh polisakh [Organization of policing in Ancient Greece Polises]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, no. 8, pp. 106–110. (In Russ.).

20. Kiselev, A.K. (2009) Kratkiy ekskurs v istoriyu politseyskogo obrazovaniya i obucheniya v Evrope [Brief digression to a history of police education and training in Europe]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4-4, pp. 111–114. (In Russ.).

21. Kolontaevskaya, I.F. (2006) Proiskhozhdenie politzii kak organa obespecheniya pravoporyadka i obshchestvennoy bezopasnosti [The origin of the police as a law enforcement and public safety agency]. *Advokatskaya praktika*, no. 4, pp. 33–39. (In Russ.).

22. Kornev, A.V. (1998) Politseyskoe gosudarstvo: idei i praktika [The police state: ideas and practice]. Textbook. Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 93 p. (In Russ.).

23. Kutorga, M.S. (1894) Obshchestvennoe polozhenie rabov i vol'nootpushchennykh v Afinskoy respublike [The social status of slaves and freedmen in the Athenian Republic]. In: Kutorga, M.S. *Sobranie sochineniy [Collected works]. Vol. 1.* Saint Petersburg, L.F. Panteleev, p. 316. (In Russ.).

24. Kuyanova, A.V. (2015) Politsiya v Rossiyskoy Federatsii i pravovoe regulirovanie ee deyatel'nosti [Police in the Russian Federation and legal regulation of its activities]. *Altayskiy yuridicheskii vestnik*, no. 3, pp. 65–71. (In Russ.).

25. Matveev, S.P. (2014) Institut politzii: istoricheskiy ekskurs [Police institution: historical excursus]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, no. 1, pp. 164–172. (In Russ.).

26. Mikhaylova, N.V., Fedneva, N.L. (2013) Kontseptsiya politseyskogo gosudarstva: formirovanie i otrazhenie v zakonodatel'stve [The police state conception: its formation and reflection in the legislation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, no. 7, pp. 102–106. (In Russ.).

27. Nazimov, A.E. (1903) Lektsii po politseyskomu pravu [Lectures on police law]. Odessa, Typography and Chromolithography of A.F. Sokolovskiy, 211 p. (In Russ.).

28. Petrov, M.N. (1907) Lektsii po vseмирной istorii [Lectures on world history]. In 4 vols. Vol. 1. *Istoriya drevnego mira [The history of the ancient world]*. 2nd ed. Saint Petersburg, V. Berezovskiy, 412 p. (In Russ.).

29. Polyakova, S.V. (2016) Genezis instituta politzii v zarubezhnykh stranakh [Genesis institute of police in foreign countries]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*, no. 2, pp. 38–41. (In Russ.).

30. Strany Drevnego mira: gosudarstvennoe ustroystvo i upravlenie [Countries of the ancient world: state structure and administration]. Saint Petersburg, 1907, pp. 18, 40. (In Russ.).

31. Frolov, E.D. (1998) Skify v Afinakh [Scythians in Athens]. *Vestnik Drevney Istorii*, no. 1, pp. 135–152. (In Russ.).

32. Chesovskaya, M.G. (2011) Politsiya (politéia): proiskhozhdenie i sushchnost' (k voprosu ob etimologii ponyatiya) [Police (politéia): origin and essence (on the etymology of the concept)]. *Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*, no. 1, pp. 2–5. (In Russ.).

33. Shpilevskiy, M.M. (1875) *Politseyskoe pravo, kak samostoyatel'naya otrasl' pravovedeniya* [Police law as an independent branch of jurisprudence]. Odessa, Ulrich and Schulze, 196 p. (In Russ.).

34. Enneccerus, L., Kipp, T., Wolf, M. (1949) *Kurs germanского grazhdanskogo prava* [Course of German civil law]. Vol. 1, half volume 1. Moscow, Publishing House of Foreign Literature, 432 p. (In Russ.).

35. Clément, P. (2002) *La police sous Louis XIV*. Elibron Classics, 494 p.

36. Domat, J. (1829) *Oeuvres complètes*. Nouvelle édition. Revue, corrigée. Vol. 1–3. Paris, Firmin Didot, 602 p.

37. Dyonet, N. (2005) *Le commissaire Delamare et son Traité de la police (1639–1723)*. In: *Entre justice et justiciables: les auxiliaires de la justice du Moyen Âge au XXe siècle*. Presses Université Laval, p. 107.

38. La Mare, N. de. (1705) *Traité de la police, ou l'on trouvera l'histoire de son établissement, les fonctions et les prerogatives de ses magistrats, toutes les loix et tous les reglemens qui la concernent*. Vol. 1. Paris.

Информация об авторах

А.А. Кобозев — профессор кафедры кадрового обеспечения и управления персоналом органов внутренних дел ВППК МВД России, доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России;

В.Б. Коробов — главный научный сотрудник НИЦ № 2 ВНИИ МВД России, доктор социологических наук, профессор.

Information about the authors

A.A. Kobozev – Professor of the Department of Human Resources and Personnel Management in Internal Affairs Bodies of the All-Russian Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor, Honorary officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

V.B. Korobov – Chief researcher of the Research center 2 of the All-Russian Research Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Гражданский процесс: Учебник. 11-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Р.А. Курбанова, Л.В. Тумановой, Н.Д. Эриашвили, А.Н. Кузбагарова. 559 с.

ISBN 978-5-238-03970-1

На основе современного законодательства системно и комплексно раскрыты основные темы курса: цели, задачи, принципы гражданского судопроизводства, сущность и источники гражданского процессуального права, гражданские процессуальные правоотношения, понятие доказательств и доказывания, участники и сроки судопроизводства, порядок и особенности его ведения. Рассмотрены основные положения арбитражного процесса, нотариата, третейского суда.

Особое внимание уделено порядку пересмотра судебных постановлений в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, особенностям производства по делам, связанным с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов, а также пересмотру по новым или вновь открывшимся обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную силу.

Для студентов, аспирантов и преподавателей высших и средних специальных учебных заведений юридического профиля, а также для всех интересующихся вопросами гражданского процесса.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 1. С. 24—29.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026, no. 1, pp. 24–29.

УДК 343.1
doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.002

NIION: 2015-0065-01/26-360
MOSURED: 77/27-010-2026-01-559

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Зарождение механизма правообеспечения в уголовном судопроизводстве Древней Греции и Древнего Рима

Шарбатулло Джаборович Содиков

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия,
sodikovsh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7348-0306>

Аннотация. В статье представлен комплексный историко-правовой анализ генезиса первоначальных механизмов правообеспечения в уголовном судопроизводстве античных государств. В фокусе исследования находятся правовые институты Древней Греции (с акцентом на афинскую демократию V—IV вв. до н. э.) и Древнего Рима (в периоды Республики и ранней Империи), заложившие фундаментальные основы для последующего развития гарантий прав личности в праве.

Автор детально исследует специфические правовые институты, выполнявшие обеспечительную функцию. В контексте Древней Греции рассматривается роль суда присяжных (гелиэи), принцип состязательности (истец — ответчик), право на защиту и представление доказательств, а также процедуры обжалования решений. В римском уголовном процессе анализируется эволюция от архаичных и строгих форм судопроизводства (постоянные судебные комиссии — *quaestiones perpetuae*) к развитым состязательным началам, включая становление ключевой фигуры адвоката (*patronus, orator*), формирование концепции презумпции невиновности и право обвиняемого на защиту и представление свидетелей.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на классовый и ограниченный рабовладельческий характер правовых систем, именно в античную эпоху были сформулированы и апробированы первые в истории человечества процессуальные инструменты, направленные на защиту интересов свободных граждан от произвола обвинения. Эти институты не только обеспечивали определённый уровень справедливости и порядка в своих обществах, но и стали важнейшим историческим и юридическим прецедентом, оказав прямое влияние на формирование современных стандартов обеспечения прав и свобод личности в уголовном процессе. Выводы исследования имеют значительное историко-правовое значение для понимания эволюции правовых гарантий в западной юридической традиции.

Ключевые слова: уголовный процесс, правообеспечение, Древняя Греция, Древний Рим.

Для цитирования: Содиков Ш.Д. Зарождение механизма правообеспечения в уголовном судопроизводстве Древней Греции и Древнего Рима // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 1. С. 24—29. doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.002.

The origin of the law enforcement mechanism in criminal proceedings in Ancient Greece and Ancient Rome

Sharbatullo D. Sodikov

MGIMO University, Moscow, Russia, sodikovsh@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7348-0306>

Abstract. The article presents a comprehensive historical and legal analysis of the genesis of the initial mechanisms of legal support in criminal proceedings of ancient states. The focus of the study is on the legal institutions of Ancient Greece (with an emphasis on the Athenian democracy of the 5th — 4th centuries BC) and Ancient Rome (during the periods of the Republic and early Empire), which laid the fundamental foundations for the subsequent development of guarantees of individual rights in law.

The author examines in detail the specific legal institutions that performed the security function. In the context of Ancient Greece, the role of jury trials (*Heliaea*), the principle of adversarial proceedings (plaintiff — defendant), the right to defense and presentation of evidence, as well as the procedures for appealing decisions are considered. In the Roman criminal procedure, the evolution from archaic and strict forms of legal proceedings (permanent judicial commissions —

© Содиков Ш.Д., 2026

quaestiones perpetuae) to developed adversarial principles is analyzed, including the formation of the key figure of the lawyer (patronus, orator), the formation of the concept of the presumption of innocence and the right of the accused to defense and the presentation of witnesses.

The conducted study allows us to conclude that, despite the class and limited slave-owning nature of legal systems, it was in the ancient era that the first procedural instruments in the history of mankind aimed at protecting the interests of free citizens from the arbitrariness of the prosecution were formulated and tested. These institutions not only ensured a certain level of justice and order in their societies, but also became a crucial historical and legal precedent, having a direct impact on the formation of modern standards for ensuring the rights and freedoms of the individual in criminal proceedings. The findings of the study are of significant historical and legal importance for understanding the evolution of legal guarantees in the Western legal tradition.

Keywords: criminal procedure, law enforcement, Ancient Greece, Ancient Rome.

For citation: Sodikov, Sh.D. (2026) The origin of the law enforcement mechanism in criminal proceedings in Ancient Greece and Ancient Rome. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 1, pp. 24 – 29. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.002.

Введение

Для того чтобы усовершенствовать современный механизм правообеспечения в уголовном судопроизводстве, необходимо обратиться к истокам его появления, поскольку только через связь настоящего и прошлого представляется возможным определить перспективные направления и предотвратить возможные ошибки. Именно обращение к опыту таких рабовладельческих государств, как Древняя Греция и Древней Рим, представляет особый интерес, поскольку данные государства отличались высоким уровнем культуры и глубокой философией, которая повлияла на юриспруденцию будущего, вне зависимости от географического расположения государств.

Прежде всего согласимся, что человек разумный выстраивает общественные отношения для организации жизни всего человеческого сообщества, своей жизни и деятельности на неопределенное время вперед, на будущее, гарантирующее ему и его потомкам нормальную и упорядоченную жизнь¹. В то же время отношение к правам и свободам человека и гражданина всегда было различно и зависело от конкретного исторического периода и отдельной страны. Как отмечает Э.А. Сагалаков, «концепция нормативного закрепления прав и свобод личности восходит еще к истокам человеческой цивилизации, начиная с Законов царя Хаммурапи и иных памятников права Древнего мира и Средневековья и заканчивая идеями политиков и мыслителей Нового и Новейшего време-

ни»². Однако здесь возникает вопрос, о каких именно правах говорит названный автор, а точнее, что понимается под правами и свободами личности? К сожалению, Э.А. Сагалаков не дает примеров закрепления этих прав в приведенных им документах. Представляется, что подход относительно реализации прав, свобод и законных интересов личности в первобытном обществе существенным образом отличается от того, который зародился уже в период цивилизаций.

В первобытном обществе, с одной стороны, зачатки правообеспечительного механизма весьма сложно усмотреть, поскольку уровень развития общественных отношений был низким, с другой стороны, — просматриваются негласные правила и запреты, соответствующие поведенческим лекалам. Распространено мнение, что вождь при отправлении правосудия определял, что считается справедливым, а что нет, его власть строилась по принципу сильнейшего и подчинялась природным инстинктам, вследствие чего правонарушитель подвергался избиению, изгнанию и смертной казни. По наблюдению М.А. Чельцова-Бебутова, «выборные старшины не пользовались никакими карательными функциями. Первой формой применения общественно-карательной власти было изгнание... <...> При этом нет никаких данных о том, что такая мера принималась по жалобе кого-либо из членов рода и после специального раз-

¹ Карпов Н.Н. Защита прав и свобод человека и гражданина: исторический экскурс // Защита прав и свобод человека и гражданина как приоритетное направление государственной политики: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 15—16 сентября 2022 г. Петрозаводск, 2022. С. 15.

² Сагалаков Э.А. Становление идеи декларации прав человека в истории правовой мысли // Профилактика и противодействие экстремизму и терроризму в информационной среде как условие обеспечения гармонизации межнациональных и этноконфессиональных отношений: сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Абакан, 21 октября 2021 г.). Абакан, 2021. С. 290.

бирательства дела. В них не было необходимости, так как каждый проступок члена родовой общины немедленно делался широко известным всем сородичам»³.

Такой подход вряд ли согласуется с современным пониманием механизма правообеспечения. Между тем, подчеркнула Е.А. Лукашева, «родовые» нормы содержали в зачаточном состоянии представления о добре и зле, так как они предусматривали взаимопомощь, взаимозащиту и эндогамию. По сути, были жёсткие предписания, продиктованные крайне трудными условиями существования человека. В силу нерасчлененности сознания первобытного человека, определяемой нерасчлененностью бытия, мононормы служили для того, чтобы поддержать и сохранить целостность общины, рода, орды⁴.

По нашему глубокому убеждению, именно в период Древней Греции и Древнего Рима формируются зачатки правообеспечительного механизма. Например, греческие судебные ораторы в своих речах по делам об убийствах, которые были озвучены в ареопаге, произносили следующее: «Я мог бы рассказать про него еще много другого; но... закон не разрешает у вас говорить о том, что не относится к делу»⁵. Из приведенной цитаты можно предположить, что вводилось правило об относимости уголовных доказательств, которое напрямую влияет на обеспечение прав и свобод участников уголовного процесса, поскольку не позволяет в глазах присутствующих на судебном разбирательстве озвучивать сведения, которые могут вызвать предубеждение в отношении подсудимого. Данное правило нашло свое отражение и в современном уголовном процессе, когда осуществляется производство по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей⁶.

В силу того, что в Древней Греции в период рассмотрения дел судом присяжных (*гелиэя* — главное судебное учреждение Афин) каждый

гражданин должен был сам отстаивать свои интересы в суде, не прибегая к посторонней помощи, т. е. быть своим защитником⁷, сказать, что в контексте оказания квалифицированной помощи был предусмотрен институт адвокатуры в современном его понимании, крайне сложно. Небезынтересным видится также и наложение штрафа на обвинителя при оправдании подсудимого, что может быть неким прообразом института реабилитации. При возбуждении дела обвинитель в письменной форме доводил эту информацию до общественности⁸, что может расцениваться как соблюдение права на защиту и применяться с тем, чтобы лицо не находилось в так называемой правовой пустоте. Не коррелируется с современным представлением о достаточности доказательств правило о возможности принятия решения по делу при признании вины без подкрепления ее иными доказательствами⁹, а также показания, данные под пыткой, которые, как отмечал древнегреческий философ Аристотель, выделялись в качестве отдельных видов доказательств наряду с ординарными показаниями¹⁰.

Как отмечают специалисты, «огромный вклад в развитие гражданских свобод внесли римляне», которые, основываясь на идеях естественного права, обеспечивали право неприкосновенности личности посредством того, что ни при каких условиях граждане Римского государства не могли быть подвергнуты пытке¹¹. Более того, обвиняемому в преступлении гражданину представлялись определенные гарантии. Так, со II века до н. э. обвиняемый имел право выбора защитника, признавалось право на молчание, а в 70 г. до н. э. был учрежден суд присяжных, а заседания проходили публично¹².

⁷ Деханов С.А. Способы оказания юридической помощи в Древней Греции // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. 2010. № 3 (18). С. 45.

⁸ См.: Ламтева А.В. Процессуальная лаборатория по исследованию исторических типов уголовного процесса // Российский журнал правовых исследований. 2021. Т. 8, № 2. С. 71–78.

⁹ Пикалов И.А. О типологии древнего уголовного процесса // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 88.

¹⁰ Аристотель. Риторика. СПб, 1894. С. 69.

¹¹ Стремоухов А.В., Стремоухов А.А. Предыстория прав человека и становление концепции прав человека в Древнем мире // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 2 (48). С. 17–18.

¹² Пяткина С. К истории теории и практики прав человека в их развитии до антифеодальных революций // Права человека: история, теория и практика: учебное пособие / Пяткина С., Яковлев А., Алексеев С. [и др.]; отв. ред. Б.Л. Назаров. М., 1995. С. 65.

³ Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб, 1995. С. 39.

⁴ Лукашева Е.А. Права человека: понятие, сущность // Права человека: учебник / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2011. С. 26.

⁵ Лисий. Речи / перевод, статьи и комментарии С.И. Соболевского. М., 1933. С. 74.

⁶ Так, согласно ч. 8 ст. 335 УПК РФ запрещается исследовать факты прежней судимости, признания подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом, а также иные данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого.

Если говорить о раннем этапе появления римской цивилизации (в период разложения военной демократии), то судебный процесс по делам о *delicta publica* инициировался царем, который выслушивал стороны, после чего постановлял приговор. Однако царь, как описано в литературе, не во всех случаях руководил ходом процесса и имел право назначать заместителя или двух заместителей из числа сенаторов, которые были «арбитрами спора»¹³. Как представляется, это не отвечает современным требованиям о неизменности состава суда¹⁴. Дела о *delicta privata* возбуждала потерпевшая сторона, вследствие чего инициатор сам осуществлял предварительное расследование, в том числе собирал доказательства¹⁵. В силу того, что рабы рассматривались как «говорящие вещи», они были исключены из сферы общих процессуальных отношений, а наказания на них накладывались только во внесудебном порядке¹⁶, например их господином.

В период Римской республики правосудие осуществлялось уже не царями, а магистратами — ординарными и экстраординарными¹⁷. Довольно интересную характеристику римского уголовного процесса того периода дал Т. Моммзен, отмечая, что «римское уголовное судопроизводство утратило этим путем всякую принципиальность и опустилось на степень игрушки и орудия в руках политических партий... Медленность этой процедуры и республиканское высокомерное презрение к негражданину было причиной того, что к этому формальному судопроизводству привилось более короткое уголовное, или, вернее, полицейское, судопроизводство для рабов и для мелкого люда»¹⁸. Соответственно, говорить о формировании комплексного правообеспечительного механизма в этот период крайне сложно.

Из положительного можно выделить то обстоятельство, что суд не мог возбуждать дела по своей инициативе без наличия жалобы обвинителя, что отвечало правилу обвинительного процесса и было выражено мыслителем Цицероном в следующей формуле: *nemo nisi accusatus fuerit, condemnari potest* (никто не может быть осужден без соответствующего обвинения)¹⁹. Думается, такой подход коррелируется с требованием о рассмотрении судом уголовного дела в рамках только заявленного обвинения²⁰. Примечательным считаем, что патроны оказывали юридическую помощь в судопроизводстве²¹, вследствие чего есть все основания говорить о зарождении адвокатуры и ее основной современной функции — защиты.

Вместе с тем следует отметить, что в Древней Греции и Древнем Риме была введена процедура пересмотра судебных решений с определенными оговорками²², что, очевидно, также повлияло положительно на формирование механизма правообеспечения, поскольку предоставило возможность перепроверить и дать иную оценку решению суда, постановившего приговор.

Таким образом, можно резюмировать, что в рабовладельческом типе государства как такового комплексного правообеспечительного механизма не существовало, поскольку уголовное судопроизводство сначала строилось интуитивно, а далее зависело от конкретного периода и государства. Так, в Древней Греции и Древнем Риме рабы рассматривались как вещи, к которым применялись пытки и иное обращение, унижающее честь и достоинство личности, вследствие чего не было никаких гарантий спра-

¹³ Чельцов-Бebutov М.А. Указ. соч. С. 128—129.

¹⁴ Например, согласно ст. 242 УПК РФ уголовное дело рассматривается одним и тем же судьей или одним и тем же составом суда (ч. 1), а если кто-либо из судей лишен возможности продолжать участие в судебном заседании, то он заменяется другим судьей и судебное разбирательство уголовного дела начинается сначала (ч. 2).

¹⁵ Медведев В.Г. Уголовный суд и процесс в Древнем Риме в архаический период // Общество и право. 2010. № 3 (30). С. 14.

¹⁶ Медведев В.Г. Уголовный суд и процесс в Древнем Риме в период империи // Российский юридический журнал. 2011. № 3 (78). С. 222—223.

¹⁷ Покровский И.А. История римского права. СПб, 1913. С. 150—160.

¹⁸ Моммзен Т. История Рима: в 4 т. Т. 1 (кн. 1—3). Ростов-на-Дону, 1997. С. 424.

¹⁹ Чельцов-Бebutov М.А. Указ. соч. С. 144.

²⁰ Например, в силу ст. 252 УПК РФ судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению (ч. 1), а изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту (ч. 2). Аналогичная норма закреплена и в УПК Республики Таджикистан (ст. 285).

²¹ См.: Панкратова М.Е., Соловьев С.А. Возникновение института адвокатуры из патроната Древнего Рима // Современное право. 2012. № 10. С. 139—142; Иванов А.А., Шагиева Р.В. Становление адвокатуры в Древнем Риме // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 1 (32). С. 13—18.

²² См.: Паночкин А.М. Пересмотр судебных решений в Древней Греции и Древнем Риме // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 10 (71). С. 138—146.

ведливого судебного разбирательства. По сути, концепция защиты прав и свобод распространялась лишь на определенные слои общества, что не отвечает современным представлениям о равноправии. Как представляется, это обусловлено было тем, что не было идеи верховенства права, согласующейся с естественными правами. Зарождение адвокатуры в контексте защиты прав, свобод и интересов личности в уголовном процессе происходит лишь в период Римской республики, но данный институт претерпевает различные изменения. Одновременно усматриваются положительные предпосылки в виде появления некоторых зачатков правообеспечительного механизма, в частности уведомление о начале уголовного преследования, рассмотрение уголовного дела в пределах заявленного обвинения, привлечение к ответственности обвинителя в случае оправдания подсудимого, возможность пересмотра судебных решений.

Список литературы

1. Аристотель. Риторика. СПб: типография В.С. Балашева и Ко, 1894. XII, 204 с.
2. Деханов С.А. Способы оказания юридической помощи в Древней Греции // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. 2010. № 3 (18). С. 44—48.
3. Карпов Н.Н. Защита прав и свобод человека и гражданина: исторический экскурс // Защита прав и свобод человека и гражданина как приоритетное направление государственной политики: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 15—16 сентября 2022 г. Петрозаводск: Карельский научный центр Российской академии наук, 2022. С. 15—21.
4. Ламтева А.В. Процессуальная лаборатория по исследованию исторических типов уголовного процесса // Российский журнал правовых исследований. 2021. Т. 8, № 2. С. 71—78. doi: 10.17816/RJLS70289.
5. Лукашева Е.А. Права человека: понятие, сущность // Права человека: учебник / отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 23—49.
6. Лисий. Речи / перевод, статьи и комментарии С.И. Соболевского. М.: Academia, 1933. 555 с.
7. Медведев В.Г. Уголовный суд и процесс в Древнем Риме в архаический период // Общество и право. 2010. № 3 (30). С. 13—17.
8. Медведев В.Г. Уголовный суд и процесс в Древнем Риме в период империи // Российский юридический журнал. 2011. № 3 (78). С. 219—223.

9. Моммзен Т. История Рима: в 4 т. Т. 1 (кн. 1—3). Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 640 с.

10. Панкратова М.Е., Соловьев С.А. Возникновение института адвокатуры из патроната Древнего Рима // Современное право. 2012. № 10. С. 139—142.

11. Панокин А.М. Пересмотр судебных решений в Древней Греции и Древнем Риме // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 10 (71). С. 138—146. doi: 10.17803/1994-1471.2016.71.10.138-146.

12. Пикалов И.А. О типологии древнего уголовного процесса // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 87—91.

13. Покровский И.А. История римского права. СПб: издание юридического книжного склада «Право», 1913. XVIII, 572 с.

14. Права человека: история, теория и практика: учебное пособие / Пяткина С., Яковлев А., Алексеев С. [и др.]; отв. ред. Б.Л. Назаров. М.: Русслит, 1995. 304 с.

15. Сагалаков Э.А. Становление идеи декларации прав человека в истории правовой мысли // Профилактика и противодействие экстремизму и терроризму в информационной среде как условие обеспечения гармонизации межнациональных и этноконфессиональных отношений: сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Абакан, 21 октября 2021 г.). Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2021. С. 289—291.

16. Стремоухов А.В., Стремоухов А.А. Пре-дыстория прав человека и становление концепции прав человека в Древнем мире // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 2 (48). С. 12—20.

17. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб: Альфа: Равена, 1995. 846 с.

References

1. Aristotel' (1894) Ritorika [Rhetoric]. Saint Petersburg, V.S. Balashev and Co., XII, 204 p. (In Russ.).
2. Dehanov, S.A. (2010) Sposoby okazaniya juridicheskoy pomoshhi v Drevnej Grecii [Means of legal aid rendering in Ancient Greece]. *Uchenye trudy Rossijskoj Akademii advokatury i notariata*, no. 3, pp. 44—48. (In Russ.).
3. Karpov, N.N. (2022) Zashhita prav i svobod cheloveka i grazhdanina: istoricheskij ekskurs

[Protection of human and civil rights and freedoms: a historical excursion]. In: *Zashchita prav i svobod cheloveka i grazhdanina kak prioritetnoe napravlenie gosudarstvennoj politiki. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, September 15–16, 2022*. Petrozavodsk, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, pp. 15–21. (In Russ.).

4. Lamteva, A.V. (2021) Processual'naja laboratorija po issledovaniju istoricheskikh tipov ugolovnogo processa [The procedural laboratory for studying the historical types of criminal proceedings]. *Russian Journal of Legal Studies*, vol. 8, no. 2, pp. 71–78. (In Russ.). doi: 10.17816/RJLS70289.

5. Lukasheva, E.A. (2011) Prava cheloveka: ponjatie, sushhnost' [Human rights: concept, essence]. In: Lukasheva, E.A. (ed.) *Prava cheloveka [Human rights]*. Textbook. Moscow, Norma, INFRA-M, pp. 23–49. (In Russ.).

6. Lisij (1933) Rechi [Speeches]. Moscow, Academia, 555 p. (In Russ.).

7. Medvedev, V.G. (2010) Ugolovnyj sud i process v Drevnem Rime v arhaicheskij period [Criminal court and process in Ancient Rome in the archaic period]. *Society and Law*, no. 3, pp. 13–17. (In Russ.).

8. Medvedev, V.G. (2011) Ugolovnyj sud i process v Drevnem Rime v period imperii [Criminal court and process in Antique Rome of Empire period]. *Rossijskij juridicheskij zhurnal*, no. 3, pp. 219–223. (In Russ.).

9. Mommsen, T. (1997) Istorija Rima [History of Rome]. Vol. 1 (book 1–3). Rostov-na-Donu, Feniks, 640 p. (In Russ.).

10. Pankratova, M.E., Solov'ev, S.A. (2012) Vozniknovenie instituta advokatury iz patronata Drevnego Rima [The emergence of the Bar patronage of Ancient Rome]. *Sovremennoe pravo*, no. 10, pp. 139–142. (In Russ.).

11. Panokin, A.M. (2016) Peresmotr sudebnyh reshenij v Drevnej Grecii I Drevnem Rime [Review

of judgements in Ancient Greece and Ancient Rome]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*, no. 10, pp. 138–146. (In Russ.). doi: 10.17803/1994-1471.2016.71.10.138-146.

12. Pikalov, I.A. (2011) O tipologii drevnego ugolovnogo processa [About the typology of ancient criminal process]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, no. 3, pp. 87–91. (In Russ.).

13. Pokrovskij, I.A. (1913) Istorija rimskogo prava [History of Roman law]. Saint Petersburg, Legal Bookstore "Pravo", XVIII, 572 p. (In Russ.).

14. Nazarov, B.L. (ed.) (1995) Prava cheloveka: istorija, teorija i praktika [Human rights: history, theory and practice]. Textbook. Moscow, Russlit, 304 p. (In Russ.).

15. Sagalakov, E.A. (2021) Stanovlenie idei deklaracii prav cheloveka v istorii pravovoj mysli [Formation of the idea of the declaration of human rights in the history of legal thought]. In: *Profilaktika i protivodejstvie jekstremizmu i terrorizmu v informacionnoj srede kak uslovie obespechenija garmonizacii mezhnacional'nyh i jetno-konfessional'nyh otnoshenij. Sbornik materialov III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, October 21, 2021*. Abakan, Khakass State University named after N.F. Katanov, pp. 289–291. (In Russ.).

16. Stremouhov, A.V., Stremouhov, A.A. (2017) Predistorija prav cheloveka i stanovlenie koncepcii prav cheloveka v Drevnem mire [Prehistory of human rights and the formation of the concept of human rights in the ancient world]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal*, no. 2, pp. 12–20. (In Russ.).

17. Chel'tsov-Bebutov, M.A. (1995) Kurs ugolovno-protsessual'nogo prava. Oчерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах [Course of criminal procedure law. Essays on the history of the court and criminal procedure in slaveholding, feudal and bourgeois states]. Saint Petersburg, Al'fa, Ravena, 846 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Ш.Д. Содиков — докторант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО МИД России, кандидат юридических наук.

Information about the author

Sh.D. Sodikov – Doctoral Student of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Forensic Science of MGIMO University, Candidate of Law.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 1. С. 30—39.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026, no. 1, pp. 30—39.

УДК 352:614.2
doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.003

NIION: 2015-0065-01/26-361
MOSURED: 77/27-010-2026-01-560

Научная специальность: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Современные модели правового регулирования участия муниципальных образований в развитии онкологической службы в системе межуровневого публичного управления здравоохранением

Ашот Владимирович Камалян

НИЦ судебной экспертизы и исследований, Москва,
Россия, 9262465066@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-6139-0898>

Аннотация. В статье исследуются современные модели правового регулирования участия муниципальных образований в развитии онкологической службы в системе межуровневого публичного управления здравоохранением. Актуальность темы обусловлена тем, что доступность онкологической помощи определяется не только отраслевой организацией специализированной медицинской помощи на федеральном и региональном уровнях, но и территориальными, инфраструктурными и организационными условиями, формируемыми на муниципальном уровне.

Цель исследования заключается в выявлении правовой природы участия муниципальных образований в обеспечении доступности онкологической помощи и в определении перспектив совершенствования межуровневого взаимодействия в данной сфере. Методологическую основу составили формально-юридический, системный, функциональный и сравнительно-правовой методы, позволившие рассмотреть онкологическую службу как объект комплексного публично-правового регулирования.

Установлено, что органы местного самоуправления не наделены полномочием по организации специализированной онкологической помощи, однако выполняют юридически значимую обеспечительную функцию. Она выражается в создании пространственных, транспортных, инфраструктурных, информационных и профилактических условий, необходимых для функционирования онкологической службы. Показано, что действующая модель регулирования носит координационно-обеспечительный характер и реализуется через конституционные нормы, законодательство об охране здоровья граждан, нормы о местном самоуправлении, а также программно-бюджетные механизмы.

Сделан вывод о необходимости повышения нормативной определенности форм участия муниципальных образований в развитии онкологической службы, укрепления договорных и программных механизмов межуровневого взаимодействия, а также более тесной увязки задач здравоохранения с документами территориального планирования.

Ключевые слова: онкологическая служба, охрана здоровья граждан, муниципальные образования, местное самоуправление, межуровневое публичное управление, разграничение полномочий, специализированная медицинская помощь, программно-бюджетные механизмы, инфраструктура здравоохранения.

Для цитирования: Камалян А.В. Современные модели правового регулирования участия муниципальных образований в развитии онкологической службы в системе межуровневого публичного управления здравоохранением // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 1. С. 30—39. doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.003.

Modern models of legal regulation of municipal participation in the development of oncological care within the system of multi-level public health governance

Ashot V. Kamalyan

Research Center for Forensic Expertise and Studies, Moscow, Russia,
9262465066@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-6139-0898>

Abstract. The article examines modern legal models of municipal participation in the development of oncological care within the system of multi-level public health governance. The relevance of the study is determined by the fact that

accessibility of oncological care depends not only on the sectoral organization of specialized medical care at the federal and regional levels, but also on territorial, infrastructural and organizational conditions formed at the municipal level.

The purpose of the study is to identify the legal nature of municipal participation in ensuring accessibility of oncological care and to determine prospects for improving inter-level cooperation in this sphere. The methodological basis of the research includes formal legal, systemic, functional and comparative legal methods, which make it possible to consider oncological care as an object of complex public-law regulation.

It is established that local self-government bodies are not vested with the power to organize specialized oncological care, yet they perform a legally significant supportive function. This function is expressed in the creation of spatial, transport, infrastructural, informational and preventive conditions necessary for the functioning of oncological care. The article shows that the current regulatory model has a coordination-supportive nature and is implemented through constitutional provisions, health protection legislation, local self-government legislation, as well as program-based and budgetary mechanisms.

It is concluded that there is a need to increase the normative certainty of forms of municipal participation in the development of oncological care, to strengthen contractual and program-based mechanisms of inter-level cooperation, and to ensure a closer link between healthcare objectives and territorial planning documents.

Keywords: oncological care, public health protection, municipalities, local self-government, multi-level public governance, distribution of powers, specialized medical care, program-based and budgetary mechanisms, healthcare infrastructure.

For citation: Kamalyan, A.V. (2026) Modern models of legal regulation of municipal participation in the development of oncological care within the system of multi-level public health governance. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 1, pp. 30 – 39. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.003.

Введение

Развитие онкологической службы в Российской Федерации осуществляется в условиях многоуровневой системы публичной власти, основанной на конституционном разграничении предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией, её субъектами и муниципальными образованиями. Специфика онкологической помощи как вида специализированной и высокотехнологичной медицинской помощи обуславливает преобладающую роль федерального и регионального уровней управления. Вместе с тем правовое регулирование охраны здоровья не исключает участия муниципальных образований в формировании условий доступности и эффективности онкологической службы¹.

Правовой анализ участия муниципальных образований в развитии онкологической помощи требует обращения к нормам Конституции Российской Федерации, Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»², Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации

местного самоуправления в Российской Федерации»³, а также программно-бюджетного законодательства. В совокупности данные нормативные акты формируют модель межуровневого публичного управления здравоохранением, в рамках которой муниципальный уровень выполняет вспомогательные, но юридически значимые функции.

Современное состояние правового регулирования онкологической помощи требует рассмотрения не только отраслевых норм охранительного законодательства, но и более широкого публично-правового контекста, в котором обеспечивается доступ населения к жизненно важным медицинским услугам. Онкологическая служба не может анализироваться исключительно как совокупность клинических, организационных или технологических решений, поскольку ее устойчивость непосредственно зависит от правового режима распределения компетенций, финансовых обязательств публичных субъектов и механизмов межуровневого взаимодействия. В этой связи исследование участия муниципальных образований приобретает особую значимость: хотя органы местного самоуправления не выступают носителями базовой компетенции по организации специализированной онкологической помощи, именно на муниципальном уровне формируется значительная часть практических условий, от которых зависит фактическая

¹ Нормативно-правовое регулирование обеспечения оказания медицинской помощи по профилю «онкология» / С.Н. Тишкина, В.Е. Мацкевич, Ю.А. Ледовских, Е.В. Семакова, В.В. Омеляновский // ФАРМАКОЭКОНОМИКА. Современная фармакоэкономика и фармакоэпидемиология. 2020. Т. 13, № 3. С. 304–315.

² Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

³ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

доступность диагностики, маршрутизации пациентов, профилактических мероприятий и инфраструктурного обеспечения медицинской деятельности⁴.

Правовое значение муниципального уровня в рассматриваемой сфере обусловлено тем, что доступность медицинской помощи представляет собой не только отраслевой стандарт, но и конституционно значимый результат согласованного функционирования публичной власти. Для населения доступность онкологической помощи выражается не в формальном наличии полномочий у субъекта Российской Федерации или федерального органа, а в реальной возможности своевременно пройти первичный осмотр, скрининг, диагностические процедуры, получить направление в специализированное учреждение и воспользоваться транспортной, информационной и социальной инфраструктурой. Все перечисленные элементы находятся на стыке полномочий различных уровней публичного управления, что делает муниципальные образования не внешним, а встроенным элементом правового механизма обеспечения онкологической помощи.

Актуальность темы усиливается также тем обстоятельством, что в российской модели публичной власти наблюдается тенденция к повышению координационной связанности между государственными и муниципальными институтами при сохранении формального разграничения компетенций. В сфере здравоохранения это проявляется особенно отчетливо, поскольку отраслевое управление строится по вертикали, однако достижение целевых показателей национального и регионального уровня невозможно без участия территориальных образований, отвечающих за пространственную организацию среды жизнедеятельности населения. Тем самым формируется правовая ситуация, при которой муниципальный уровень, не обладая собственными полномочиями по организации специализированной онкологической помощи, тем не менее включается в реализацию публичной функции по охране здоровья населения через обеспечительные, координационные и инфраструктурные инструменты.

Целью настоящего исследования является выявление современных моделей правового регулирования участия муниципальных образова-

ний в развитии онкологической службы в системе межуровневого публичного управления здравоохранением. Для достижения поставленной цели необходимо решить несколько взаимосвязанных задач: определить конституционно-правовые основания участия муниципального уровня в сфере охраны здоровья; раскрыть соотношение государственной и муниципальной компетенции применительно к онкологической помощи; проанализировать программно-бюджетные формы включения муниципальных образований в развитие соответствующей инфраструктуры; установить значение территориального планирования и муниципальных профилактических механизмов; выявить ограничения действующей модели и сформулировать направления ее дальнейшего нормативного совершенствования.

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, системный, функциональный и сравнительно-правовой методы. Формально-юридический метод позволяет раскрыть содержание действующих норм Конституции Российской Федерации, федеральных законов и бюджетного законодательства; системный метод необходим для определения места муниципального уровня в общей архитектуре межуровневого управления здравоохранением; функциональный метод используется для установления реального правового значения обеспечительных полномочий органов местного самоуправления; сравнительно-правовой подход дает возможность показать различие между прямой организацией медицинской помощи и созданием условий для ее доступности. Применение указанных методов позволяет рассматривать онкологическую службу не как изолированный сектор отрасли здравоохранения, а как объект комплексного публично-правового регулирования, в котором пересекаются конституционные гарантии, организационные механизмы и финансово-правовые инструменты.

Конституционно-правовые основы участия муниципальных образований в развитии онкологической помощи

Согласно Конституции Российской Федерации⁵ охрана здоровья граждан относится к числу конституционно гарантированных прав. Ста-

⁴ Плугарь Е.В., Растригина О.В. Регуляторная политика в стимулировании взаимодействия участников рынка медицинских услуг // Дискуссия. 2020. № 2 (99). С. 29—36.

⁵ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // СПС КонсультантПлюс.

тя 72 Конституции закрепляет совместное ведение Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в сфере охраны здоровья, что предопределяет распределение нормотворческих и управленческих полномочий в данной области.

Муниципальные образования в соответствии со статьями 12 и 130 Конституции РФ осуществляют местное самоуправление самостоятельно и не входят в систему органов государственной власти. Однако конституционная автономия муниципального уровня не исключает его включенности в реализацию публичных функций государства, в том числе в сфере охраны здоровья, при условии нормативного закрепления соответствующих полномочий.

С конституционно-правовой точки зрения участие муниципальных образований в обеспечении доступности онкологической помощи должно рассматриваться через призму соотношения самостоятельности местного самоуправления и единства публичной власти. Самостоятельность муниципального уровня означает наличие собственной организационной и имущественной основы решения вопросов местного значения, однако не означает полной изоляции от реализации общепубличных задач, затрагивающих жизненно важные интересы населения. Охрана здоровья в этом смысле представляет собой сферу, где даже при отсутствии прямого закрепления функции организации специализированной медицинской помощи за муниципалитетами они объективно вовлечены в обеспечение условий, без которых реализация конституционного права граждан на медицинскую помощь становится затруднительной либо формальной⁶.

Правовая природа такого участия носит обеспечительный характер. Это означает, что муниципальные образования не подменяют органы государственной власти субъектов Российской Федерации и не приобретают полномочий по самостоятельному учреждению модели онкологической службы, но содействуют реализации соответствующей государственной функции посредством инструментов, относящихся к их компетенции. В юридическом смысле обеспечительные полномочия следует понимать не как второстепенные или факультативные, а как функционально необходимые для достижения результата публичного управления. Если региональный уровень отвечает за сеть специализи-

рованных медицинских организаций, маршрутизацию пациентов, финансирование специализированной помощи и кадровую политику, то муниципальный уровень создает территориальную, транспортную, коммунальную, информационную и социальную среду, в которой эти решения могут быть реализованы на практике.

Такой подход согласуется с конституционным принципом соразмерности полномочий и ответственности. Органы местного самоуправления не могут быть наделены обязанностями, исполнение которых не обеспечено их компетенцией и ресурсами, однако в пределах вопросов местного значения и переданных полномочий они вправе и обязаны участвовать в решении задач, имеющих прямое значение для населения соответствующей территории. Именно поэтому правовое включение муниципалитетов в развитие онкологической службы должно строиться не по модели перераспределения отраслевой компетенции, а по модели согласованного выполнения взаимодополняющих функций. Такая модель позволяет сохранить конституционную самостоятельность местного самоуправления и одновременно избежать разрыва между отраслевым управлением здравоохранением и реальными потребностями конкретной территории.

Следует учитывать и то, что конституционная охрана здоровья предполагает не только лечение уже выявленного заболевания, но и формирование системы условий, минимизирующих риски поздней диагностики, территориальной недоступности обследований и социального неравенства в доступе к медицинским услугам. В этом аспекте муниципальные образования приобретают значение как публичные субъекты, наиболее приближенные к населению и к особенностям конкретного поселения, городского округа или муниципального района. Их участие в обеспечении доступности онкологической помощи приобретает не производный, а структурно необходимый характер, поскольку именно на местном уровне наиболее явно проявляются различия транспортной связанности, плотности населения, удаленности медицинских учреждений, состояния дорожно-коммунальной инфраструктуры и иных факторов, непосредственно влияющих на возможность своевременного обращения за медицинской помощью⁷.

⁶ Платонова Н.И. Роль органов местного самоуправления в развитии системы здравоохранения в России // Юрист. 2025. № 5. С. 39—47.

⁷ Вичева А.А. Правовое регулирование полномочий органов местного самоуправления по созданию условий для оказания медицинской помощи населению в законодательстве субъектов Российской Федерации // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2019. Т. 31, № 3. С. 33—37.

Федеральный закон № 323-ФЗ формирует правовую модель организации медицинской помощи, устанавливая виды медицинской помощи, уровни её оказания и полномочия органов публичной власти. В соответствии со статьёй 16 данного закона организация оказания специализированной медицинской помощи, включая онкологическую помощь, относится к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

При этом статья 18 Федерального закона № 323-ФЗ закрепляет принцип доступности и качества медицинской помощи, реализация которого невозможна без учёта территориальных условий проживания населения. Именно в этом аспекте возникает правовая необходимость участия муниципальных образований, обеспечивающих пространственные, инфраструктурные и социальные условия для функционирования системы онкологической помощи.

Федеральный закон № 131-ФЗ не относит организацию медицинской помощи к вопросам местного значения. Вместе с тем статья 14 указанного закона предусматривает полномочия органов местного самоуправления по созданию условий для оказания медицинской помощи населению. Эти полномочия носят обеспечительный характер и реализуются через развитие инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры.

Муниципальные образования вправе участвовать в реализации государственных и региональных программ в сфере здравоохранения, включая программы развития онкологической службы, при условии заключения соглашений и соблюдения бюджетного законодательства. Такая форма участия соответствует принципу разграничения ответственности между уровнями публичной власти и не нарушает автономию местного самоуправления⁸.

Программно-бюджетные механизмы участия муниципальных образований в развитии онкологической службы

Развитие онкологической службы в Российской Федерации осуществляется в рамках государственных программ, утверждаемых Правительством Российской Федерации и органами

исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Муниципальные образования включаются в реализацию данных программ в части мероприятий инфраструктурного характера, что вытекает из положений Бюджетного кодекса Российской Федерации о межбюджетных трансфертах и софинансировании.

Бюджетное законодательство допускает предоставление субсидий местным бюджетам на реализацию мероприятий, направленных на развитие социальной инфраструктуры, включая объекты, используемые для нужд здравоохранения. Таким образом, участие муниципальных образований в развитии онкологической службы приобретает нормативно оформленный характер и опосредуется финансово-правовыми механизмами⁹.

Следует подчеркнуть, что программно-бюджетные механизмы участия муниципальных образований не исчерпываются лишь фактом выделения или получения межбюджетных трансфертов. Их правовое значение заключается в институциональном оформлении связи между отраслевыми целями государственной политики в сфере здравоохранения и территориальными условиями их достижения. Включение муниципального уровня в реализацию государственных и региональных программ означает, что развитие онкологической службы признается задачей, требующей не только медицинских, но и инфраструктурных, организационных и пространственных решений. Именно программно-целевой метод позволяет увязать показатели доступности и качества онкологической помощи с мероприятиями, относящимися к компетенции или ресурсной сфере муниципальных образований.

Особенность таких механизмов состоит в том, что они обеспечивают координацию без формального перераспределения базовой отраслевой компетенции. Субъект Российской Федерации сохраняет полномочия по организации специализированной медицинской помощи, определению сети учреждений, маршрутизации пациентов и распределению отраслевых ресурсов. Однако в тех случаях, когда достижение целей программы зависит от реконструкции подъездных путей, обеспечения коммунальной

⁸ Страдымов Ф.И., Ступак В.С. Предпосылки централизации медицинских организаций в современных условиях // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2024. № 4. С. 413—431.

⁹ Будаев А.М. Реализация права на охрану здоровья граждан на местном уровне: теория, практика, контроль // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 10 (143). С. 64—71.

инфраструктуры, благоустройства территории, транспортной доступности, предоставления помещений либо иных обеспечительных действий, муниципалитет включается в реализацию соответствующих мероприятий как необходимый участник публичного управления. Тем самым бюджетные и программные инструменты выполняют роль правового «моста» между отраслевой компетенцией субъекта и территориальной компетенцией муниципального образования.

Не менее важным является и вопрос о правовой определенности финансового участия муниципалитетов. При отсутствии четко закрепленных механизмов софинансирования либо при недостаточной детализации условий предоставления субсидий возникает риск произвольного перераспределения нагрузки между уровнями публичной власти. Это может привести к ситуации, когда муниципальные образования фактически вовлекаются в обеспечение задач здравоохранения без достаточного ресурсного обеспечения, что противоречит принципу соразмерности полномочий и финансовых гарантий. Поэтому развитие онкологической службы требует такой конструкции бюджетно-правового регулирования, при которой участие муниципалитетов будет не стихийным или эпизодическим, а институционально предсказуемым, юридически оформленным и обеспеченным необходимыми финансовыми инструментами¹⁰.

Кроме того, программно-бюджетное участие муниципального уровня имеет значение для выравнивания территориальных различий. В условиях значительной неоднородности муниципальных образований именно региональные программы и межбюджетные механизмы способны компенсировать различия в бюджетной обеспеченности, позволяя вовлекать в развитие инфраструктуры здравоохранения не только крупные городские округа, но и менее обеспеченные территории. С правовой точки зрения это означает, что программно-целевое регулирование в рассматриваемой сфере выполняет не только организационную, но и гарантийную функцию, способствуя более равномерной реализации конституционного права граждан на охрану здоровья вне зависимости от места проживания.

Муниципальный уровень как элемент территориальной доступности и профилактики онкологических заболеваний

Хотя специализированная онкологическая помощь оказывается преимущественно на региональном уровне, выявление онкологических заболеваний осуществляется в системе первичной медико-санитарной помощи. Размещение и доступность объектов первичного звена во многом зависят от решений органов местного самоуправления в сфере территориального планирования и землепользования¹¹.

Муниципальные правовые акты в области градостроительства и развития территорий формируют пространственные условия для функционирования медицинских организаций, включая онкологические кабинеты и диагностические подразделения. В данном контексте муниципальный уровень выступает элементом правового механизма раннего выявления онкологических заболеваний.

Федеральный закон № 323-ФЗ допускает участие органов местного самоуправления в мероприятиях по формированию здорового образа жизни и профилактике заболеваний. Реализация данных положений осуществляется через муниципальные программы общественного здоровья, информационные кампании и организационное содействие диспансеризации населения.

Именно профилактическое направление наиболее наглядно демонстрирует встроенность муниципального уровня в систему охраны здоровья населения. Формирование здорового образа жизни, информирование о факторах риска, создание условий для прохождения профилактических осмотров и диспансеризации, а также организационное сопровождение соответствующих мероприятий не могут быть сведены исключительно к компетенции медицинских организаций. Для эффективной профилактики необходимо наличие локальных каналов коммуникации с населением, адаптация информационных материалов к особенностям территории, учет возрастной структуры и социального состава жителей, взаимодействие с учреждениями образования, социальной защиты, культу-

¹⁰ Махфоз В.Н., Стризое А.Л. Региональная система здравоохранения на современном этапе развития: понятие и проблемы // Logos et Praxis. 2025. Т. 24, № 4. С. 79—88.

¹¹ Нормативно-правовое регулирование оказания медицинской помощи пациентам со злокачественными новообразованиями (обзор литературы) / Г.Ю. Сазанова, М.В. Еругина, А.А. Жук, Е.М. Долгова, А.А. Дубгорин // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2025. № 3. С. 842—867.

ры и иными субъектами, действующими на местном уровне. Именно в этой части муниципальные образования способны выполнять роль организационного посредника между отраслевой системой здравоохранения и конкретным населением соответствующей территории¹².

В контексте онкологических заболеваний значение профилактического компонента особенно велико, поскольку многие виды новообразований длительное время протекают бессимптомно, а исход заболевания в значительной степени зависит от стадии выявления. Следовательно, правовая и организационная поддержка мероприятий, направленных на повышение онкологической настороженности населения, участие в диспансеризации и своевременное обращение за медицинской помощью, имеет не факультативное, а системное значение. Муниципальный уровень, располагая возможностями локального информирования и территориального взаимодействия, способен содействовать достижению тех целей раннего выявления, которые закрепляются в государственных и региональных программах здравоохранения.

Дополнительное значение имеет и связь профилактики с территориальным планированием. Пространственная организация населенного пункта, расположение объектов социальной инфраструктуры, доступность общественного транспорта, удобство маршрутов до медицинских организаций и наличие приспособленной городской среды непосредственно влияют на готовность граждан участвовать в профилактических мероприятиях. В этом смысле профилактика онкологических заболеваний не ограничивается распространением информации или организацией отдельных акций; она требует благоприятной среды, которая делает обращение за медицинской помощью практически возможным и социально удобным. Муниципальные решения в сфере градостроительства, транспорта и благоустройства тем самым приобретают значение косвенных, но юридически значимых факторов профилактики.

Хотя такие мероприятия не являются медицинской деятельностью в узком смысле, они имеют правовое значение как элемент системы профилактики онкологических заболеваний и снижения онкологической смертности.

¹² Михеев А.В., Ахминеева А.Х., Шагал М.А. Значение профилактической работы в деятельности центров амбулаторной онкологической помощи // Эпомен: медицинские науки. 2024. № 15. С. 36—47.

Нормативные ограничения действующей модели и направления совершенствования правового регулирования

Анализ действующего законодательства показывает отсутствие комплексного нормативного акта, прямо регулирующего участие муниципальных образований в развитии специализированной медицинской помощи. Полномочия муниципального уровня сформулированы фрагментарно и носят преимущественно обеспечительный характер, что затрудняет формирование устойчивых моделей межуровневого взаимодействия.

Дополнительным ограничением выступает различие в бюджетной обеспеченности муниципальных образований, что приводит к неравномерности реализации программных мероприятий в сфере онкологической помощи.

К числу существенных ограничений следует отнести и недостаточную нормативную определенность самого понятия «создание условий для оказания медицинской помощи населению». Законодатель использует данную формулу как универсальную, однако ее содержание не раскрывается в достаточной мере применительно к конкретным видам медицинской помощи и конкретным моделям межуровневого взаимодействия. В результате муниципальные образования, с одной стороны, объективно вовлекаются в реализацию мероприятий, связанных с доступностью онкологической помощи, а с другой стороны, не обладают четкими нормативными ориентирами относительно пределов, форм и степени своего участия. Такая неопределенность снижает предсказуемость правоприменения и создает риск как чрезмерного возложения ожиданий на местный уровень, так и, напротив, недооценки его роли.

Проблемой остается и отсутствие системной увязки между документами стратегического планирования в сфере здравоохранения и муниципальными документами территориального развития. На практике задачи развития медицинской инфраструктуры, повышения транспортной доступности и обеспечения раннего выявления заболеваний часто фиксируются в отраслевых документах отдельно от муниципального планирования территории, застройки, дорожной сети и социальной инфраструктуры. Между тем для онкологической службы такая разобщенность особенно чувствительна, поскольку своевременное направление пациента, доступность диагностических маршрутов и устойчивость первичного звена прямо зависят от про-

странственной организации территории. Следовательно, совершенствование правового регулирования должно быть направлено на более тесное сопряжение отраслевых и территориальных инструментов управления.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о правовой форме координации между субъектом Российской Федерации и муниципальными образованиями. В настоящее время подобная координация во многом строится на программных, организационных и соглашательских механизмах, однако степень их обязательности и правовой детализированности может существенно различаться. Для формирования устойчивой модели участия муниципалитетов в развитии онкологической службы необходимо закрепление таких форм взаимодействия, которые обеспечивали бы предсказуемость распределения обязанностей, прозрачность финансового обеспечения и возможность учета территориальной специфики. Иначе говоря, совершенствование должно идти не по пути формального расширения муниципальной компетенции, а по пути нормативной институционализации координационных процедур.

Перспективным направлением является нормативное закрепление механизмов координации между органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в сфере реализации программ развития онкологической службы. Усиление программно-договорных форм взаимодействия позволит институционализировать участие муниципальных образований без перераспределения базовых полномочий.

Актуальным представляется также включение мероприятий по развитию инфраструктуры онкологической помощи в документы территориального планирования муниципальных образований, что обеспечит согласование медицинских и градостроительных решений¹³.

Заключение

Участие муниципальных образований в развитии онкологической службы представляет собой элемент межуровневого публичного управления здравоохранением, основанный на нормах конституционного, муниципального и отраслевого законодательства. Муниципальный уровень не осуществляет организацию специализированной онкологической помощи, однако выполняет

юридически значимую функцию по созданию условий её доступности и эффективности.

Современные модели правового регулирования ориентированы на координацию действий публичных субъектов при сохранении разграничения компетенций, что соответствует конституционным принципам организации публичной власти и целям охраны здоровья населения.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что участие муниципальных образований в развитии онкологической службы следует оценивать не как исключение из общего правила разграничения полномочий, а как закономерный элемент сложной системы обеспечения доступности медицинской помощи. Муниципальный уровень не подменяет региональные и федеральные органы управления здравоохранением, однако выполняет собственную правовую функцию, выражающуюся в создании условий территориальной, инфраструктурной, информационной и социальной доступности медицинских услуг. Именно эта обеспечительная функция делает возможным практическое осуществление тех решений, которые принимаются на уровне государственной власти.

Тем самым современная модель правового регулирования в рассматриваемой сфере может быть охарактеризована как координационно-обеспечительная. Ее содержание заключается в сочетании централизованного отраслевого управления специализированной помощью с распределенным участием муниципальных образований в формировании условий ее реализации. Такая модель отвечает конституционным принципам организации публичной власти, поскольку не требует пересмотра базового разграничения компетенций, но одновременно позволяет учитывать реальную зависимость доступности медицинской помощи от территориальных и инфраструктурных факторов.

Перспективы дальнейшего развития данной модели связаны с повышением нормативной определенности форм участия муниципальных образований, укреплением программно-бюджетных инструментов межуровневого взаимодействия и более тесной интеграцией задач здравоохранения в документы территориального планирования и местного развития. При таком подходе онкологическая служба рассматривается не только как система специализированных медицинских организаций, но и как объект комплексного публичного управления, эффективность которого зависит от согласованной деятельности всех уровней власти.

¹³ Минаков А.В., Эриашвили Н.Д. Региональные проблемы развития здравоохранения // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 4. С. 207—217.

Список литературы

1. Будаев А.М. Реализация права на охрану здоровья граждан на местном уровне: теория, практика, контроль // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 10 (143). С. 64—71. doi: 10.17803/1994-1471.2022.143.10.064-071.

2. Вичева А.А. Правовое регулирование полномочий органов местного самоуправления по созданию условий для оказания медицинской помощи населению в законодательстве субъектов Российской Федерации // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2019. Т. 31, № 3. С. 33—37. doi: 10.21779/2224-0241-2019-31-3-33-37.

3. Махфоз В.Н., Стризое А.Л. Региональная система здравоохранения на современном этапе развития: понятие и проблемы // Logos et Praxis. 2025. Т. 24, № 4. С. 79—88. doi: 10.15688/lp.jvolsu.2025.4.8.

4. Минаков А.В., Эриашвили Н.Д. Региональные проблемы развития здравоохранения // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 4. С. 207—217. doi: 10.24412/2073-3305-2024-4-207-217.

5. Михеев А.В., Ахминеева А.Х., Шагал М.А. Значение профилактической работы в деятельности центров амбулаторной онкологической помощи // Эпомен: медицинские науки. 2024. № 15. С. 36—47.

6. Нормативно-правовое регулирование обеспечения оказания медицинской помощи по профилю «онкология» / С.Н. Тишкина, В.Е. Мацкевич, Ю.А. Ледовских, Е.В. Семакова, В.В. Омеляновский // ФАРМАКОЭКОНОМИКА. Современная фармакоэкономика и фармакоэпидемиология. 2020. Т. 13, № 3. С. 304—315. doi: 10.17749/2070-4909/farmakoeconomika.2020.052.

7. Нормативно-правовое регулирование оказания медицинской помощи пациентам со злокачественными новообразованиями (обзор литературы) / Г.Ю. Сазанова, М.В. Еругина, А.А. Жук, Е.М. Долгова, А.А. Дубгорин // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2025. № 3. С. 842—867. doi: 10.24412/2312-2935-2025-3-842-867.

8. Платонова Н.И. Роль органов местного самоуправления в развитии системы здравоохранения в России // Юрист. 2025. № 5. С. 39—47. doi: 10.18572/1812-3929-2025-5-39-47.

9. Плугарь Е.В., Растрюгина О.В. Регуляторная политика в стимулировании взаимодействия участников рынка медицинских услуг // Дис-

куссия. 2020. № 2 (99). С. 29—36. doi: 10.24411/2077-7639-2019-10057.

10. Страдымов Ф.И., Ступак В.С. Предпосылки централизации медицинских организаций в современных условиях // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2024. № 4. С. 413—431. doi: 10.24412/2312-2935-2024-4-413-431.

References

1. Budaev, A.M. (2022) Realizatsiya prava na okhranu zdorov'ya grazhdan na mestnom urovne: teoriya, praktika, kontrol' [Realization of the right to health protection at the local level: theory, practice, control]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*, vol. 17, no. 10 (143), pp. 64–71. (In Russ.). doi: 10.17803/1994-1471.2022.143.10.064-071.

2. Vicheva, A.A. (2019) Pravovoe regulirovanie polnomochiy organov mestnogo samoupravleniya po sozdaniyu usloviy dlya okazaniya meditsinskoy pomoshchi naseleniyu v zakonodatel'stve sub'ektov Rossiyskoy Federatsii [Legal regulation of authorities of local self-government bodies for creation of conditions providing medical assistance to population in the legislation of subjects of the Russian Federation]. *Yuridicheskiy vestnik DGU = Law Herald of DSU*, vol. 31, no. 3, pp. 33–37. (In Russ.). doi: 10.21779/2224-0241-2019-31-3-33-37.

3. Makhfouz, V.N., Strizoe, A.L. (2025) Regional'naya sistema zdravookhraneniya na sovremen-nom etape razvitiya: ponyatie i problemy [Regional healthcare system at the current stage of development: concept and problems]. *Logos et Praxis*, vol. 24, no. 4, pp. 79–88. (In Russ.). doi: 10.15688/lp.jvolsu.2025.4.8.

4. Minakov, A.V., Eriashvili, N.D. (2024) Regional'nye problemy razvitiya zdravookhraneniya [Regional problems of healthcare development]. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*, no. 4, pp. 207–217. (In Russ.). doi: 10.24412/2073-3305-2024-4-207-217.

5. Mikheev, A.V., Akhmineeva, A.Kh., Shagal, M.A. (2024) Znachenie profilakticheskoy raboty v deyat-el'nosti tsentrov ambulatornoy onkologicheskoy pomoshchi [The importance of preventive work in the activities of outpatient cancer care centers]. *Epomen: medical sciences*, no. 15, pp. 36–47. (In Russ.).

6. Tishkina, S.N., Matskevich, V.E., Ledovskikh, Yu.A., Semakova, E.V., Omelyanovskiy, V.V. (2020) Normativno-pravovoe regulirovanie obes-pecheniya okazaniya meditsinskoy pomoshchi po profilyu "onkologiya" [Regulatory framework of the oncological medical care provision]. *FARMAKO-*

EKONOMIKA. Modern Pharmacoeconomics and Pharmacoepidemiology, vol. 13, no. 3, pp. 304–315. (In Russ.). doi: 10.17749/2070-4909/farmako-ekonomika.2020.052.

7. Sazanova, G.Yu., Erugina, M.V., Zhuk, A.A., Dolgova, E.M., Dubgorin, A.A. (2025) Normativno-pravovoe regulirovanie okazaniya meditsinskoj pomoshchi patsientam so zlokachestvennymi novoo- obrazovaniyami (obzor literatury) [Normative- legal regulation of medical care for patients with malignant neoplasms (literature review)]. *Current problems of health care and medical statistics*, no. 3, pp. 842–867. (In Russ.). doi: 10.24412/ 2312-2935-2025-3-842-867.

8. Platonova, N.I. (2025) Rol' organov mest- ного samoupravleniya v razvitii sistemy zd-ravо- okhraneniya v Rossii [The role of local self-

government bodies in the development of healthca- re system in Russia]. *Yurist*, no. 5, pp. 39–47. (In Russ.). doi: 10.18572/1812-3929-2025-5-39-47.

9. Plugar, E.V., Rastrigina, O.V. (2020) Regu- lyatornaya politika v stimulirovanii vzaimodeyst- viya uchastnikov rynka meditsinskikh uslug [Re- gulatory policy in stimulating interaction of parti- cipants in the medical services market]. *Discus- sion*, no. 2 (99), pp. 29–36. (In Russ.). doi: 10.24 411/2077-7639-2019-10057.

10. Stradymov, F.I., Stupak, V.S. (2024) Pred- posylki tsentralizatsii meditsinskikh organizatsiy v sovremennykh usloviyakh [Prerequisites for centralization of medical organizations in modern conditions]. *Current problems of health care and medical statistics*, no. 4, pp. 413–431. (In Russ.). doi: 10.24412/2312-2935-2024-4-413-431.

Информация об авторе

А.В. Камалян — старший научный сотрудник НИЦ судебной экспертизы и исследований, кандидат медицинских наук.

Information about the author

A.V. Kamalyan – Senior Researcher at the Research Center for Forensic Expertise and Studies, Candidate of Medical Sciences.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Наследственное право: Учеб. пособие / Под ред. О.Ю. Ильиной, Р.А. Курбанова, Н.Д. Эриашвили, Т.В. Дерюгиной. 10-е изд., перераб. и доп. 399 с. ISBN 978-5-238-04155-1

Настоящее учебное пособие призвано сформировать квалифицированное представление о круге общественных отношений, входящих в предмет современного наследственного права, приемах и способах регулирования указанных отношений, принципах и источниках данного правового образования. Неотъемлемыми элементами системы знаний сферы наследственного права должны стать теоретические и нормативные положения об основаниях наследования, об условиях и порядке перехода имущества к наследникам, особенностях правового регулирования реализации, оформления и охраны наследства.

На основе анализа научных положений, сравнения ранее действовавшего и нового законодательства, с привлечением судебной и нотариальной практики наряду с освещением традиционных вопросов наследственного права раскрыты содержание и сущность новелл наследственного законодательства, предусматривающих появление частных фондов, совместных завещаний, наследственных договоров, соглашений супругов о распределении имущества на случай смерти и др. Кроме того, период времени, прошедший с момента вступления в силу части третьей ГК РФ, позволил выявить и ряд недостатков действующего наследственного законодательства, что также нашло отражение в издании.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России, практикующих юристов и всех тех, кто интересуется вопросами наследственного права.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 1. С. 40—50.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026, no. 1, pp. 40—50.

УДК 343
doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.004

NIION: 2015-0065-01/26-362
MOSURED: 77/27-010-2026-01-561

Научная специальность: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Правовое регулирование противодействия экстремизму и терроризму в российских регионах¹

Леонид Викторович Голоскоков

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
l.v.goloskokov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4113-1571>

Аннотация. В статье исследованы проблемы правотворчества регионального законодателя по направлениям противодействия экстремизму и терроризму. Проанализирован ряд региональных законов и документов, выявлены позитивные и негативные тенденции законотворчества, обозначены необходимые для дальнейшей успешной работы направления развития науки.

Ключевые слова: региональный законодатель, законы, нормативные правовые акты, муниципалитеты, экстремизм, терроризм.

Для цитирования: Голоскоков Л.В. Правовое регулирование противодействия экстремизму и терроризму в российских регионах // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 1. С. 40—50. doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.004.

Legal regulation of counteraction to extremism and terrorism in Russian regions

Leonid V. Goloskokov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
l.v.goloskokov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4113-1571>

Abstract. The article examines the problems of lawmaking by regional legislators in the areas of countering extremism and terrorism. The author analyzes a number of regional laws and documents, identifies positive and negative trends in lawmaking, and outlines the directions of scientific development necessary for further successful work.

Keywords: regional legislator, laws, regulations, municipalities, extremism, terrorism.

For citation: Goloskokov, L.V. (2026) Legal regulation of counteraction to extremism and terrorism in Russian regions. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 1, pp. 40—50. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.004.

На региональном уровне проблема противодействия экстремизму и терроризму путём разработки законов решена в духе диалога Собакевича и Чичикова в поэме «Мёртвые души» Н.В. Гоголя, когда Чичиков просит Собакевича продать ему мёртвые души и получает ответ мгновенно: «Вам нужно мёртвых душ? <...> Извольте, я готов продать». Именно в таком ключе региональный законодатель даёт ответ федеральному центру: «Вам нужны законы против экстремизма? Извольте, мы их написали».

Такой подход выявляется немедленно, если мы начинаем анализировать количество и ка-

чество региональных законов на тему экстремизма и терроризма.

Закон Калужской области № 153-ОЗ от 14.11.2002 (ред. от 28.06.2004) «Об областной целевой программе „Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в Калужской области на 2003—2005 годы“»² ут-

¹ Подготовлено при информационной поддержке СПС КонсультантПлюс на дату 02.07.2025.

² Закон Калужской области № 153-ОЗ от 14.11.2002 «Об областной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в Калужской области на 2003—2005 годы»: принят постановлением Законодательного Собрания Калужской области № 481 от 31.10.2002 // Весть. 2002. 19 ноября (№ 292—293).

вердил областную целевую программу «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в Калужской области на 2003—2005 годы» и больше к этой теме не возвращался, программа не продлевалась с 2005 года. Формально закон действует.

Закон Тамбовской области от 28.04.2006 № 27-З (ред. от 05.12.2007) «Об областной целевой программе „О мерах по противодействию терроризму и экстремизму на 2006—2007 годы“»³ утвердил областную целевую программу «О мерах по противодействию терроризму и экстремизму на 2006—2007 годы». Законами Тамбовской области от 05.12.2007 № 307-З и от 03.05.2007 № 186-З в программу 2006—2007 годов вносились изменения, но после этого программа не продлевалась. Формально закон действует.

В Республике Дагестан действуют два закона.

Закон Республики Дагестан от 04.04.2016 № 20 (ред. от 30.05.2025) «О профилактике экстремистской деятельности в Республике Дагестан»⁴ в статье 2 фактически дублирует определение экстремистской деятельности из федерального закона, а содержательной частью закона является статья 3, которая определяет 5 задач профилактики экстремистской деятельности:

1) обеспечение недопустимости осуществления экстремистской деятельности в Республике Дагестан независимо от формы ее выражения;

2) предотвращение условий и возможностей, способствующих осуществлению экстремистской деятельности в Республике Дагестан;

3) формирование и повышение политической и правовой культуры граждан на основании уважения их конституционных прав, свобод и законных интересов;

4) укрепление межнационального и межконфессионального мира и согласия, развитие межнациональных и межконфессиональных связей, сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей;

5) выявление признаков экстремизма в деятельности общественных и религиозных организаций, в распространяемой ими печатной, аудио- и видеопродукции.

Статья 5 закона формулирует основные направления профилактики экстремистской деятельности:

1) принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности;

2) взаимодействие с общественными объединениями и религиозными организациями, средствами массовой информации и гражданами с целью гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Дагестан и формирования общероссийской гражданской идентичности;

3) укрепление межнационального и межконфессионального согласия, профилактика и предотвращение конфликтов на социальной, этнической и конфессиональной почве и формирование общероссийской гражданской идентичности;

3.1) формирование общественного мнения, направленного на создание атмосферы нетерпимости населения к проявлениям террористической и экстремистской идеологии;

4) рассмотрение вопросов, связанных с созданием организационных и ресурсных предпосылок для проявлений экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан.

Закон Республики Дагестан от 22.09.1999 № 15 (ред. от 06.02.2018) «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан».

Содержательной статьёй закона является, пожалуй, только статья 1:

«Статья 1. Признать противоречащими Конституции Республики Дагестан, угрожающими территориальной целостности и безопасности республики и запретить на территории Республики Дагестан:

- создание и функционирование ваххабитских и других экстремистских организаций (объединений), деятельность которых направлена на насильственное изменение конституционного строя, подрыв безопасности государства, нарушение общественной безопасности и общественного порядка, создание вооруженных формирований, пропаганду войны, разжигание национальной, расовой и религиозной розни, посягательство на права и свободы граждан,

³ Закон Тамбовской области от 28.04.2006 № 27-З «Об областной целевой программе «О мерах по противодействию терроризму и экстремизму на 2006—2007 годы»: принят постановлением Тамбовской областной Думы от 28.04.2006 № 111 // Тамбовская жизнь. 2006. 12 мая (№ 110—111 (23597—23598)).

⁴ Закон Республики Дагестан от 04.04.2016 № 20 «О профилактике экстремистской деятельности в Республике Дагестан»: принят Народным Собранием Республики Дагестан 24.03.2016 // Дагестанская правда. 2016. 6 апреля (№ 75—76).

побуждение граждан к отказу от исполнения установленных законом гражданских обязанностей и совершению иных противоправных действий;

- деятельность религиозных миссий, их филиалов, духовных образовательных организаций, благотворительных и других фондов, военно-спортивных и других лагерей, отдельных миссионеров, физических лиц, проповедующих идеи экстремистского толка;
- изготовление, хранение и распространение печатных изданий, кино-, фото-, аудио-, видеопродукции и других материалов, содержащих идеи экстремизма и сепаратизма, противопоставление людей по национальному или конфессиональному признаку, призывы к насильственному изменению конституционного строя»⁵.

Следует заметить, что изложенное в данной статье отрегулировано в федеральном законодательстве и не нуждается в дублировании, поэтому содержательная сторона регионального закона не создаёт новаций и является, по сути дела, формальной. Региональный законодатель подошёл к данному вопросу чисто номинально — от него требовался закон, и он его принял, не прягая ни своих специалистов, ни свою науку, ни наработки мирового уровня для создания действенного и эффективного содержания закона. Между тем именно в Республике Дагестан имеют место многие случаи экстремистской деятельности, переходящие в деятельность террористическую, сопряжённую с применением оружия, и сопровождающиеся многочисленными жертвами. Практика республики изобилует фактами, материалами уголовных дел, и всё это могло бы исследоваться и соответствующим образом находить отражение в законе, который мог бы непрерывно совершенствоваться и давать пример другим регионам в том, как нужно противостоять экстремизму и терроризму, а также заниматься их профилактикой на основе научного осмысления своей сложной и разнообразной практики в этой части.

Однако именно в этом направлении законотворческая деятельность в Республике Дагестан остановилась на последней редакции закона от

06.02.2018, как будто после этого в Республике Дагестан не произошли события, связанные с широко освещавшимися СМИ массовыми проявлениями терроризма⁶.

Вывод на примере Республики Дагестан в отношении законотворческой работы следует однозначный: законодатель не работает, наука республики не способна предложить действенные меры в сфере профилактики экстремизма и терроризма, законодательная ветвь власти республики оказалась не способна организовать процесс осмысления, анализа, синтеза, не смогла выработать предложения по улучшению положения дел с экстремизмом и реализовать их.

Тем не менее формально оба закона продолжают действовать.

Закон Республики Ингушетия от 29.12.2018 № 51-РЗ «О профилактике экстремистской деятельности в Республике Ингушетия»⁷ в содержательном плане отличается тем, что дополнительно регулирует следующие вопросы: участие органов местного самоуправления в сфере профилактики экстремистской деятельности (ст. 9), информационное противодействие экстремистской деятельности (ст. 10), формы профилактики экстремистской деятельности (ст. 11). Следует заметить, что этот закон датирован также 2018 годом, как и последние редакции законов Республики Дагестан. После 2018 года в этих республиках активность законодательной работы по регулированию противодействия экстремизму прекратилась. Сложно объяснить синхронность замирания активности законодательной работы в соседних республиках в то время, как собственно террористическая деятельность наблюдается в них регулярно.

В Кабардино-Балкарской Республике и Карачаево-Черкесской Республике законы, регулирующие противодействие экстремизму и терроризму, отсутствуют.

Закон Республики Северная Осетия — Алания от 10.12.2007 № 66-РЗ «О Республиканской целевой программе по противодействию экстремистским проявлениям в Республике Северная Осетия — Алания на 2008—2010 годы»,

⁵ Закон Республики Дагестан от 22.09.1999 № 15 «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан»: принят Народным Собранием Республики Дагестан 16.09.1999 // Собрание законодательства Республики Дагестан. 1999. № 9, ст. 3290.

⁶ См., например: Нападение террористов в Дагестане. Главное. 25 июня 2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/06/2024/6678605c9a79473e6ab810cd> (дата обращения: 02.07.2025).

⁷ Закон Республики Ингушетия от 29.12.2018 № 51-РЗ «О профилактике экстремистской деятельности в Республике Ингушетия»: принят Народным Собранием Республики Ингушетия 27.12.2018 // Сердало. 2019. 12 января (№ 1—2 (12136—12137)).

как это видно из его названия, имеет в виду программу, которая закончила своё действие в 2010 году.

В Республике Мордовия есть только Закон от 07.08.2024 № 61-З «О внесении изменений в законы Республики Мордовия о референдумах в части ограничений для иностранных агентов и лиц, причастных к экстремизму и терроризму»⁸, который непосредственно вопросы противодействия экстремизму и терроризму не регулирует.

Закон Оренбургской области от 12.09.2008 № 2390/491-IV-ОЗ (ред. от 28.09.2010) «Об областной целевой программе „Профилактика терроризма и экстремизма на территории Оренбургской области“ на 2008—2010 годы» своим названием показывает, что программа профилактики терроризма и экстремизма на территории Оренбургской области действовала только до 2010 года. После 2010 года закон и программа не обновлялись.

Точно такие же сроки выдержаны и в Законе Саратовской области от 27.02.2008 № 37-ЗСО (ред. от 17.01.2011) «О долгосрочной областной целевой программе „Профилактика терроризма и экстремизма в Саратовской области“ на 2008—2010 годы». После 2010 года закон и программа не обновлялись.

Закон Республики Тыва от 13.12.2016 № 236-ЗРТ «О профилактике экстремистской деятельности в Республике Тыва»⁹ имеет примерно такую же структуру и содержание, как закон Республики Ингушетия, и также не имеет никаких изменений и дополнений с 2016 года.

Перечисленные региональные законы — это всё, что имеется во всех регионах России на дату 01.07.2025. Следовательно, можно констатировать, что законы регионов, призванные регулировать деятельность по противодействию экстремизму и терроризму в регионах России, замерли в развитии много лет назад, существуют сами по себе как ответ федеральному центру в том, что они были приняты, об их создании от-

читались, а потом об их существовании забыли. В остальных регионах законов, призванных регулировать противодействие экстремизму и терроризму, нет. По сделанному обзору региональных законов можно утверждать, что правотворческая работа по противодействию экстремизму и терроризму выполнена формально и во всех регионах давно прекратилась.

Однако количество и разнообразие подзаконных нормативных правовых актов в регионах, ориентированных на противодействие экстремизму, характеризуется совсем иной картиной. Региональный законодатель в целом давно преклонился на уровень подзаконных правовых актов, и в каждом регионе их созданы, как правило, многие десятки. Так, документов, имеющих в названии ключевое слово «экстремизм», в Ярославской области — 2, в Республике Дагестан — 37, во Владимирской области — 130, а в Рязанской области — 1041. Из подборки, сделанной нами исключительно исходя из желания выстроить ряд с возрастающей последовательностью количества принятых документов, никак не видна корреляция между количеством выявленных в данном регионе случаев экстремизма и терроризма и количеством нормативных правовых актов и иных документов, наработанных в регионах по вопросам регулирования противодействия экстремизму и терроризму.

Нельзя сказать, что в Рязанской области так сильно распространён экстремизм и терроризм, что там вынуждены были создать количество документов, направленных на минимизацию экстремизма и терроризма, в 28 раз больше, чем в Республике Дагестан. Скорее, в данном случае имеет место обратная ситуация. Это означает, что успех противодействия экстремизму и терроризму не может оцениваться путём использования количественных оценок созданного в каком-то конкретном регионе массива законов, иных нормативных правовых актов и документов.

Впрочем, их качество тоже не гарантирует уменьшения или отсутствия актов экстремизма и терроризма, улучшения состояние дел с экстремизмом и терроризмом, динамики их уменьшения, а тяжесть совершаемых терактов там, где они имели место, никак не зависит ни от количества, ни от качества созданных документов или законов.

Причин такому положению дел много. Первая из них заключается в том, что законодательство в любой сфере регулирует общественные отношения *post factum*, и обычно спустя длительное время, когда негативные процессы

⁸ Закон Республики Мордовия от 07.08.2024 № 61-З «О внесении изменений в законы Республики Мордовия о референдумах в части ограничений для иностранных агентов и лиц, причастных к экстремизму и терроризму»: принят Государственным Собранием Республики Мордовия 23.07.2024 // Известия Мордовии. 2024. 9 августа (№ 86-32).

⁹ Закон Республики Тыва от 13.12.2016 № 236-ЗРТ «О профилактике экстремистской деятельности в Республике Тыва»: принят Верховным Хуралом (парламентом) Республики Тыва 30.11.2016 // СПС КонсультантПлюс.

накопятся, обретут силу и станут заметными и угрожающими. Именно это и произошло с правовым регулированием экстремизма и терроризма.

Вторая причина состоит в том, что, как это констатировано в Указе Президента РФ от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации», «экстремизм является одной из наиболее сложных проблем современного российского общества, что связано в первую очередь с многообразием его проявлений, неоднородным составом экстремистских организаций, деятельность которых угрожает национальной безопасности Российской Федерации»¹⁰.

Поскольку обстоятельства появления экстремизма и терроризма весьма сложны и разнообразны, они, как правило, не могут быть в полном объёме описаны, поняты, учтены, профилированы на этапе их созревания и тем более не могут быть заблаговременно урегулированы законами. Законы всегда будут отставать и отражать попытки регулирования уже по результатам наступивших последствий экстремизма и терроризма. Практика показывает, что это именно так: современное российское федеральное законодательство не смогло дать за всё время с начала правового регулирования противодействия экстремизма даже приемлемое определение экстремизма. А если мы не смогли дать точное определение явлению, то есть мы не понимаем до конца, что оно собой представляет, то бороться с ним сложно.

Поскольку объём одной статьи не позволяет сделать обзор всех региональных документов, принятых для противодействия экстремизму, рассмотрим их в тех регионах, которые мы упомянули выше.

Ярославская область. Распоряжение Губернатора ЯО от 05.07.2018 № 272-р «О мерах по профилактике распространения экстремизма в молодежной среде»¹¹ предписывает департаментам образования, физической культуры, спорта и молодежной политики, общественных связей, культуры проводить соответствующие мероприятия, связанные с профилактикой экстремизма, терроризма и радикализма в молодежной среде. Органам местного самоуправления муниципальных образований Ярославской области

рекомендовано использовать в системе профилактической работы в образовательных организациях методические комплексы, разработанные государственным учреждением Ярославской области «Ярославский областной молодежный информационный центр», организовать проведение родительских собраний с приглашением специалистов, занимающихся профилактикой экстремизма в молодежной среде, индивидуальных бесед с родителями радикально настроенных учащихся с целью предупреждения родителей о недопустимости нарушения требований закона.

Таким образом, в распоряжении Губернатора ЯО от 05.07.2018 № 272-р есть определённая содержательная часть, однако анализ текста показывает, что все мероприятия относятся к 2018 году, то есть после 2018 года региональный законодатель активности по теме противодействия экстремизму не проявлял. Кроме того, текст показывает традиционный подход, имеющий место повсеместно: появилась проблема (экстремизма), начинаем её решать. До появления самой проблемы никто её не пытается решить, потому что для законодателя её не существует, а как сделать, чтобы она и не возникла вообще, инструкций из центра региональный законодатель не получил. Следует заметить, что никакой центр, ни одна из ветвей власти тоже не имеют у себя никаких наработанных инструкций, научных или методических материалов, как заранее упреждать экстремизм или терроризм.

Почему так происходит? Ещё в VII в. до н. э. «Гуань-цзы» давал полезную рекомендацию: «совершенномудрые, управляя страной, спокойно ожидают событий, с тем чтобы овладеть ими ещё при их возникновении»¹². Такова же идея современного сетевого способа управления, которая звучит как возможность управлять общественными отношениями в режиме реального времени или даже с опережением, тем более что цифровые технологии и сети в некоторых, и пока немногих, случаях позволяют это делать. Древняя фундаментальная мысль, как мы видим, мало зависит от эпохи, от наличия или отсутствия каких-то технологий. Значит, возможность управления событиями во времени была известна 2700 лет назад. Поэтому и сегодня, пользуясь тысячелетним опытом, нужно овладевать событиями ещё при их возникнове-

¹⁰ Указ Президента РФ от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 53, ч. 1, ст. 8669.

¹¹ Распоряжение Губернатора ЯО от 05.07.2018 № 272-р «О мерах по профилактике распространения экстремизма в молодежной среде». Опубликовано не было.

¹² «Гуань-цзы». Глава тридцать восьмая. «Чистое сердце» // Древнекитайская философия: собрание текстов: в 2 т. Т. 2. М., 1973. С. 35.

нии, а лучше и до возникновения, если мы вспомним, что наука должна иметь прогностическую функцию. Знания об этом у нас есть, мы их здесь привели, но законодатель не может ими воспользоваться: не хватает понимания цели, квалификации, а прогностическая функция уголовно-правовой науки отсутствует как таковая.

В таком случае хорошо бы вспомнить, что «династии Инь и Ся были уничтожены из-за того, что не изменили старых ритуалов»¹³. Древняя китайская мысль учит: «Поэтому наводить порядок в стране следует ещё до того, как вспыхнут беспорядки...»¹⁴ Мысль, вполне применимая и к терроризму. Что происходит в праве и системе управления, когда государство медлит с управлением? В философско-политическом трактате школы *фацзя* («законников»), составленном в IV—III вв. до н. э. последователями теоретика легизма и государственного деятеля Гунсунь Яна, было сказано: «Когда дела решаются на основании суждения правителя, возникает смута, и в таких случаях говорят: „[Государство], которое медлит с наведением порядка, будет расчленено“. Поэтому в государстве, идущем истинным путём, [чиновники] осуществляют хорошее управление, не слушая правителя, а народ не следует за чиновниками, [а следует закону]»¹⁵. Расшифровываем древнюю мысль с проецированием её на Республику Дагестан: получив на своей территории множество проявлений терроризма, Республика Дагестан тем не менее медлит с наведением порядка в этой сфере как на уровне науки, законодательства, так и на уровне профилактической работы. Доказательства этого мы привели — формальное и устаревшее законодательство. И это в то время, когда науке уже 2300 лет известно, что нужно делать.

С идентификацией экстремизма и терроризма мы в целом промедлили, а наука не смогла разобраться с этими явлениями даже на уровне дефиниций, после чего говорить об эффективном противодействии экстремизму и терроризму сложно: какие лекции или индивидуальные беседы с родителями радикально настроенных учащихся можно проводить, если законодатель

не дал чётких и ясных дефиниций этих понятий и учёные на эту тему продолжают споры? Споры учёных о сложных правовых явлениях — это хорошо и правильно, но не для молодёжи, которой, если уж читать ей лекции в школе, нужно довести до сознания простые, понятные и однозначные (с позиций закона) истины. Здесь нужно идти существенно дальше, чем рассказывать, что именно является экстремизмом и терроризмом в терминологическом плане: нужно говорить о том, что мы можем предложить молодёжи взамен имеющегося негатива — экстремизма и терроризма. Рассказывать нашей молодёжи только то, что экстремизм и терроризм — это плохо и ужасно, напоминает советские лекции о вреде курения, когда нас пугали рассказами, что капля никотина убивает лошадь.

Для проникновения в суть явления нужно обратиться к научным и древним источникам, настолько древним, что наукой они тогда не назывались, но мысль несли вполне научную. Итак, что касается терроризма, то его корни точно показаны, в частности, в § 42 учебника международного экономического права и процесса Г.М. Вельяминова: «В зарубежной социологии и криминологии отмечается протекающий повсюду в мире сложный процесс так называемого „inclusion — exclusion“ („включения — исключения“) — расслоения людских масс и социальных групп на „включённых“ в современный глобалистский процесс социального, экономического, культурного, политического развития, в котором „успех“ провозглашается смыслом и целью жизни, и на „исключённых“ из этого процесса людей, по сути большинство населения планеты, особенно в развивающихся странах, остающихся на обочине динамического развития общества — людей обездоленных, „неудачников“. Показательно и закономерно, что доля „исключённых“ в населении страны тем выше, чем ниже уровень жизни в данной стране. Именно социальная среда „исключённых“, их стремление добиться „успеха“ любой ценой — есть питательная среда преступности, терроризма, сепаратизма и т. д. Социология резонно утверждает, что терроризм — это борьба бедных против богатых (Я.И. Гилинский)»¹⁶. Это мысль от 2004 года, когда в российском законодательстве всего за два года до этого впервые появился Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской

¹³ «Шан цзюнь шу». Глава первая. «Изменение законов» // Древнекитайская философия: собрание текстов: в 2 т. Т. 2. С. 213.

¹⁴ «Шан цзюнь шу». Глава пятая. «Рассуждение о народе» // Древнекитайская философия: собрание текстов: в 2 т. Т. 2. С. 215.

¹⁵ Там же. С. 219.

¹⁶ Вельяминов Г.М. Международное экономическое право и процесс (академический курс): учебник. М., 2004.

деятельности». Конечно, утверждение о том, что «терроризм — это борьба бедных против богатых», не является абсолютной и единственной истиной или полным объяснением явления, но, видимо, оно действует всегда и везде, имея иногда исключения, например, всё в той же Республике Дагестан, когда один из последних террористических актов с массовыми убийствами, включая 15 убитых полицейских, совершили сыновья главы Сергокалинского района Дагестана, и бедными они точно не были. Такой феномен также должен был быть изучен наукой во всех деталях и как-то преломлён в законодательстве Республики Дагестан.

Фундаментальная мысль о причинах исследуемых явлений (экстремизма и терроризма) была известна более 2400 лет назад: «бедность — это корень беспорядков в управлении»¹⁷. Пока в большинстве случаев это верно, и те, кто взялся управлять государствами, регионами, могли бы это знать и применять надёжный метод упреждения появления терроризма — уменьшать бедность как питательную среду терроризма и как один из его источников. Важен метод упреждения, а не противодействия, когда терроризм проявился и его последствия начинают срочно лечить уголовным законом. Разумеется, не существует одного эффективного метода подавления столь сложных в происхождении явлений, и уж если они вырвались на свободу и окрепли, то требуют теперь комплексного и длительного воздействия как на них, так и на первопричины их появления. Мы же в законодательстве пытаемся воздействовать в основном на вторичные признаки явлений, и они так и проявляются в документе: «проведение родительских собраний с приглашением специалистов, занимающихся профилактикой экстремизма в молодежной среде»¹⁸.

Точно такой же подход мы видим в понимании явлений современными авторами текстов об экстремизме. 31 марта 2025 года в своём интервью заместитель секретаря Совбеза России Александр Гребенкин сказал: «Новая редакция Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации к экстремистским проявлениям относит общественно опасные противоправные деяния, которые совершаются по

мотивам ненависти или вражды по признакам политической, идеологической, расовой, языковой, национальной или религиозной принадлежности либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы или представителей органов публичной власти, способствующие возникновению или обострению межнациональных (межэтнических), межконфессиональных и региональных конфликтов, угрожающие конституционному строю, суверенитету, единству и территориальной целостности России или направленные на умышленное искажение истории, реабилитацию нацизма, а также иные публичные действия, направленные на разжигание ненависти»¹⁹. Да, именно так определяет сегодня Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации экстремистские проявления, однако нужно вспомнить, что этих проявлений практически не было ещё не так давно в СССР, значит, все эти группы негативных явлений находились под жёстким контролем, и нельзя сказать, что они отсутствовали благодаря их подавлению исключительно силовыми методами или уголовным законом. Ни административное, ни уголовное право тогда не имели понятия экстремизма, но велась целенаправленная работа по принципиальному недопущению малейших движений в сторону его появления. Работа шла именно в профилактическом плане и была вполне успешной до 20.03.2001, когда в Кодексе РСФСР об административных правонарушениях, в его последней редакции от 20.03.2001, понятия «экстремизм» ещё не было, а после указанной даты оно появилось.

Сегодня мы имеем это понятие в законодательстве, но успехов в минимизации его негативных проявлений пока не видно. В то же время на дату 1 июля 2025 года в массиве регионального законодательства документов, которые имеют в названии ключевое слово «экстремизм» и такое же ключевое слово в тексте этих документов, имеется 6629. Это 6629 документов, имеющих статус «действующий».

Так выглядит в цифрах итог противодействия экстремизму на сегодняшний день. Если такого понятия совсем недавно ни УК РСФСР, ни КоАП РСФСР не имели и экстремизма как такового не было, то сегодня действуют 6629 документов, а экстремизм есть. Такое видение процессов дол-

¹⁷ «Мо-цзы». Глава «Против конфуцианцев». Часть вторая // Древнекитайская философия: собрание текстов: в 2 т. Т. 1. М., 1972. С. 197.

¹⁸ Распоряжение Губернатора ЯО от 05.07.2018 № 272-р «О мерах по профилактике распространения экстремизма в молодежной среде».

¹⁹ Замсекретаря Совбеза России Александр Гребенкин: [интервью 31 марта 2025 года] // Совет Безопасности Российской Федерации: [официальный сайт]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/speeches/3797/> (дата обращения: 01.07.2025).

жно нас настораживать и направлять к мысли, правильным ли путём мы идём, занимаясь только совершенствованием законодательства и усилением ответственности. В СССР ответственность не усиливали, а занимались совсем другим делом, и называлось оно *партийное, или государственное строительство*. Эти термины, несмотря на небольшое прошедшее время, оказались в известной степени забыты как понятия, также они были забыты и с содержательной стороны. Сегодня только Университет прокуратуры Российской Федерации имеет кафедру, которая называется «Кафедра государственного строительства и права». Вузам не нужно забывать позитивный опыт прошлого, а такой опыт был универсальным, всеохватным и не замыкался на каком-то одном явлении, выхваченном из контекста глобального государственного строительства, как бы грозно оно ни звучало в современной оболочке терминов типа «экстремизм» или «терроризм».

Сегодня, занимаясь противодействием экстремизму и терроризму, мы акцентируем внимание на частностях, обосновывая это тем, что явления экстремизма такие опасные и ужасные, и это, конечно, так и есть. Но при этом мы упускаем глобальное видение, которое было известно ещё древним, и один из его важных аспектов мы приводили («Мо-цзы»: «бедность — это корень беспорядков в управлении»), а такое явление одним законом не устраняется.

Второй документ, созданный в Ярославской области, представляет собой паспорт комплекса процессных мероприятий. Они сводятся к госзакупкам по обозначенным направлениям, например: «Мероприятие (результат) „Изготовлено символики и информационных материалов для проведения мероприятий, посвящённых Дню солидарности в борьбе с терроризмом, наглядной агитации антитеррористической тематики“». Приказом Министерства региональной безопасности ЯО от 05.03.2024 № 04-13/06 (ред. от 09.01.2025) был утверждён паспорт комплекса процессных мероприятий «Развитие системы профилактики экстремизма и терроризма»²⁰.

В паспорте запланированы мероприятия с 2024 до 2030 года. Паспорт содержит такие раз-

делы, как финансовое обеспечение комплекса процессных мероприятий, но план реализации комплекса процессных мероприятий расписан только на 2024 и 2025 годы. Исполнитель поименован по должности и фамилии (консультант ОППЭиТ МРБ ЯО Можухин А.А.), и он назначен один на все мероприятия двухлетнего периода.

И это все усилия Ярославской области в направлении профилактики экстремизма и терроризма. Наш вывод и итог по Ярославской области: формально документ есть; ставка на единственного человека, внесённого в качестве ответственного за 25 мероприятий паспорта, порождает вопрос, не входят ли все порученные консультанту мероприятия в его функциональные обязанности в отделе Министерства региональной безопасности Ярославской области, где по штату в отделе профилактики правонарушений, экстремизма и терроризма есть начальник, заместитель и 4 консультанта²¹.

Судя по перечислению в паспорте порученных консультанту мероприятий, которыми являются государственные закупки, оплата, приёмка услуг, оказанных по государственному контракту, и т. п., это именно так. Получается, что вся деятельность Ярославской области в направлении противодействия экстремизму и терроризму сведена к деятельности одного отдела профилактики правонарушений, экстремизма и терроризма Министерства региональной безопасности Ярославской области, а в нём — к деятельности единственного консультанта. В итоге есть и документ с впечатляющим названием «паспорт комплекса процессных мероприятий „Развитие системы профилактики экстремизма и терроризма“». Если в Ярославской области не случится ни одного террористического акта, то можно будет утверждать, что усилиями одного консультанта там достигнута полная профилактика терроризма, и будет иметь место потрясающая производительность труда одного человека, которая обнаруживается при изучении документов, детализирующих то, как преподнесена внешнему миру борьба с терроризмом.

Однако всё это в чистом виде есть имитация работы и её полная профанация, совершенная путём составления внешне серьёзного документа.

²⁰ Приказ Министерства региональной безопасности ЯО от 05.03.2024 № 04-13/06 «Об утверждении паспорта комплекса процессных мероприятий «Развитие системы профилактики экстремизма и терроризма»: зарегистрировано в государственно-правовом управлении Правительства ЯО 11.03.2024 № 26-14641 // СПС КонсультантПлюс.

²¹ Постановление Правительства ЯО от 02.12.2011 № 960-п «О министерстве региональной безопасности Ярославской области» (вместе с Положением о министерстве региональной безопасности Ярославской области) // Документ-Регион. 2011. 9 декабря (№ 102).

Терроризм — это оружие слабых, людей, которые не обладают реальной военной мощью и поэтому действуют методом устрашения гражданских незащищенных лиц. Механизмы предотвращения, упреждения, профилактики терроризма должны иметь что-то, что позволяет предвидеть и действовать умно и целенаправленно, с пониманием, как нужно предотвращать теракты — не конкретный теракт (это дело специальных служб), а назревшие явление или условия, которые могут при некоторых условиях привести к совершению теракта, но которые пока в таком зачаточном состоянии, что их ещё можно упреждать общими превентивными средствами, а не специальными средствами спецслужб.

Специальными средствами будут действовать спецслужбы, когда террористический акт подготавливается, а также когда он уже произошёл и идёт вооружённая борьба с террористами. Правовые средства должны иметь длительный срок действия, они не предназначены для предотвращения террористического акта, который намечен террористами на завтра, их инструмент — длительное время в совокупности с продуманными и эффективными разнообразными мерами. Это комплексные меры, включающие в себя компоненты социальные, культурные, экономические, религиозные, воспитательные и многие другие. Одно лишь право, будь оно федерального, регионального или местного уровня, с этим не справится. Здесь и кроется проблема, которую нужно решать. Нужна большая наука, трансдисциплинарные исследования, которые обычно юристам и законодателю неизвестны, у них нет ни опыта, ни понимания того, что и как нужно делать, они и не сильно стремятся к этому, что в итоге и показывает массив региональных нормативных правовых актов и иных документов, которые мы исследовали. Здесь пока отсутствуют исследования с привлечением математики, экономики, истории, религии, социологии, права, управления и других наук и отраслей знаний. Юристы не способны даже поставить такую задачу, поскольку задача является трансдисциплинарной, в этом суть проблемы, и отсюда наблюдаемый результат.

Методы, которые должны использовать регионы, их законодатели, исполнительная власть, гражданское общество, должны быть коренным образом отличны от методов работы спецслужб. Во времени и пространстве их действия отличаются тем, что спецслужбы нацелены на максимально быстрое обнаружение террористов с определением их точного местонахождения, а гражданское общество, население регионов и

власть должны действовать на всём своём пространстве, медленно и верно подвергая его обработке всеми способами и средствами, разыскивая преимущественно не негатив, а позитив и укрепляя его, и лишь при обнаружении явного негатива они должны делать то, о чем мы прочитали в распоряжении Губернатора ЯО от 05.07.2018 № 272-р «О мерах по профилактике распространения экстремизма в молодёжной среде», предписывающем в таких случаях «организовать проведение родительских собраний с приглашением специалистов, занимающихся профилактикой экстремизма в молодёжной среде». Такое состояние дел всё же редкость и исключение, и когда до этого дошло, значит, время упущено и экстремизм проник глубоко в сознание, откуда теперь его беседами убрать сложно.

Иной подход противодействия экстремизму и терроризму избран в *Рязанской области*, где создано множество документов на эту тему. Взятое здесь направление принципиально иное. Типичным примером является постановление Администрации муниципального образования — Старожиловский муниципальный район Рязанской области от 25.09.2018 № 536 (ред. от 31.03.2025) «Об утверждении муниципальной программы муниципального образования — Старожиловское городское поселение Старожиловского муниципального района Рязанской области „Укрепление межнационального и межконфессионального согласия, социальной и культурной адаптации мигрантов, профилактики терроризма и экстремизма“»²².

Программа муниципалитета ставит цели:

- совершенствование системы профилактических мер антитеррористической и антиэкстремистской направленности;
- предупреждение террористических и экстремистских проявлений на территории поселения;
- укрепление межнационального согласия;

²² Постановление Администрации муниципального образования — Старожиловский муниципальный район Рязанской области от 25.09.2018 № 536 «Об утверждении муниципальной программы муниципального образования — Старожиловское городское поселение Старожиловского муниципального района Рязанской области „Укрепление межнационального и межконфессионального согласия, социальной и культурной адаптации мигрантов, профилактика терроризма и экстремизма“ // Информационный бюллетень муниципального образования — Старожиловский муниципальный район. 2018. 1 октября (№ 23/267).

- достижение взаимопонимания и взаимного уважения в вопросах межэтнического и межкультурного сотрудничества.

Для достижения поставленных целей программа предусматривает решение следующих задач:

- проведение анализа межэтнических отношений в Старожиловском городском поселении и организационных мер по их совершенствованию;
- реализация мероприятий, направленных на сохранение межнационального мира и согласия;
- содействие укреплению основ гражданского общества и патриотическому воспитанию населения;
- обеспечение реализации на территории Старожиловского городского поселения государственной политики, направленной на сохранение и развитие этнокультурного многообразия этнических сообществ.

Далее в программе решаются организационные и финансовые вопросы.

Подобные программы приняты и в других муниципалитетах, и таким образом применён сетевой метод охвата всей территории области мероприятиями, доведёнными до самого низового уровня. Будут ли они все должным образом профинансированы, точно и полно исполнены с надлежащим старанием и профессионализмом — это другой вопрос. Разумеется, где-то может образоваться нехватка финансов или их нецелевое расходование, какие-то мероприятия будут проведены формально, да и само финансирование всех этих муниципальных программ весьма ограниченное. Однако за счёт распространения действий по борьбе с экстремизмом и терроризмом по всей территории области всё же можно предположить возможность получения конечного результата. Измерить его в каких-то показателях невозможно, ибо единственный террористический акт формально «обнулит» всю проведённую работу. Однако такой подход всё же представляется более эффективным, чем закупка наглядных пособий, проведение которой отдано на исполнение единственному консультанту, как это запланировано в Ярославской области. Различие двух рассмотренных подходов в двух регионах таково: узкий точечный подход, прилагаемый к бумажным формам агитации, и широкий сетевой подход, прилагаемый ко множеству районов области и большому количеству людей.

Таким образом, имеется негативный и позитивный опыт в законотворческой деятельности регионов. Позитивный опыт нужно выявлять, изучать и распространять, негативный опыт нужно находить и предлагать регионам пересматривать свои подходы в работе.

С другой стороны, исследование законотворческой деятельности регионов показывает явно видимую шаблонность, примитивность и формальность предпринимаемых шагов, что происходит в силу отсутствия серьёзного научного обеспечения процесса, чего не может предоставить даже федеральный центр, а в регионах для этого научных, интеллектуальных и финансовых ресурсов, как правило, ещё меньше. Поэтому необходима эффективная научная работа в центре, проводимая во взаимодействии с регионами, и общие подходы к началу такой работы нами были предложены.

Экстремизм и терроризм — это явления тысячелетней давности, и так называемая борьба с ними является также бесконечным во времени процессом, который должен быть нацелен на длительное формирование в обществе и государстве условий, минимизирующих желания граждан уходить в сторону экстремизма и терроризма, а для этого нужно их переключить в постоянную созидательную деятельность. Для такой деятельности нужны длительные ориентиры, мотивация, условия, и государство должно начать их создавать, однако вся такая деятельность лежит за пределами уголовно-правовой науки и практики.

Проблема не решается в том поле, в котором она появляется, а появляется она в уголовно-правовом поле, когда следователь получает формальные основания и необходимые доказательства, которые позволяют соотнести их с диспозицией статьи УК РФ и возбудить уголовное дело. В этот момент происходит формальная фиксация факта экстремизма или терроризма. Проблема появляется в социуме путём длительного действия на личность разных факторов, деструктивных идеологий, мыслей, внушаемых долго и успешно, в результате которых личность совершает в итоге деяния, проявляющиеся в уголовно-правовом поле. Поэтому профилактика актов экстремизма и терроризма должна начинаться за десятилетия до их совершения, а почти все средства, методы и ресурсы, необходимые для этого, лежат за пределами уголовно-правового поля, уголовно-правовой науки и её практики. Это также объясняет сложность борьбы с исследуемыми явлениями.

Список литературы

1. Вельяминов Г.М. Международное экономическое право и процесс (академический курс): учебник. М.: Волтерс Клувер, 2004. 496 с.

2. Замсекретаря Совбеза России Александр Гребенкин: [интервью 31 марта 2025 года] // Совет Безопасности Российской Федерации: [официальный сайт]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/speeches/3797/> (дата обращения: 01.07.2025).

3. Древнекитайская философия: собрание текстов: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1972. 363 с.

4. Древнекитайская философия: собрание текстов: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1973. 384 с.

References

1. Velyaminov, G.M. (2004) Mezhdunarodnoe ekonomicheskoe pravo i protsess (akademicheskii

kurs) [International economic law and process (academic course)]. Textbook. Moscow, Wolters Kluwer, 496 p. (In Russ.).

2. Grebenkin, A. (2025) Zamsekretarya Sovbeza Rossii Aleksandr Grebenkin [Deputy Secretary of the Russian Security Council A. Grebenkin]. Interview on March 31, 2025. *The Security Council of the Russian Federation: official website*. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/speeches/3797/> (accessed July 1, 2025). (In Russ.).

3. Drevnekitayskaya filosofiya [Ancient Chinese philosophy]. Collection of texts. Vol. 1. Moscow, Mysl', 1972. 363 p. (In Russ.).

4. Drevnekitayskaya filosofiya [Ancient Chinese philosophy]. Collection of texts. Vol. 2. Moscow, Mysl', 1973. 384 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Л.В. Голоскоков — профессор кафедры прикладного правоведения и междисциплинарных юридических исследований Института правоведения Российского государственного гуманитарного университета, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

L.V. Goloskokov – Professor of the Department of Applied Jurisprudence and Interdisciplinary Legal Studies of the Institute of Law of the Russian State University for the Humanities, Doctor of Law, Associate Professor.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Муниципальное право России. 13-е изд., перераб. и доп. Учебник. Гриф УМО по юридическому образованию вузов РФ. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки / Под ред. Б.С. Эбзеева, Г.А. Гаджиева, А.М. Осавелюка, Н.М. Чепурновой, Л.Т. Чихладзе. 559 с.

ISBN: 978-5-238-03848-3

Изложены основные теории местного самоуправления, рассмотрена история возникновения и развития самоуправления в России. Показаны современные подходы к пониманию местного самоуправления, главные направления государственной политики России в этой области. Представлены предмет, метод, система и источники муниципального права. С учетом комплексного характера определено особое место муниципального права в системе российского права. Рассмотрены формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и его участия в нем. Описаны структура органов местного самоуправления и различные модели ее организации.

Для студентов (курсантов), аспирантов (адъюнктов) и преподавателей высших юридических образовательных учреждений, органов и должностных лиц местного самоуправления. Может быть использован в учебном процессе по дистанционным образовательным технологиям.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 1. С. 51—57.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026, no. 1, pp. 51–57.

УДК 343.238
doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.005

NIION: 2015-0065-01/26-363
MOSURED: 77/27-010-2026-01-562

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Проблемные аспекты применения квалифицирующего признака «с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение»

Андрей Сергеевич Климов¹, Сергей Николаевич Хорьяков²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал, Липецк, Россия, andklimov80@yandex.ru, <http://orcid.org/0009-0009-9435-2886>

²Луганская академия Следственного комитета Российской Федерации, Луганск, Россия, horser1@yandex.ru

Аннотация. В статье обсуждаются вопросы соотношения отягчающих обстоятельств и квалифицирующих признаков, исследуются основные подходы, существующие в науке по этой проблеме. Исследуется ряд квалифицирующих признаков, в которых используются категории «сопряженность» и «соединенность», анализируется соотношение данных признаков с квалифицирующим признаком «с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение», рассматриваются основные вопросы квалификации преступлений, совершенных с квалифицирующим признаком «с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение», также проанализирован новый квалифицирующий признак — «в целях совершения преступления на территории Российской Федерации».

Ключевые слова: квалифицирующий признак; обстоятельство, отягчающее наказание; преступление; сокрытие преступления; состав преступления; облегчение совершения преступления; документ; убийство; уголовное законодательство.

Вклад авторов: Климов А.С. — сбор и обработка материалов; Хорьяков С.Н. — анализ полученных данных, написание текста.

Для цитирования: Климов А.С., Хорьяков С.Н. Проблемные аспекты применения квалифицирующего признака «с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение» // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 1. С. 51—57. doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.005.

Problematic aspects of applying the qualifying feature “in order to conceal another crime or facilitate its commission”

Andrey S. Klimov¹, Sergey N. Khoryakov²

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk Branch, Lipetsk, Russia, andklimov80@yandex.ru, <http://orcid.org/0009-0009-9435-2886>

²Lugansk academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Lugansk, Russia, horser1@yandex.ru

Abstract. The article discusses the relationship between aggravating circumstances and qualifying features, exploring the main approaches currently available in scholarship on this issue. It examines a number of qualifying features that utilize the categories of conjugacy and connectivity, analyzes the relationship of these features with the qualifying feature “for the purpose of concealing another crime or facilitating its commission,” and examines key issues in qualifying crimes committed with the qualifying feature “for the purpose of concealing another crime or facilitating its commission.” A new qualifying feature “for the purpose of committing a crime on the territory of the Russian Federation” is also analyzed.

Keywords: qualifying feature, aggravating circumstance, crime, concealment of a crime, corpus delicti, facilitation of the commission of a crime, document, murder, criminal law.

Contribution of the authors: Klimov A.S. — collection and processing of material; Khoryakov S.N. — data analysis, text writing.

For citation: Klimov, A.S. & Khoryakov, S.N. (2026) Problematic aspects of applying the qualifying feature “in order to conceal another crime or facilitate its commission.” *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 1, pp. 51 – 57. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.005.

Исследование квалифицирующих признаков различных составов преступлений позволяет уяснить направление уголовной политики, основания дифференциации уголовной ответственности, а также выявить закономерности развития уголовного законодательства. Квалифицирующие признаки различных составов преступлений достаточно тесно связаны с обстоятельствами, отягчающими ответственность. Одни авторы, такие как С.В. Бородин¹ и Д.Ж. Буликеева², полностью отождествляют данные категории, другие, такие как М.А. Авдеев и А.С. Штранц, приходят к выводу о различиях в них³.

В свете изложенного существенный интерес представляет ситуация, когда одно преступление совершается с целью скрыть или облегчить другое преступление. Так, в п. е.1 ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса РФ это отягчающее обстоятельство, а например, в п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ — квалифицирующий признак. Причём наблюдается процесс расширения использования данного обстоятельства в статьях Особенной части УК РФ. Так, Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ⁴ в статью 327 УК РФ, предусматривающую ответственность за подделку, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков, были внесены изменения, в соответствии с которыми в ч. 2 появился такой признак. Интересно, что в Федеральном законе от 26 июля 2019 г. № 209-ФЗ⁵ мы можем наблюдать дальнейшее ужесточение ответственности при наличии такого квалифицирующего признака: он был перенесен в ч. 4 ст. 327 УК РФ. Следующий этап исторического развития данной категории отобразился в Федеральном за-

коне от 9 ноября 2024 г. № 383-ФЗ⁶: этот признак был несколько преобразован и стал выглядеть следующим образом — «в целях совершения преступления на территории Российской Федерации либо с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение». Этим же законом в п. «в» ч. 2 ст. 322.1 УК РФ был введен такой же квалифицирующий признак.

Таким образом, необходимо отметить, что, во-первых, данный признак в статьях Особенной части УК РФ встречается достаточно редко, во-вторых, в 2024 году в ч. 4 ст. 327 УК РФ он несколько трансформировался и в таком же варианте появился в ст. 322.1 УК РФ. В целом анализ этого признака позволяет прийти к ряду выводов. Так, в ст. 63 и ст. 105 УК РФ предусмотрено два варианта: а) с целью скрыть другое преступление и б) с целью облегчить совершение преступления, а третий вариант — в) в целях совершения преступления на территории Российской Федерации — отражен в статьях 322.1 и 327 УК РФ, которые предусматривают ответственность за организацию незаконной миграции и за подделку, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков.

Обратимся теперь непосредственно к исследованию содержания данного квалифицирующего признака.

Первый вариант предусматривает цель — сокрытие другого преступления, причем такое сокрытие может осуществляться как на стадии покушения на преступление, так и после его окончания. Сокрытие предполагает совершение определенных действий, направленных: а) на утаивание самого факта совершенного преступления; б) утаивание сведений о лице, совершившем (совершающем) преступление. Таким образом, речь идет об отсутствии соответствующей осведомленности у правоохранительных органов и у иных лиц, которые могли бы сообщить об этом им.

В обоснование ужесточения ответственности по данному квалифицирующему признаку С.В. Бородин указывает: повышенная опасность состоит в том, что виновный совершает фактически два преступления, преследуя при этом низменную цель облегчения другого преступления или освобождения от ответственности за

¹ Бородин С.В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М., 1994. С. 41.

² Буликеева Д.Ж. Понятие и природа квалифицирующих признаков // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 11 (302). С. 68.

³ Авдеев М.А., Штранц А.С. Общая характеристика квалифицирующих признаков и их значение при конструировании составов преступлений // Актуальные проблемы государства и права. 2019. Т. 3, № 9. С. 68.

⁴ Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 209-ФЗ «О внесении изменений в статью 327 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

⁶ Федеральный закон от 9 ноября 2024 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

предыдущее, не останавливаясь перед лишением жизни другого человека⁷. С.В. Павлуцкая, соглашаясь с С.В. Бородиным, делает акцент на наличии «крайне отрицательных личностных характеристик субъекта», о которых свидетельствует то, что виновный ради совершения преступления готов использовать любые средства, включая убийство⁸.

Интересно, что отечественный законодатель пошёл особым путем и преобразовал данный квалифицирующий признак в такие категории, как «сопряженность» и «соединенность» с конкретным преступлением. Например, в ч. 2 ст. 105 УК РФ сопряженность встречается в трёх пунктах — «в», «з» и «к», где убийство может быть сопряжено с похищением человека, разбоем, вымогательством, бандитизмом, изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера. А.П. Рожнов выступает против выделения таких признаков, так как смысл совершения убийства будет либо в устранении препятствий, либо в сокрытии⁹. По мнению В.Н. Баландюка и Н.Н. Салевой, «имеет место так называемая законодательно учтенная идеальная совокупность преступлений, исключающая дополнительную квалификацию»¹⁰.

Основной массив судебной практики по применению данного квалифицирующего признака наработан по ст. 105 УК РФ.

Так, деяние, квалифицированное по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, было совершено при следующих обстоятельствах. Группа лиц, куда входили пять человек, по предварительномуговору напала на потерпевшего Ф. и завладела его имуществом, затем они похитили его и привезли в гараж, расположенный в гаражном кооперативе, где его связали и поместили в подвал. Затем часть преступной группы отправилась с целью хищения имущества в принадлежащий потерпевшему дом. В это время потер-

певший, находящийся в подвале гаража, смог развязать себе руки и освободиться, затем, оказав сопротивление одному из членов преступной группы К., который остался его охранять, смог его выгнать из подвала и закрыть металлические двери подвала изнутри. Тогда у К. возник преступный умысел, направленный на умышленное лишение жизни Ф. с целью сокрытия разбойного нападения. Реализуя его, К. смог открыть дверь подвала гаража и в образовавшийся дверной проем сделал не менее двух выстрелов из неустановленного огнестрельного оружия в голову и туловище Ф., совершив умышленное убийство последнего¹¹.

В другом случае деяние было квалифицировано по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство, направленное на сокрытие личности преступника. Данное преступление было совершено при следующих обстоятельствах. Н. и К. вступили между собой в преступный сговор, направленный на нападение в целях хищения имущества Ф. с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, с применением ножа. Далее, действуя умышленно в группе лиц по предварительномуговору, для реализации своего преступного умысла, направленного на разбойное нападение в целях хищения чужого имущества, догнали идущую Ф. После чего К., действуя согласованно с Н., подавляя сопротивление Ф., схватил ее сзади, а Н., в свою очередь, демонстрируя ей кухонный нож, потребовал от Ф. деньги. После того как Ф. опознала их, понимая, что она может сообщить о совершенном в отношении нее разбойном нападении, указав на Н. и К. как на лиц, совершивших преступление, Н. и К., желая избежать уголовной ответственности, с целью скрыть совершенное разбойное нападение решили убить Ф. С целью реализации преступного умысла К. продолжил удерживать Ф., а Н., действуя умышленно, с целью убийства, имеющимся в руках ножом нанес Ф. не менее 26 ударов по различным частям тела, головы, шеи, рук, правого бедра¹².

Приговором Кировского районного суда г. Самары был осужден Г. за покушение на убийство с целью сокрытия другого преступления. Деяние было совершено при следующих

⁷ Бородин С.В. Преступления против жизни. М., 2000. С. 152.

⁸ Павлуцкая С.В. Спорные вопросы квалификации убийства с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение // Бизнес в законе. 2009. № 1. С. 180.

⁹ Рожнов А.П. Проблемы квалификации убийств, сопряженных с иными преступлениями // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2011. № 1. С. 155.

¹⁰ Баландюк В.Н., Салева Н.Н. Понятие сопряженности убийства с иными преступлениями // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 4. С. 29.

¹¹ Апелляционное постановление Рязанского областного суда № 22-205/2014 от 31 марта 2014 г. по делу № 22-205/2014 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 18.09.2023).

¹² Приговор Агрызского районного суда (Республика Татарстан) № 1-50/2015 от 13 ноября 2015 г. по делу № 1-50/2015 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 18.09.2023).

обстоятельствах. Г. совершал убийство В., очевидцем данных действий стал ранее ему знакомый П., который стал высказывать просьбу прекратить действия, направленные на причинение смерти. Однако Г. довёл свой преступный умысел до конца, причинив смерть В., и затем попытался убить П. Имевшимся у Г. ножом он нанес П. не менее одного удара в область правой кисти и не менее двух ударов в область расположения жизненно важных органов, а именно в грудную клетку. Однако довести до конца свой преступный умысел, направленный на убийство П., Г. не смог по независящим от него обстоятельствам, поскольку П. оказал ему активное сопротивление, чем пресек преступные действия Г. Кроме того, после полученных повреждений П. своевременно была оказана медицинская помощь. При этом суд установил: Г. осознавал, что П. видел совершенное им преступление в отношении В. и может сообщить о произошедшем в правоохранительные органы, указав на него как на лицо, совершившее преступление; желая избежать уголовной ответственности, с целью скрыть совершенное им преступление, а именно убийство В., виновный сформировал преступный умысел, направленный на убийство П.¹³

В.А. Смирнов отмечает, что помимо указанных выше вариантов квалификации с целью скрыть другое преступление в судебной практике можно встретить также случаи, когда преступление совершается для усложнения расследования ранее совершенного преступления или для того, чтобы вообще избежать уголовной ответственности (например, инсценировка смерти лица, совершившего преступление)¹⁴.

Второй вариант, содержащийся в п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, — убийство с целью облегчить совершение преступления — предполагает, что совершение убийства упростит совершение другого преступления. Так, С.И. Ожегов определяет слово «облегчить» как «упростить, сделать проще, легче; сделать менее трудным, менее тяжёлым»¹⁵.

¹³ Приговор Кировского районного суда г. Самары (Самарская область) № 1-38/2016 1-685/2015 от 1 марта 2016 г. по делу № 1-38/2016 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 18.09.2023).

¹⁴ Смирнов В.А. Уголовно-правовая характеристика убийства, совершенного с целью скрыть другое преступление либо облегчить его совершение (п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ) // Сибирский юридический вестник. 2010. № 3. С. 124.

¹⁵ Ожегов С.И. Словарь русского языка. 20-е изд., стер. М., 1988. С. 552.

Характерный пример этого варианта отражен в приговоре Свердловского областного суда. Н. предложил К. совместно похитить домашних животных с участка, на что К. согласился. Н. и К. договорились убить водителя и завладеть его грузовым автомобилем для последующего хищения и перевозки домашних животных. Н. нашел в сети Интернет номер телефона потерпевшего, а К. договорился по телефону с водителем грузового автомобиля-фургона Ш.М.А о перевозке мебели из п. г. т. Верхнее Дуброво в г. Екатеринбург, введя его в заблуждение о маршруте поездки и характере перевозимого груза. После этого Н. и К. вооружились молотком, встретились с Ш.М.А в г. Берёзовском, проехали на грузовом автомобиле под его управлением в п. г. т. Верхнее Дуброво, где под надуманным предлогом предложили Ш.М.А выйти возле дома, вышли следом, после чего поочередно, передавая друг другу молоток, с целью убийства нанесли Ш.М.А не менее 8 ударов молотком, от которых потерпевший скончался на месте происшествия¹⁶.

Однако суды не всегда последовательны и иногда указывают сразу на две цели.

Так, в приговоре Новгородского областного суда указано, что убийство совершено одновременно как с целью сокрыть, так и облегчить. Само деяние было совершено при следующих обстоятельствах. Г. и неустановленный соучастник мошенническим путем совершили хищение квартиры, принадлежащей М., затем Г. с соучастником, опасаясь, что М. сообщит в правоохранительные органы о совершаемом в отношении него преступлении, преследуя цель скрыть данное преступление и облегчить его дальнейшее совершение, приняли решение об убийстве М., о чём вступили между собой в предварительный преступный сговор, при этом Г. взял организацию совершения данного убийства на себя. Г. привлек в качестве исполнителя убийства М. своего знакомого А. Далее, следуя указаниям Г., руководившего действиями А., он в окрестностях деревни вырыл яму, пригодную для захоронения трупа М., выбрав данный участок местности как незаселенный, после чего Г. с целью убийства М. доставил потерпевшего на автомашине к указанному выше месту, расположенному в окрестностях деревни, где согласно договоренности с Г. находился А. После того как М. вышел из автомаши-

¹⁶ Приговор Свердловского областного суда № 2-1/2020 2-26/2019 от 17 января 2020 г. по делу № 2-1/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 18.09.2023).

ны, Г. подвёл его к А., который нанёс М. не менее шести ударов твёрдым предметом в область жизненно важных органов — в голову и один удар в область челюсти, в результате чего наступила смерть¹⁷.

Кроме того, можно обнаружить в судебной практике достаточно распространенные случаи квалификации деяния по ч. 4 ст. 327 УК РФ, когда приобретение поддельных документов рассматривается как преступление, совершенное с целью облегчить совершение другого преступления.

Так, по данному пункту было квалифицировано деяние в приговоре Тутаевского городского суда Ярославской области. У. в период с не установленного времени до 20 часов 30 минут ДД.ММ.ГГГГ, будучи осведомленным, что в соответствии с ч. 2 ст. 42 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» не допускаются задержание, привод, личный досмотр прокурора, досмотр его вещей и используемого им транспорта, решил приобрести поддельное служебное удостоверение сотрудника прокуратуры, которое намеревался хранить при себе и при необходимости предъявлять сотрудникам полиции при остановке используемых У. для транспортировки наркотиков транспортных средств для предотвращения их досмотра, а также предотвращения его личного досмотра, то есть для использования с целью облегчить совершение им другого преступления¹⁸.

В другом приговоре, вынесенном Долгопрудненским городским судом Московской области, имеет место такая же квалификация. Деяние было совершено при следующих обстоятельствах: О. не позднее ДД.ММ.ГГГГ, точное время не установлено, находясь в не установленном следствием месте, вступил в преступный сговор с неустановленными лицами, направленный на подделку иного официального документа — свидетельства о регистрации транспортного средства на автомобиль, с целью облегчить дальней-

шую беспрепятственную реализацию и транспортировку похищаемого автомобиля и использования данного свидетельства о регистрации транспортного средства в последующем, в нарушение установленного на территории Российской Федерации порядка получения документа, подтверждающего постановку транспортного средства на учет, в период с 20 по ДД.ММ.ГГГГ, действуя группой лиц по предварительному сговору, согласно отведенной ему роли, предоставил не установленному следствием лицу информацию, подлежащую внесению в вышеуказанный документ, а именно сведения о марке автомобиля, номерных агрегатах и государственных регистрационных знаках, направив их посредством сотовой связи, тем самым содействовал совершению неустановленными лицами преступления, а именно подделке свидетельства о регистрации транспортного средства на автомобиль¹⁹.

Далее обращает на себя внимание появление немного преобразованного квалифицирующего признака «в целях совершения преступления на территории Российской Федерации», в 2024 году он появился в ст. 322.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за организацию незаконной миграции, а также в ч. 4 ст. 327 УК РФ, по которой лицо несет ответственность за подделку, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков. В данном случае представляется, что законодатель выделил из варианта «облегчение совершения преступления» специальный случай, в котором предыдущее преступление, например, организация незаконного пребывания в Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства или подделка официального документа, выступает способом облегчить совершение иного преступления, так как данные преступления были совершены в целях совершения нового преступления на территории Российской Федерации.

Таким образом, квалифицирующий признак «с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение» все больше распространяется и трансформируется. В то же время судебная практика достаточно широко его толкует. Так, цель «сокрытие преступления» включает: а) попытку утаить сам факт, что преступ-

¹⁷ Приговор Новгородского областного суда (Новгородская область) № 02-10/2015 02-23/2014 от 24 ноября 2015 г. по делу № 02-10/2015 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 18.09.2023).

¹⁸ Приговор Тутаевского городского суда (Ярославская область) № 1-194/2023 от 13 декабря 2023 г. по делу № 1-194/2023 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 18.01.2026).

¹⁹ Приговор Долгопрудненского городского суда (Московская область) № 1-27/2020 от 2 ноября 2020 г. по делу № 1-27/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 18.01.2026).

ление было совершено; б) попытку не допустить разглашения сведений о лице, совершившем преступление; в) действия, направленные на усложнение процесса расследования преступления. Цель «облегчить совершение преступления» предполагает совершение действий, направленных: а) на устранение возможных препятствий, которые могут возникнуть при совершении преступления; б) упрощение процесса совершения преступления.

Список литературы

1. Авдеев М.А., Штранц А.С. Общая характеристика квалифицирующих признаков и их значение при конструировании составов преступлений // Актуальные проблемы государства и права. 2019. Т. 3, № 9. С. 66—75. doi: 10.20310/2587-9340-2019-3-9-66-75.
2. Бalandyuk В.Н., Салева Н.Н. Понятие сопряженности убийства с иными преступлениями // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 4. С. 29—37.
3. Бородин С.В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М.: Юрист, 1994. 216 с.
4. Бородин С.В. Преступления против жизни. М.: Юрист, 2000. 356 с.
5. Буликеева Д.Ж. Понятие и природа квалифицирующих признаков // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 11 (302). С. 68—71.
6. Михайлова И.А., Боcharникова Л.Н. Проблемы квалификации убийства, сопряженного с преступлениями против личности // Проблемы правоохранительной деятельности. 2012. № 2. С. 15—19.
7. Нуркаева Т.Н., Диваева И.Р. Спорные вопросы толкования некоторых квалифицированных видов убийства в теории уголовного права и судебной практике // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 2. С. 127—129.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 20-е изд., стер. М.: Русский язык, 1988. 748 с.
9. Павлуцкая С.В. Спорные вопросы квалификации убийства с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение // Бизнес в законе. 2009. № 1. С. 180—183.
10. Рожнов А.П. Проблемы квалификации убийств, сопряженных с иными преступлениями // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2011. № 1. С. 152—158.
11. Смирнов В.А. Уголовно-правовая характеристика убийства, совершенного с целью

скрыть другое преступление либо облегчить его совершение (п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ) // Сибирский юридический вестник. 2010. № 3. С. 123—130.

12. Тыдыкова Н.В. Проблемы квалификации насильственных половых преступлений, сопровождающихся совершением иных преступлений против личности // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2-2. С. 129—133. doi: 10.14258/izvasu(2013)2.2-29.

References

1. Avdeev, M.A., Shtrants, A.S. (2019) Obshchaya kharakteristika kvalifitsiruyushchikh priznakov i ikh znachenie pri konstruirovanii sostavov prestupleniy [Qualifying signs general characteristic and their importance in corpus delicti structure planning]. *Current Issues of the State and Law*, vol. 3, no. 9, pp. 66–75. (In Russ.). doi: 10.20310/2587-9340-2019-3-9-66-75.
2. Balandyuk, V.N., Saleva, N.N. (2010) Ponyatie sopryazhennosti ubiystva s inymi prestupleniyami [Concept of an associativity of murder with other crimes]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, no. 4, pp. 29–37. (In Russ.).
3. Borodin, S.V. (1994) Otvetstvennost' za ubiystvo: kvalifikatsiya i nakazanie po rossiyskomu pravu [Responsibility for murder: qualification and punishment under Russian law]. Moscow, Yurist, 216 p. (In Russ.).
4. Borodin, S.V. (2000) Prestupleniya protiv zhizni [Crimes against life]. Moscow, Yurist, 356 p. (In Russ.).
5. Bulikeeva, D.Zh. (2013) Ponyatie i priroda kvalifitsiruyushchikh priznakov [Concept and the nature of qualifying signs]. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law*, no. 11, pp. 68–71. (In Russ.).
6. Mikhailova, I.A., Bocharnikova, L.N. (2012) Problemy kvalifikatsii ubiystva, sopryazhennogo s prestupleniyami protiv lichnosti [Problems of qualification of the murder integrated to crimes against the person]. *Problems of Law Enforcement Activity*, no. 2, pp. 15–19. (In Russ.).
7. Nurkaeva, T.N., Divaeva, I.R. (2014) Spornye voprosy tolkovaniya nekotorykh kvalifitsirovannykh vidov ubiystva v teorii ugovolnogo prava i sudebnoy praktike [Controversial issues of interpretation of certain qualified kinds of murder in theory of criminal law and court practice]. *Gaps in Russian Legislation*, no. 2, pp. 127–129. (In Russ.).

8. Ozhegov, S.I. (1988) Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. 20th ed. Moscow, Russkiy yazyk, 748 p. (In Russ.).

9. Pavlutsкая, S.V. (2009) Spornye voprosy kvalifikatsii ubiystva s tsel'yu skryt' drugoe prestuplenie ili oblegchit' ego sovershenie [Controversial issues of qualification of murder for the purpose of concealing another crime or facilitating its commission]. *Biznes v zakone*, no. 1, pp. 180–183. (In Russ.).

10. Rozhnov, A.P. (2011) Problemy kvalifikatsii ubiystv, sopryazhennykh s inymi prestupleniyami [On the problems of homicides legal treatments conjugated with other actual criminal acts]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Yurisprudentsiya*, no. 1, pp. 152–158. (In Russ.).

11. Smirnov, V.A. (2010) Ugolovno-pravovaya kharakteristika ubiystva, sovershennogo s tsel'yu skryt' drugoe prestuplenie libo oblegchit' ego sovershenie (p. "k" ch. 2 st. 105 UK RF) [Criminal legal description of the murder committed to conceal another crime or facilitating its commission (par. "k" Part 2 of Art. 105 of the Criminal Code)]. *Siberian Law Herald*, no. 3, pp. 123–130. (In Russ.).

12. Tydykova, N.V. (2013) Problemy kvalifikatsii nasil'stvennykh polovyykh prestupleniy, soprovozhdayushchikhsya soversheniem inyykh prestupleniy protiv lichnosti [Qualification problems of violent sexual crimes committed with other crimes against person]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2-2, pp. 129–133. (In Russ.). doi: 10.14258/izvasu(2013)2.2-29.

Информация об авторах

А.С. Климов — заведующий кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

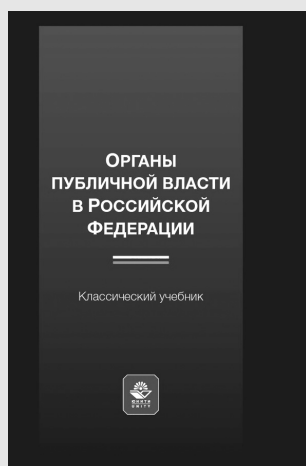
С.Н. Хорьяков — ректор Луганской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Information about the authors

A.S. Klimov – Head of the Department of Criminal Law, Procedure and Forensic Science of the Lipetsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Law, Associate Professor;

S.N. Khoryakov – Rector of the Lugansk academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor, Colonel of Justice.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Органы публичной власти в Российской Федерации: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / под науч. ред. Б.С. Эбзеева, К.К. Гасанова; под общ. ред. Л.Т. Чихладзе, Т.Э. Каллагова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2025. — 367 с. — (Серия «Классический учебник»).

ISBN 978-5-238-04019-6

Учебник подготовлен с учетом изменений, внесенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 г. и в законодательство Российской Федерации в связи с конституционной и муниципальной реформой.

Дан анализ сложных юридических конструкций «публичная власть», «единая публичная власть». Рассмотрены структурные элементы единой публичной власти, их взаимодействие, цели, задачи. Показаны изменения правового статуса органов публичной власти.

Для студентов вузов, слушателей, курсантов, магистрантов и аспирантов, обучающихся по направлению «Юриспруденция».

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 1. С. 58—63.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026, no. 1, pp. 58–63.

УДК 343.611.1
doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.006

NIION: 2015-0065-01/26-364
MOSURED: 77/27-010-2026-01-563

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии: ошибки квалификации (по материалам судебной практики)

Сергей Александрович Яшков

Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева
(Екатеринбургский филиал), Екатеринбург, Россия, jasa79@rambler.ru

Аннотация. В статье освещаются проблемы, которые возникают у правоприменителя при расследовании, а также рассмотрении уголовных дел, связанных с убийством малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии.

Автор указывает, что с конца сентября 2009 года малолетний «выведен» законодателем в отдельную категорию потерпевших, в связи с чем в настоящее время правоприменителю при уголовно-правовой оценке действий виновных, связанных с причинением смерти малолетним, не следует вменять одновременно признаки «малолетний» и «находящийся в беспомощном состоянии». Приводится практика, свидетельствующая о том, что подобные случаи имеют место на уровне следствия, судов первой и даже апелляционной инстанций.

В статье анализируется также уголовно-правовая оценка действий виновного по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ в том случае, если он своими действиями привел потерпевшего в беспомощное состояние. Автором указывается, что такие действия следует признавать способом совершения убийства и признаком «лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии», вменять нельзя. Однако на примере судебной практики автор показывает, что не все случаи доведения потерпевшего до беспомощного состояния исключают признание состояния потерпевшего беспомощным в том смысле, в котором это понимает уголовный закон в п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Ключевые слова: убийство, умысел, неосторожность, малолетний, беспомощное состояние, бессознательное состояние, квалифицирующий признак.

Для цитирования: Яшков С.А. Убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии: ошибки квалификации (по материалам судебной практики) // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 1. С. 58—63. doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.006.

Murder of a minor or other person known to the perpetrator to be in a helpless state: errors in qualification (based on judicial practice)

Sergey A. Yashkov

Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee (Ekaterinburg branch),
Ekaterinburg, Russia, jasa79@rambler.ru

Abstract. The article highlights the problems that law enforcement officers face when investigating and considering criminal cases involving the murder of a minor or other person who is known to the perpetrator to be in a helpless state.

The author points out that since the end of September 2009, minors have been classified by the legislator as a separate category of victims, in connection with which, at present, law enforcement officers, when conducting a criminal-legal assessment of the actions of the guilty, related to causing death to minors, one should not simultaneously impute the characteristics of “minor” and “being in a helpless state”. The author cites practice showing that such cases occur at the level of investigation, courts of first instance, and even appellate courts.

The article also analyzes the criminal-legal assessment of the actions of the perpetrator under paragraph “c” of Part 2 of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation in the event that his actions reduced the victim to a helpless state. The author points out that such actions should be recognized as a method of committing murder and the characteristic of “a person who is obviously in a helpless state” cannot be imputed. However, using judicial practice as an example, the author shows that not all cases of bringing the victim to a helpless state exclude the recognition of the victim's state as helpless in the sense understood by the criminal law in paragraph “c” of Part 2 of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: murder, intent, negligence, minor, helpless state, unconscious state, qualifying feature.

For citation: Yashkov, S.A. (2026) Murder of a minor or other person known to the perpetrator to be in a helpless state: errors in qualification (based on judicial practice). *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 1, pp. 58–63. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.006.

Жизнь является главным охраняемым благом¹, самым дорогим и в то же время самым хрупким подарком природы².

Конституция Российской Федерации гласит, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Жизнь является высшим благом, которым каждый человек наделяется с рождения, и представляет собой основополагающую социальную ценность. Утрата жизни невозможна и необратима, она не поддается восстановлению³, поэтому преступления против нее находятся в центре неослабевающего внимания практикующих юристов, участвующих в раскрытии и расследовании убийств, судебном рассмотрении уголовных дел о них, а также ученых, в частности специалистов в области уголовного права, исследующих проблемы квалификации умышленного лишения человека жизни⁴.

По данной проблеме есть множество научных статей, имеется большой практический опыт, но она не теряет актуальности в настоящее время⁵.

Предметом данного исследования являются ошибки, которые могут быть допущены правоприменителем при квалификации, расследовании и рассмотрении убийств, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, устанавливающим ответственность за лишение жизни малолетнего или иного лица, находящегося в беспомощном состоянии.

Преступления, совершаемые против малолетних и других лиц, находящихся в состоянии беспомощности, всегда находились в фокусе внимания отечественного законодателя⁶. На сегодняшний день проблема квалификации данных преступлений является одной из самых острых, причем имеет большое практическое значение⁷.

В комплексе уголовно-правовых проблем одно из направлений уголовно-правовой охраны — вопросы защиты жизни и здоровья наиболее незащищенных и уязвимых для преступлений лиц — малолетних⁸. Убийство является одним из самых безнравственных поступков, а убийство малолетнего — наиболее аморальный и вопиющий поступок⁹.

Повышенная общественная опасность рассматриваемого убийства заключается в том, что потерпевший в силу физического или психического состояния не способен защитить себя, оказать активное сопротивление виновному¹⁰.

При квалификации такого деяния правоприменителю следует помнить, что с 30.09.2009¹¹ малолетний был «выведен» законодателем в отдельную категорию потерпевших, в связи с чем не следует указывать, что он является не только малолетним, но и находящимся в беспомощном состоянии, однако практика показывает обратное.

¹ Варданян Ц.К. Проблемы судебного толкования и квалификации квалифицированных видов убийств // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 21. С. 1053.

² Бычков С.Н. Убийство малолетнего или иного лица, находящегося в беспомощном состоянии: особенности толкования и правоприменения в контексте обеспечения безопасности личности // Уголовная политика и правоприменительная практика: сборник научных статей по результатам работы Всероссийской научно-практической конференции (1 ноября 2024 г.). Санкт-Петербург, 2025. С. 141.

³ Бардадим А.П., Хорунжая А.Н. Особенности квалификации «простого» убийства // Проблемы и перспективы развития России: Молодежный взгляд в будущее: сборник научных статей 2-й Всероссийской научной конференции (17—18 октября 2019 года): в 4 т. Т. 2. Курск, 2019. С. 158.

⁴ Савельева В.С. Некоторые актуальные вопросы теории и практики квалификации убийства, совершенного при отягчающих обстоятельствах // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 3 (8). С. 192.

⁵ Большаков В.С. Квалификация неоконченного убийства двух или более лиц // Теория права и межгосударственных отношений. 2022. Т. 2, № 4 (24). С. 30.

⁶ Мехренин Г.А. Эволюция законодательства об уголовной ответственности за убийство малолетнего или иного лица, находящегося в беспомощном состоянии, а равно сопряженное с похищением человека // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 35. С. 2105.

⁷ Галкина А.А. О квалификации убийства лица, находящегося в беспомощном состоянии // Интеллектуальный потенциал XXI века: материалы Международной научно-практической конференции (София, Болгария, 17 мая 2018 года) / под общ. ред. А.И. Вострецова. Нефтекамск, 2018. С. 150.

⁸ Позднякова А.Р. Соотношение понятий «новорожденный», «малолетний» и «беспомощный» в преступлениях против жизни и здоровья // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2021. № 4. С. 86.

⁹ Кукузеева А.В., Мустафина В.А. Вопросы квалификации убийства малолетнего // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. 2019. № 15. С. 196.

¹⁰ Бурлыко В.В. Убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии: вопросы квалификации // Актуальные вопросы юриспруденции: сборник статей XIII Международной научно-практической конференции (Пенза, 5 ноября 2022 г.). Пенза, 2022. С. 81.

¹¹ Федеральный закон от 27.07.2009 № 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

Например, областным судом в 2023 году Ч. была осуждена за убийство своего малолетнего внука, который к ней «в гости» был привезен его отцом — старшим сыном Ч. — и оставлен на ночь.

В ходе распития спиртных напитков (бутылки водки объемом 0,5 л) Ч., находясь в состоянии алкогольного опьянения, из окна кухни с пятого этажа выбросила малолетнего внука. Одет он был только в майку и памперс. На улице было минус 6—10 градусов по Цельсию. Мальчик умер не от падения, а от переохлаждения (он смог встать на ноги и обойти дом, замерзнув под балконом дома).

Судя по приговору, органами следствия Ч. вменялось убийство малолетнего, заведомо находящегося в беспомощном состоянии.

Рассмотрев уголовное дело по существу, суд признал правильной данную квалификацию, признав Ч. виновной в убийстве малолетнего, заведомо находящегося в беспомощном состоянии. Данное состояние судом было объяснено возрастом потерпевшего и, как следствие, его неспособностью оказать сопротивление, защитить себя, в том числе принять меры к своему спасению, находясь определенное время на морозе¹².

В апелляционном порядке приговор был изменен. Судебная коллегия указала, что согласно п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ установлена ответственность за убийство малолетнего и иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. При этом по смыслу уголовного закона малолетнее лицо находится в беспомощном состоянии в силу своего возраста, что исключает дополнительную квалификацию действий виновного по указанному квалифицирующему признаку¹³.

В другом случае областным судом в 2021 году С. была осуждена за убийство своего годовалого сына. Как и в предыдущем примере, ей было вменено убийство малолетнего, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии.

В апелляционном порядке приговор был оставлен в силе. Более того, в нем было указано, что виновность С. в убийстве потерпевшего, в силу малолетнего возраста находящегося в бес-

помощном состоянии, полностью подтверждается приговором суда первой инстанции¹⁴.

Как видно, в отличие от ранее приведенного примера, суд апелляционной инстанции не обратил внимания на то, что признаки «малолетний» и «находящийся в беспомощном состоянии» являются взаимоисключающими и вместе быть вмененными не могут.

Адвокат С. в кассационной жалобе указал на неправильность юридической оценки действий С., связанную с одновременным вменением последней двух признаков убийства, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, — малолетний возраст и нахождение потерпевшего в беспомощном состоянии.

Верховный Суд РФ, проверив материалы дела, согласился с доводами защитника С., указав, что согласно уголовному закону малолетний находится в беспомощном состоянии в силу возраста, что исключает квалификацию действий виновного по квалифицирующему признаку «убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии»¹⁵.

Следующей ошибкой при применении п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, которая может допускаться на практике, является оценка действий виновных, связанных с признанием убийства лица, находящегося в беспомощном состоянии, когда до такого состояния потерпевшего довел сам виновный.

Думается, что в данном случае на практике проблем при квалификации не должно возникать, поскольку всем известно, что доведение потерпевшего до беспомощного состояния является способом совершения преступления, в том числе убийства, но никак не использованием его беспомощного состояния, пусть он действиями виновного и был в него приведен.

Например, между Г. и его матерью Р. произошла ссора. В результате Г. нанес ей множественные удары руками и ногами по различным частям тела. Избивал он ее до тех пор, пока она не потеряла сознание. После этого Г. нанес матери не менее трех ударов топором по голове, отчего она скончалась.

¹² Приговор Нижегородского областного суда от 20.03.2023 по делу № 2-6/2023 (УИД 52OS0000-02-2023-000001-47) // СПС КонсультантПлюс.

¹³ Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 22.05.2023 № 55-236/2023 (УИД 52OS0000-02-2023-000001-47) // СПС КонсультантПлюс.

¹⁴ Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 31.08.2021 № 55-437/2021 (УИД 74OS0000-01-2019-000444-94) // СПС КонсультантПлюс.

¹⁵ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2022 № 48-УД21-45-А2 // СПС КонсультантПлюс.

Суд первой инстанции квалифицировал действия Г. как убийство лица, находящегося в беспомощном состоянии, мотивировав тем, что потерпевшая от ударов подсудимого потеряла сознание, а следовательно, в момент нанесения ей смертельных ударов находилась в беспомощном состоянии.

Верховный Суд РФ переквалифицировал действия Г. на ч. 1 ст. 105 УК РФ, указав, что приведение потерпевшей в бессознательное состояние действиями самого виновного в процессе лишения жизни не может рассматриваться как совершение убийства с использованием беспомощного состояния потерпевшей¹⁶.

В другом случае осужденные нанесли потерпевшему не менее 16 ударов по голове и другим частям тела, от которых он потерял сознание, а потом бросили его лицом в воду в болото. Потерпевший скончался от утопления.

Исключая из осуждения виновных п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, Президиум Верховного Суда РФ указал, что осужденные избивали потерпевшего не для приведения его в беспомощное состояние, а с целью убийства¹⁷.

Еще в одном примере группа лиц, требуя от потерпевшего денежные средства и получив от него отказ, сначала избила его, причинив тяжкий вред здоровью, а потом с целью убийства один из группы ударил потерпевшего ножом, отчего последний скончался.

Президиум Верховного Суда РФ из приговора осужденного исключил п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, указав, что избивание потерпевшего было совершено в процессе осуществления умысла на убийство, а не для приведения его в беспомощное состояние¹⁸.

Вместе с тем практика показывает, что не во всех случаях доведение потерпевшего виновным до бессознательного состояния исключает вменение признака «лица, находящегося в беспомощном состоянии».

¹⁶ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2011 года: утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 07.12.2011 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁷ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 1998 года: утвержден постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 19 апреля 1999 г. // СПС КонсультантПлюс.

¹⁸ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 1999 года: утвержден постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 9 июня 1999 г. // СПС КонсультантПлюс.

Например, областным судом в 2022 году Б. был осужден по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Так, он в темное время суток, управляя автомобилем «Тойота Рав 4», сбил несовершеннолетнюю, двигавшуюся вдоль проезжей части. От удара о машину последняя потеряла сознание. Испугавшись и не желая нести ответственность, Б. нанес ей неуставленным колюще-режущим орудием не менее 5 ударов в шею и скрылся с места происшествия. От полученных ран потерпевшая скончалась.

Судя по приговору, следствие вменяло Б. убийство лица, находящегося в беспомощном состоянии, хотя его адвокат, по всей видимости, настаивал на том, что приведение потерпевшего в беспомощное состояние не признается убийством лица, находящегося в беспомощном состоянии. При этом защитник ссылался на разъяснения Верховного Суда РФ, изложенные в Обзоре судебной практики № (2018).

По всей вероятности, имеется в виду Обзор № 3 за 2018 год, в п. 1 которого приведен пример, согласно которому Б. совместно с иными лицами избивал Л. до тех пор, пока тот не потерял сознание. В дальнейшем, испугавшись, что он может сообщить об избивании в полицию, Б. и другие перенесли Л. в лес, после чего Б. передал одному из соучастников брючный ремень, которым последний задушил Л., все еще находящегося в бессознательном состоянии.

Судом первой инстанции Б. был осужден за пособничество в убийстве лица, находящегося в беспомощном состоянии. Суд кассационной инстанции оставил приговор без изменения, однако Президиум Верховного Суда РФ изменил судебные решения, указав, что приведение потерпевшего в беспомощное состояние перед убийством самим виновным не является основанием для квалификации его действий по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. В связи с этим квалификация по данному пункту уголовного закона была исключена¹⁹.

Вместе с тем суд в приговоре указал, что позицию стороны защиты, ссылающейся на Обзор судебной практики № (2018), он считает основанной на неправильном толковании УК РФ, поскольку им (судом) бесспорно было установлено, что потерпевшая была приведена подсудимым в беспомощное состояние не с целью убийства, а в результате неосторожных действий, связанных с совершением ДТП, что дает основание квалифицировать действия Б. как

¹⁹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018): утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018 // СПС КонсультантПлюс.

убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии²⁰.

В апелляционной жалобе адвокат Б. снова указал на то, что приведение потерпевшего в беспомощное состояние перед убийством самим виновным не дает оснований для квалификации его действий по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В ответ на данный довод суд апелляционной инстанции постановил, что аргументы защиты основаны на неверной трактовке закона. Также им было указано, что, учитывая факт получения потерпевшей телесных повреждений в результате наезда на нее автомобиля, а также полученной черепно-мозговой травмы, суд первой инстанции пришел к обоснованному выводу о наличии в действиях Б. признака «лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии»²¹.

В кассационной жалобе осужденный Б., как и ранее его адвокат, оспаривал вмененный ему признак «беспомощное состояние потерпевшего».

Верховный Суд РФ, оставляя судебные решения в силе, повторил позицию суда первой инстанции, указав, что потерпевшая была действительно приведена виновным в беспомощное состояние и, следовательно, находилась в нем, но сделано это было им не с целью убийства, а в результате ДТП. В этом случае есть все основания для квалификации его действий по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ²².

Представляется, что исследованные в данной работе примеры судебной практики квалификации и рассмотрения уголовных дел об убийствах малолетних или иных лиц, заведомо находящихся для виновного в беспомощном состоянии, иллюстрируют, что органами как следствия, так и суда допускаются ошибки, на что следует обратить пристальное внимание в целях обеспечения справедливости и законности при рассмотрении уголовных дел.

Список литературы

1. Бардадим А.П., Хорунжая А.Н. Особенности квалификации «простого» убийства // Проблемы и перспективы развития России:

²⁰ Приговор Самарского областного суда от 02.06.2022 № 2-21/2022 // СПС КонсультантПлюс.

²¹ Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 30.08.2022 № 55-420/2022 (УИД 63OS0000-01-2022-000164-93) // СПС КонсультантПлюс.

²² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 04.05.2023 № 46-УД23-16-А4 // СПС КонсультантПлюс.

Молодежный взгляд в будущее: сборник научных статей 2-й Всероссийской научной конференции (17—18 октября 2019 года): в 4 т. Т. 2. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. С. 158—160.

2. Большаков В.С. Квалификация неоконченного убийства двух или более лиц // Теория права и межгосударственных отношений. 2022. Т. 2, № 4 (24). С. 30—36.

3. Бурлыко В.В. Убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии: вопросы квалификации // Актуальные вопросы юриспруденции: сборник статей XIII Международной научно-практической конференции (Пенза, 5 ноября 2022 г.). Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2022. С. 80—83.

4. Бычков С.Н. Убийство малолетнего или иного лица, находящегося в беспомощном состоянии: особенности толкования и правоприменения в контексте обеспечения безопасности личности // Уголовная политика и правоприменительная практика: сборник научных статей по результатам работы Всероссийской научно-практической конференции (1 ноября 2024 г.). Санкт-Петербург: Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, 2025. С. 141—147.

5. Варданян Ц.К. Проблемы судебного толкования и квалификации квалифицированных видов убийств // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 21. С. 1053—1065.

6. Галкина А.А. О квалификации убийства лица, находящегося в беспомощном состоянии // Интеллектуальный потенциал XXI века: материалы Международной научно-практической конференции (София, Болгария, 17 мая 2018 года) / под общ. ред. А.И. Вострецова. Нефтекамск: Научно-издательский центр «Мир науки», 2018. С. 150—156.

7. Кукузеева А.В., Мустафина В.А. Вопросы квалификации убийства малолетнего // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. 2019. № 15. С. 195—198.

8. Мехренин Г.А. Эволюция законодательства об уголовной ответственности за убийство малолетнего или иного лица, находящегося в беспомощном состоянии, а равно сопряженное с похищением человека // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 35. С. 2105—2110.

9. Позднякова А.Р. Соотношение понятий «новорожденный», «малолетний» и «беспомощный» в преступлениях против жизни и здоровья // Вестник Белгородского юридического

института МВД России имени И.Д. Путилина. 2021. № 4. С. 85—88.

10. Савельева В.С. Некоторые актуальные вопросы теории и практики квалификации убийства, совершенного при отягчающих обстоятельствах // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 3 (8). С. 192—200.

References

1. Bardadim, A.P., Khorunzhaya, A.N. (2019) Osobennosti kvalifikatsii “prostogo” ubiystva [The specifics of qualifying a “simple” murder]. In: *Problemy i perspektivy razvitiya Rossii: Molodezhnyy vzglyad v budushchee. Sbornik nauchnykh statey 2 Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, October 17—18, 2019. Vol. 2.* Kursk, South West State University, pp. 158—160. (In Russ.).

2. Bol'shakov, V.S. (2022) Kvalifikatsiya neokonchennogo ubiystva dvukh ili bolee lits [Qualification of the unfinished murders of two or more persons]. *Teoriya prava i mezhdgosudarstvennykh otnosheniy*, vol. 2, no. 4, pp. 30—36. (In Russ.).

3. Burlyko, V.V. (2022) Ubiystvo maloletnego ili inogo litsa, zavedomo dlya vinovnogo nahodyashchegosya v bespomoshchnom sostoyanii: voprosy kvalifikatsii [The murder of a minor or another person, obviously for the guilty, who is in a helpless state: qualification questions]. In: *Aktual'nye voprosy yurisprudentsii. Sbornik statey XIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, November 5, 2022.* Penza, pp. 80—83. (In Russ.).

4. Bychkov, S.N. (2025) Ubiystvo maloletnego ili inogo litsa, nakhodyashchegosya v bespomoshchnom sostoyanii: osobennosti tolkovaniya i pravoprimeneniya v kontekste obespecheniya bezopasnosti lichnosti [Murder of a minor or other person in a helpless state: peculiarities of interpretation and law enforcement in the context of ensuring personal security]. In: *Ugolovnaya politika i pravoprimenitel'naya praktika. Sbornik nauchnykh statey po rezul'tatam raboty Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, November 1, 2024.* Saint Petersburg, North-Western Branch of the Russian State University of Justice, pp. 141—147. (In Russ.).

5. Vardanyan, Ts.K. (2020) Problemy sudebnogo tolkovaniya i kvalifikatsii kvalifitsirovannykh vidov ubiystv [Problems of judicial interpretation and qualification of qualified types of murders]. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*, no. 21, pp. 1053—1065. (In Russ.).

6. Galkina, A.A. (2018) O kvalifikatsii ubiystva litsa, nakhodyashchegosya v bespomoshchnom sostoyanii [On the qualification of killing a person in a helpless state]. In: Vostretsov, A.I. (ed.) *Intellectual'nyy potentsial XXI veka. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sofia, Bulgaria, May 17, 2018.* Neftekamsk, World of Science, pp. 150—156. (In Russ.).

7. Kukuseeva, A.V., Mustafina, V.A. (2019) Voprosy kvalifikatsii ubiystva maloletnego [Questions qualifying the killing of a minor]. *Nauchno-obrazovatel'nyy potentsial molodezhi v reshenii aktual'nykh problem XXI veka*, no. 15, pp. 195—198. (In Russ.).

8. Mekhrenin, G.A. (2021) Evolyutsiya zakonodatel'stva ob ugolovnoy otvetstvennosti za ubiystvo maloletnego ili inogo litsa, nakhodyashchegosya v bespomoshchnom sostoyanii, a ravno sopryazhennoe s pokhishcheniem cheloveka [The evolution of legislation on criminal liability for the murder of a minor or other person in a helpless state, as well as related to kidnapping]. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*, no. 35, pp. 2105—2110. (In Russ.).

9. Pozdnyakova, A.R. (2021) Sootnoshenie ponyatiy “novorozhdennyy,” “maloletniy” i “bespomoshchnyy” v prestupleniyakh protiv zhizni i zdorov'ya [The ratio of the concepts of “newborn,” “juvenile” and “helpless” in crimes against life and health]. *Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*, no. 4, pp. 85—88. (In Russ.).

10. Savel'eva, V.S. (2008) Nekotorye aktual'nye voprosy teorii i praktiki kvalifikatsii ubiystva, sovershennogo pri otyagchayushchikh obstoyatel'stvakh [Some topical issues of theory and practice of qualification of murder committed under aggravating circumstances]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, no. 3 (8), pp. 192—200. (In Russ.).

Информация об авторе

С.А. Яшков — доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S.A. Yashkov — Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of the Ekaterinburg branch of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Candidate of Law, Associate Professor.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 1. С. 64—68.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026, no. 1, pp. 64–68.

УДК 343.14 + 343.985
doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.007

NIION: 2015-0065-01/26-365
MOSURED: 77/27-010-2026-01-564

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Актуальные вопросы допустимости доказательств, полученных на основании результатов оперативно-разыскной деятельности

Алексей Дмитриевич Абрамкин

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета
правосудия им. В.М. Лебедева, Краснодар, Россия, Aleksei_94@list.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме допустимости доказательств, происходящих из результатов оперативно-разыскной деятельности, в контексте коллизии между Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации и Федеральным законом № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности». Анализируются мнения различных ученых по поводу термина «допустимость». Показано, что трансформация негласно собранной информации в доказательство требует прохождения «двойного фильтра». Уточняются критерии допустимости (законность способа и субъекта получения, относимость, достоверность, проверяемость). Аргументируется необходимость унификации приказа о представлении результатов оперативно-разыскной деятельности с нормами УПК РФ, выработки единых судебных стандартов оценки и закрепления доказательств, полученных в результате проведения оперативно-разыскных мероприятий.

Ключевые слова: предварительное расследование, допустимость доказательств, оперативно-разыскная деятельность, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, правоохранительные органы, уголовное судопроизводство.

Для цитирования: Абрамкин А.Д. Актуальные вопросы допустимости доказательств, полученных на основании результатов оперативно-разыскной деятельности // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 1. С. 64—68. doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.007.

Current issues of the admissibility of evidence obtained on the basis of the results of operational investigative activities

Aleksei D. Abramkin

North Caucasus Branch of the Lebedev Russian State University
of Justice, Krasnodar, Russia, Aleksei_94@list.ru

Abstract. The article is devoted to the issue of the admissibility of evidence derived from the results of operational investigative activities in the context of the conflict between the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Federal Law 144-FZ “On operational investigative activities.” The opinions of various scientists on the term “permissibility” are analyzed. It is shown that the transformation of secretly collected information into evidence requires passing a “double filter.” The criteria of admissibility are being clarified (legality of the method and subject of receipt, relevance, reliability, verifiability). The necessity of unifying the order on the presentation of the results of operational investigative activities with the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the development of uniform judicial standards for assessing and consolidating evidence obtained as a result of operational investigative measures is argued.

Keywords: preliminary investigation, admissibility of evidence, operational investigative activities, Criminal Procedure Code of the Russian Federation, law enforcement agencies, criminal proceedings.

For citation: Abramkin, A.D. (2026) Current issues of the admissibility of evidence obtained on the basis of the results of operational investigative activities. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 1, pp. 64—68. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.007.

Институт оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД) играет ключевую роль в выявлении и расследовании преступлений, однако представление сведений, полученных в рамках негласных мероприятий, в качестве доказательств вызывает значительные правовые и практические споры. Несмотря на закрепление в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации¹ (далее — УПК РФ) и Федеральном законе № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности»² (далее — ФЗ «Об ОРД») механизма преобразования сведений в доказательства, на практике судебные органы часто игнорируют или преуменьшают необходимость подтверждения законности таких материалов. Пленум Верховного Суда РФ неоднократно подчёркивал, что результаты ОРД сами по себе не являются доказательствами и требуют закрепления посредством следственных действий³.

Понятие допустимости доказательств является центральным в уголовном процессе и служит гарантией справедливости и законности правосудия. Согласно ст. 75 УПК РФ, недопустимыми признаются доказательства, полученные с нарушением закона. Эта норма формирует основу правового фильтра, через который пропускается информация, прежде чем она может обрести статус доказательства.

Допустимость доказательств означает соответствие процессуальной формы сбора, фиксации и представления сведений установленным нормам УПК РФ. В контексте ОРД эта формулировка приобретает особое значение, так как речь идёт о материалах, изначально собранных в условиях негласности.

Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» определяет, что результаты ОРД могут быть использованы в качестве повода и основания для возбуждения уголовного дела (ст. 11), а также представлены следователю, дознавателю или в суд при условии соблюдения формы и процедуры, установленной инструкцией и законом. Однако сам по себе факт получения све-

дений в рамках ОРД не придаёт им автоматически доказательственной силы⁴.

Профессор Н.П. Яблоков подчеркивает, что допустимость — это не просто формальное соответствие, а подтверждение легитимности источника и процедуры получения⁵. Н.Р. Курносов указывает, что допустимость особенно критична при трансформации сведений ОРД в процессуально допустимые доказательства. Не всякая информация, собранная в рамках оперативно-разыскных мероприятий, допустима, необходимо её удостоверение в рамках следственных действий⁶.

Профессор А.Р. Шляхов отмечает, что правовая природа ОРД как негласной деятельности вступает в противоречие с принципами состязательности и гласности, что порождает системный риск нарушения прав обвиняемого. В связи с этим допустимость доказательств, происходящих из ОРД, требует более строгой процессуальной проверки⁷.

В то же время профессор О.Я. Баев предлагает функциональный подход: он считает, что, если информация достоверна, получена добросовестно и проверяема в суде, она может быть признана допустимой даже при незначительных нарушениях формы⁸.

Таким образом, допустимость доказательств, полученных на основании результатов ОРД, находится на пересечении формального и функционального подходов — между строгим следованием букве закона и необходимостью учёта целей правосудия.

Правовое регулирование допустимости результатов оперативно-разыскной деятельности как доказательств основывается на ряде нормативных актов. Ключевыми из них являются ФЗ

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

² Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33, ст. 3349.

³ Васильченко Е.В. Результаты оперативно-разыскной деятельности как доказательство в уголовном процессе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 9. С. 148—154.

⁴ Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-разыскной деятельности: монография. М., 2024.

⁵ Яблоков Н.П. Криминалистические основы оперативно-разыскной деятельности // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2009. № 3. С. 43—60.

⁶ Курносов Н.Р. Использование результатов оперативно-разыскной деятельности как источника доказательств по преступлениям коррупционной направленности // Вестник науки. 2024. Т. 1, № 11 (80). С. 412—417.

⁷ Шляхов А.Р. Заключение эксперта-криминалиста. М., 1972.

⁸ Баев О.Я. Посягательства на доказательственную информацию и доказательства в уголовном судопроизводстве // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2009. № 2. С. 363—373.

«Об ОРД» и приказ МВД России №/ 776, Минобороны России №/ 703, ФСБ России №/ 509 и др. от 27 сентября 2013 г. «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд»⁹.

Статья 11 закона определяет, что результаты ОРД могут быть представлены только в рамках установленных процедур и при этом не могут быть использованы в качестве доказательств, если получены с нарушением федерального законодательства. Это положение прямо коррелирует с принципом допустимости, закреплённым в ст. 75 УПК РФ.

Формулировка закона создаёт своего рода «двойной фильтр»: во-первых, результат ОРД должен быть документально подтверждён, во-вторых, оформлен в надлежащей процессуальной форме (например, в виде протокола следственного действия, к которому приложены материалы оперативно-разыскных мероприятий). Таким образом, фактически речь идёт о трансформации негласной информации в открытое доказательство.

Инструкция, утверждённая совместным приказом силовых ведомств, устанавливает чёткий регламент взаимодействия между оперативными подразделениями и органами уголовного преследования. В ней указывается, что:

- результаты ОРД должны быть оформлены в виде официального документа (справки, акта, рапорта);
- такой документ приобщается к материалам дела через процессуальное действие следователя или дознавателя;
- при передаче в суд требуется указание источника, обоснования, даты, времени и места получения сведений.

Инструкция предусматривает, что передача материалов ОРД должна быть инициирована органом ОРД по собственной инициативе или по запросу следствия. Таким образом, доказательства не могут возникнуть произвольно: они подчинены строго формализованной логике.

Однако имеются проблемы нормативного характера:

- Инструкция носит подзаконный характер и не имеет статуса федерального закона, что делает её уязвимой в случае правового конфликта с УПК РФ;
- ФЗ «Об ОРД» не содержит исчерпывающего перечня требований к форме и содержанию материалов ОРД, что оставляет значительную дискретность на усмотрение оперативных подразделений;
- не унифицированы подходы к оценке законности при передаче результатов ОРД.

Таким образом, даже при наличии нормативной регламентации остаются «серые зоны» допустимости, которые становятся источником конфликтов в судебной практике.

Вопрос допустимости доказательств, полученных в ходе ОРД, находится на стыке двух различных нормативных актов: ФЗ «Об ОРД» и УПК РФ. Несмотря на наличие механизмов интеграции результатов ОРД в уголовное судопроизводство, между этими нормативными актами сохраняются существенные противоречия. УПК РФ ориентирован на гласное, состязательное и публичное правосудие, где приоритетом является защита прав и свобод участников процесса, в то время как ОРД носит негласный характер, ФЗ «Об ОРД» направлен в первую очередь на предупреждение и пресечение преступлений. Это различие приводит к конфликту: доказательства, полученные в условиях негласности, должны быть использованы в открытом и прозрачном судопроизводстве. Таким образом, «переход» сведений из одного правового режима в другой всегда сопряжён с риском нарушения допустимости.

Статья 86 УПК РФ определяет исчерпывающий перечень субъектов, уполномоченных собирать доказательства. В число таких субъектов оперативные сотрудники не включены, они могут лишь представлять информацию, которая становится доказательством только после её процессуального закрепления. ФЗ «Об ОРД» в ст. 11 допускает передачу результатов ОРД напрямую следователю, дознавателю или в суд. Таким образом, возникает ситуация, при которой лицо, не обладающее процессуальным статусом субъекта доказывания по УПК РФ, фактически становится инициатором появления доказательства.

Ни в УПК РФ, ни в ФЗ «Об ОРД» не содержится чёткой процедуры, описывающей, каким образом сведения, полученные в рамках оперативно-разыскных мероприятий, должны быть процессуализированы для их допустимости. Отсутствие единого порядка порождает неодно-

⁹ Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» // СПС КонсультантПлюс.

родность практики: одни суды требуют протокол следственного действия, в котором использованы материалы ОРД (например, осмотр предмета, на который указывало оперативно-разыскное мероприятие), другие ограничиваются наличием рапорта или справки, оформленных оперативным сотрудником.

В ряде случаев суд требует раскрытия личности конфиденциального сотрудника или засекреченного свидетеля, что противоречит принципу конфиденциальности, закреплённому в ФЗ «Об ОРД». В результате возможны утечки информации, подрывающие эффективность оперативной работы и ставящие под угрозу безопасность лиц, сотрудничающих с правоохранительными органами.

Противоречия между УПК РФ и ФЗ «Об ОРД» касаются как статуса субъектов, так и процедурных механизмов. Они требуют либо унификации норм, либо выработки устойчивой судебной практики, способной обеспечить баланс между эффективностью расследования и соблюдением процессуальных гарантий.

Судебная практика Российской Федерации демонстрирует высокую чувствительность к вопросам допустимости доказательств, сформированных на основании результатов ОРД. Анализ решений судов общей юрисдикции, а также апелляционных и кассационных инстанций позволяет выделить несколько устойчивых подходов и проблемных точек. Допустимость доказательств, полученных в рамках ОРД, представляет собой одну из наиболее чувствительных и противоречивых тем уголовного судопроизводства. Проведённый анализ показал, что данная проблема носит комплексный характер и затрагивает сразу несколько уровней: нормативно-правовой, практический и методологический¹⁰.

Существующие противоречия между УПК РФ и ФЗ «Об ОРД» создают правовую неопределённость, способную повлечь за собой признание доказательств недопустимыми. Наиболее остро эти проблемы проявляются в судебной практике, суды нередко сталкиваются с необходимостью исключать из разбирательства результаты ОРД по формальным основаниям¹¹.

¹⁰ Светличный А.А. Место и роль терминологии теории оперативно-разыскной деятельности в системе терминологического аппарата процесса расследования и раскрытия преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4. С. 247—258.

¹¹ Конев А.Н. Легализация результатов оперативно-разыскной деятельности (теория, практика, техника) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 3 (16). С. 8—14.

Таким образом, обеспечение допустимости доказательств, полученных в рамках ОРД, требует системных усилий. Только последовательное устранение нормативных пробелов, развитие единообразной судебной практики и формирование надёжных процессуальных механизмов интеграции результатов ОРД позволит соблюсти права участников уголовного судопроизводства и обеспечить эффективность правоприменения.

Список литературы

1. Баев О.Я. Посягательства на доказательственную информацию и доказательства в уголовном судопроизводстве // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2009. № 2. С. 363—373.
2. Васильченко Е.В. Результаты оперативно-разыскной деятельности как доказательство в уголовном процессе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 9. С. 148—154.
3. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-разыскной деятельности: монография. М.: Проспект, 2024. 376 с.
4. Конев А.Н. Легализация результатов оперативно-разыскной деятельности (теория, практика, техника) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 3 (16). С. 8—14.
5. Курносов Н.Р. Использование результатов оперативно-разыскной деятельности как источника доказательств по преступлениям коррупционной направленности // Вестник науки. 2024. Т. 1, № 11 (80). С. 412—417.
6. Светличный А.А. Место и роль терминологии теории оперативно-разыскной деятельности в системе терминологического аппарата процесса расследования и раскрытия преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4. С. 247—258. doi: 10.55001/2312-3184.2022.19.53.024.
7. Шляхов А.Р. Заключение эксперта-криминалиста. М.: Издательство Всесоюзного научно-исследовательского института судебных экспертиз, 1972. 83 с.
8. Яблоков Н.П. Криминалистические основы оперативно-разыскной деятельности // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2009. № 3. С. 43—60.

References

1. Baev, O.Ya. (2009) Posyagatel'stva na dokazatel'stvennyuyu informatsiyu i dokazatel'stva v ugolovnom sudoproizvodstve [Encroachments on

the evidentiary information and proofs in criminal legal proceedings]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, no. 2, pp. 363–373. (In Russ.).

2. Vasilchenko, E.V. (2009) Rezul'taty operativno-razysknoy deyatel'nosti kak dokazatel'stvo v ugolovnom protsesse [Results of operational and investigative activities as evidence in criminal proceedings]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 9, pp. 148–154. (In Russ.).

3. Dolya, E.A. (2024) Formirovanie dokazatel'stv na osnove rezul'tatov operativno-razysknoy deyatel'nosti [Formation of evidence based on the results of operational-search activities]. Monograph. Moscow, Prospekt, 376 p. (In Russ.).

4. Konev, A.N. (2011) Legalizatsiya rezul'tatov operativno-razysknoy deyatel'nosti (teoriya, praktika, tekhnika) [Legalization of the results of the operational investigation activities (theory, practice, techniques)]. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 3, pp. 8–14. (In Russ.).

5. Kurnosov, N.R. (2024) Ispol'zovanie rezul'tatov operativno-razysknoy deyatel'nosti kak

istochnika dokazatel'stv po prestupleniyam korrupcionnoy napravlenosti [Using results of operational search activities as source of evidence for corruption-related crimes]. *Vestnik nauki*, vol. 1, no. 11, pp. 412–417. (In Russ.).

6. Svetlichny, A.A. (2022) Mesto i rol' terminologii teorii operativno-razysknoy deyatel'nosti v sisteme terminologicheskogo apparata protsessa rassledovaniya i raskrytiya prestupleniy [The place and role of the terminology of the theory of operational search activities in the system of the terminological apparatus of the process of investigation and disclosure of crimes]. *Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 4, pp. 247–258. (In Russ.). doi: 10.55001/2312-3184.2022.19.53.024.

7. Shlyakhov, A.R. (1972) Zaklyuchenie eksperta-kriminalista [The conclusion of a forensic expert]. Moscow, Publishing House of the All-Union Scientific Research Institute of Forensic Examinations, 83 p. (In Russ.).

8. Yablokov, N.P. (2009) Kriminalisticheskie osnovy operativno-razysknoy deyatel'nosti [Criminalistic foundations of investigation activities]. *Lomonosov Law Journal*, no. 3, pp. 43–60. (In Russ.).

Информация об авторе

А.Д. Абрамкин — старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, кандидат юридических наук.

Information about the author

A.D. Abramkin – Senior lecturer of the Department of Criminal Procedure Law and Forensics of the North Caucasus Branch of the Lebedev Russian State University of Justice, Candidate of Law.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 1. С. 69–77.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026, no. 1, pp. 69–77.

УДК 343.14 + 343.98
doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.008

NIION: 2015-0065-01/26-366
MOSURED: 77/27-010-2026-01-565

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Функции сведущих лиц и формы их реализации в судопроизводстве России

Елена Вячеславовна Иванова

Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия,
ivanova-elena-7@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2589-7726>

Аннотация. Основными функциями привлекаемых к участию в судопроизводстве лиц, обладающих специальными знаниями, являются консультирование, содействие правоприменителю и исследование. Исследовательская функция сведущих лиц реализуется в первую очередь в форме судебной экспертизы. Дискуссионным вопросом при этом является поисковая деятельность, которая не предусмотрена для эксперта и считается функцией специалиста. Показано, что решение поисковых задач в процессе экспертизы представляется более целесообразным, чем в рамках производства следственных действий с участием специалиста. Проанализировано соотношение исследования, проводимого специалистом в рамках консультационной деятельности, и экспертного исследования. Выделены виды консультационной деятельности сведущих лиц. Отмечены особенности использования специальных знаний следователем-криминалистом при оказании содействия в процессуальной деятельности и показаны их процессуальные формы.

Ключевые слова: сведущее лицо, эксперт, специалист, следователь-криминалист, функции, процессуальные формы.

Для цитирования: Иванова Е.В. Функции сведущих лиц и формы их реализации в судопроизводстве России // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 1. С. 69–77. doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.008.

The knowledgeable persons functions and their implementation in Russian legal proceedings

Elena V. Ivanova

Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee,
Moscow, Russia, ivanova-elena-7@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2589-7726>

Abstract. The main functions of persons with special knowledge who are involved in legal proceedings are consulting, assisting the law enforcement officer, and conducting research. The research function of knowledgeable persons is primarily implemented in the form of forensic expertise. A controversial issue in forensic expertise is search activity, which is not provided for by the expert and is considered to be the function of a specialist. It is shown that solving search tasks during the examination process is more appropriate than during investigative actions involving a specialist. The article analyzes the relationship between research conducted by a specialist as part of their consulting activities and expert research. The types of specialist's consulting activities are highlighted. It highlights the specific features of the use of special knowledge by a forensic investigator in assisting with investigative activities and demonstrates their procedural forms.

Keywords: knowledgeable person, expert, specialist, forensic investigator, functions, procedural forms.

For citation: Ivanova, E.V. (2026) The knowledgeable persons functions and their implementation in Russian legal proceedings. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 1, pp. 69–77. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.008.

Специальные знания в судопроизводстве России используются давно. Еще Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (УУС) включал совокупность норм, регламентирующих участие в судопроизводстве сведущих людей¹. К сведущим людям причисляли врачей, фармацевтов, профессоров, учителей, техников, художников, ремесленников, казначеев и лиц, по какой-либо службе или части приобретших особенную опытность (ст. 326 УУС). Таких лиц, названных Л.М. Исаевой прообразом специалиста и эксперта², привлекали, если «для уразумения» требовались «специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии» (ст. 112, 325 УУС). Упоминались сведущие люди и в ст. 515 Устава гражданского судопроизводства³, где указано, что суд может потребовать заключение «сведущих людей о таком предмете, коего рассмотрение или оценка требует особых ученых, технических или хозяйственных сведений». Функции сведущих людей включали объяснения (см., например, ст. 578 УУС: «стороны могут просить о вызове в суд... сведущих людей для объяснения какого-либо предмета»), «осмотр или освидетельствование» (ст. 336 УУС). При этом «освидетельствование» в ряде статей предполагало «исследование» (см. ст. 342 УУС) и включало, например, осмотр поверхности мертвого тела, его углублений и отверстий, суставов, исследование целостности костей и состояния внутренних органов. На наличие функции исследования указывает и упоминание в УУС возможности проведения сведущими людьми «испытания» (ст. 578, 690, 692 и др.). Причем проведение исследований допускалось «не в месте судебного следствия» (ст. 691 УУС). Так, по делам о подделке монет и кредитных бумаг следователю предписывалось поддельные монеты и кредитные бумаги отсылать «на испытание: первые — в Департамент горных и соляных дел, а последние — в Экспедицию заготовления государственных бумаг» (ст. 1161). Таким образом, в Судебных уставах 1864 года был

заложен фундамент основных функций привлекаемых к участию в судопроизводстве лиц, обладающих специальными знаниями, — консультирование, содействие правоприменителю и исследование.

В настоящее время в нормативных правовых актах, регулирующих судопроизводство в Российской Федерации, понятие «сведущие люди» не встречается, а их основные функции реализуются разными субъектами. Идеи вернуться к обобщенному наименованию лиц, обладающих специальными знаниями и навыками, потребность в которых возникает в ходе расследования преступлений и судебных процессов, были высказаны в научных работах Е.А. Зайцевой⁴, Л.Г. Шапиро⁵, О.Г. Дьяконовой⁶, Л.В. Лазаревой⁷ и других ученых. Так, А.Ф. Халиуллина предлагает внести изменения и дополнения в УПК РФ — дополнить сведущим лицом используемые в Кодексе термины (ст. 6) и перечень иных участников уголовного судопроизводства, определив их правовой статус в отдельной статье⁸.

По мнению большинства ученых, к лицам, обладающим специальными знаниями, следует относить только эксперта и специалиста. Авторы в этом вопросе обращают внимание на процессуальную регламентацию указанных субъектов. В частности, Д.В. Зотов считает, что специальные знания являются в первую очередь элементом, определяющим процессуально-правовое положение только эксперта и специалис-

¹ Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // ГАРАНТ.РУ. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137> (дата обращения: 02.01.2026).

² Исаева Л.М. Зарождение экспертизы в российском уголовном судопроизводстве // Законность. 2004. № 3. С. 46—51.

³ Устав гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // КонсультантПлюс: Классика российского права. URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/115/308.html> (дата обращения: 02.01.2026).

⁴ Зайцева Е.А. Устарела ли категория «сведущие лица»? // Судебная экспертиза: российский и международный опыт: материалы III Международной научно-практической конференции, Волгоград, 27—28 апреля 2016 г. Волгоград, 2016. С. 60.

⁵ Шапиро Л.Г. Специальные знания в уголовном судопроизводстве и их использование при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 27.

⁶ Дьяконова О.Г. О регламентации сведущих лиц в процессуальном законодательстве // Актуальные проблемы процессуального и правового положения субъектов гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: сборник статей по материалам V Международной научно-практической конференции, 13 октября 2017 г. СПб, 2018. С. 139—147.

⁷ Лазарева Л.В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2011. С. 126.

⁸ Халиуллина А.Ф. Криминалистическое учение об использовании специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних: дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2025. С. 15—16.

та⁹. Т.В. Толстухина отмечает, что «применение субъектом „специальных“ знаний обусловлено законодательной потребностью получения доказательств с использованием специальных знаний... чего ни один из участников уголовного (как и любого другого) судопроизводства, кроме эксперта и специалиста, реализовать не может»¹⁰. Между тем как уголовный, так и гражданские процессы включают указание на ряд задач, решаемых с помощью обладающих специальными знаниями лиц, но выходящих за рамки процессуальных форм. Так, привлекаемый в соответствии со ст. 58 УПК РФ к участию в процессуальных действиях для постановки вопросов эксперту специалист реализует эту деятельность, как правило, в непроцессуальной форме. Производство документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, предусмотренных ст. 144 УПК РФ при проверке сообщения о преступлении, регламентируется не УПК РФ, а иными нормами, в частности Федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (исследование предметов и документов), Федеральным законом от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (документарная проверка), постановлением Правительства РФ от 17 августа 2020 г. № 1235 «Об утверждении федерального стандарта внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля „Проведение проверок, ревизий и обследований и оформление их результатов“» (ревизия) и т. д. Причем полученные результаты, оформляемые актами, справками, отчетами, зачастую приобщаются к материалам дел в качестве иных документов в уголовном процессе, письменных доказательств в гражданском судопроизводстве и т. д.

В настоящее время исследовательская функция сведущих лиц реализуется в первую очередь в форме судебной экспертизы. Основные признаки судебной экспертизы достаточно подробно рассмотрены учеными и определяются: 1) процессуальным статусом эксперта, 2) регламентированным порядком назначения и производства экспертизы и 3) доказательственным значением заключения эксперта. Однако наряду

с судебными экспертизами в материалах уголовных, гражданских, арбитражных дел фигурируют различные документы, связанные с исследованиями. Это исследования предметов и документов (называемые некоторыми авторами «предварительными исследованиями», «заключениями специалистов»¹¹ и др.), предусмотренные ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»; несудебные экспертизы, проводимые в целях обоснования гражданских и арбитражных исковых заявлений; различные исследования, не связанные с судопроизводством (например, ветеринарно-санитарные экспертизы, санитарно-эпидемиологические, экологические и другие исследования). Основной особенностью таких исследований является получение в результате непосредственного изучения объекта новых, неизвестных ранее эмпирических данных.

Несмотря на то, что нормативным требованием к судебной экспертизе является научная основа, экспертные и научные исследования имеют существенные различия. Научное исследование направлено на выявление новой закономерности, проверку научной гипотезы, являющейся предположением или догадкой, которая в смысле истинности носит вероятностный характер. Для проверки гипотезы в науке информация, получаемая в результате эмпирического познания, подвергается статистической обработке, многократно воспроизводится. Экспертное исследование, в отличие от научного, проводится на основе уже установленных закономерностей, существующего научного знания.

Один из дискуссионных вопросов судебной экспертизы касается поисковой деятельности, которая не предусмотрена для эксперта и считается функцией специалиста. Поиск экспертом следов или информации воспринимается рядом ученых и практиков как нарушение запрета самостоятельно собирать материалы для производства судебной экспертизы. Вместе с тем поисковые экспертные задачи широко распространены в практической деятельности (например, обнаружение следов на объекте-носителе).

Повсеместная цифровизация привела к ситуации, когда получение информации, имеющей значение для судопроизводства, может быть связано с необходимостью поиска среди больших массивов данных. Это зачастую требует

⁹ Зотов Д.В. Уголовно-процессуальное доказывание и научно-технические достижения: теоретические проблемы. Воронеж, 2005. С. 101.

¹⁰ Толстухина Т.В. К вопросу о субъектах применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Вестник экономической безопасности. 2022. № 5. С. 209.

¹¹ Волынский А.Ф. Криминалистическая деятельность в системе научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства // Юрист-Правовед. 2022. № 4 (103). С. 22—28.

большого количества времени, применения специальных средств и специализированного программного обеспечения. Задачи поиска элементов в однородных и разнородных массивах цифровых данных по различным критериям решаются, например, информационно-аналитической экспертизой¹². Думается, что формальное отношение поисковых задач к компетенции специалиста не отвечает потребностям практики и назрела необходимость признать возможность выполнения экспертом поисковых задач, решение которых связано с длительным исследованием и применением специального оборудования или программных средств.

Мнения ученых разделились и по вопросу, является ли исследование анализ сведущим лицом информации, представляемой сторонами, который в судопроизводстве часто осуществляется в форме заключения или консультации специалиста. Так, А.Ф. Халиуллина полагает, что высказать какие бы то ни было суждения «можно только при условии, если обладаешь некоей информацией по существу вопроса, которую неизбежно приходится... анализировать, а значит исследовать»¹³. Автор предлагает приравнять по статусу к «заключению эксперта» «заключение специалиста», которое станет результатом исследований, проведенных альтернативно для решения вопросов, поставленных любой из сторон уголовного судопроизводства¹⁴. Я.В. Комиссарова рассматривает возможность проведения специалистом исследований: а) при проверке научной обоснованности заключения эксперта; б) в случае необходимости уяснения вопроса из той области науки, техники, искусства или ремесла, по которой реализация программ высшего профессионального образования в России не предусмотрена; в) в ситуации востребованности знаний из сферы, которая ранее производством экспертиз охвачена не была¹⁵. Другие ученые считают, что заключение специалиста представляет собой суждение и не требует непосредственного исследования объекта.

Несомненно, для ответа на поставленные вопросы зачастую необходимо анализировать нормы, научные мнения и практику. Однако

особенностью такого исследования является то, что специалист при этом не взаимодействует непосредственно с объектом и применяет только теоретические методы: анализ, синтез, индукцию, дедукцию, логику, абстрагирование и т. д. Следует отметить, что эксперт при производстве экспертизы также использует эти методы, однако применяются они наряду с эмпирическими методами, которые направлены на непосредственное изучение объекта и выявление признаков. Существенное различие в методах исследования (теоретические и эмпирические) и результатах (получение эмпирических данных либо умозаключение) позволяет утверждать, что анализ сведущим лицом информации для ответа на поставленный вопрос не равнозначен экспертному исследованию и относится к консультационной функции.

Консультационная деятельность сведущего лица, именуемая еще «справочно-консультационной», традиционно считалась непроцессуальной¹⁶. В настоящее время эта концепция изменилась, и во многих научных публикациях авторами подчеркивается значение консультаций специалиста для судопроизводства, осуществляемых в том числе в процессуальных формах. К таким формам, как правило, относят: заключение специалиста, показания специалиста (ст. 80 УПК РФ), письменную и устную консультацию специалиста (ст. 188 ГПК РФ), устную консультацию специалиста (ст. 87.1 АПК РФ). При этом в некоторых публикациях авторы разделяют дачу разъяснений (пояснений) и консультаций¹⁷, справочную и консультационную деятельность¹⁸. Между тем понятие «консультация» (лат. *consultatio*, от *consultare* — советоваться, рассуждать) означает передачу информации и определяется как совет, рассуждение, дополнительная помощь¹⁹. Соответственно, термин «консультация» подразумевает и изложение извест-

¹⁶ См.: Шапиро Л.Г. Указ. соч. С. 27; Зинин А.М. Участие специалиста в процессуальных действиях: учебник. М., 2011.

¹⁷ См.: Дьяконова О.Г. Формы участия специалиста в судопроизводстве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 8 (24). С. 15—31.

¹⁸ См.: Поздняков М.А. Непроцессуальные формы участия сведущих лиц в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконной добычей (выловом) водных биологических ресурсов, совершенных с использованием иностранных морских судов // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 10 (71). С. 170—176.

¹⁹ Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов: около 25 000 слов и словосочетаний. М.: Русский язык, 1998.

¹² Типовая методика производства информационно-аналитической экспертизы / О.В. Тушканова, А.А. Зубков, А.Ю. Вавилин, М.А. Гудкова. М., 2023.

¹³ Халиуллина А.Ф. Указ. соч. С. 100.

¹⁴ Там же. С. 102.

¹⁵ Комиссарова Я.В. Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 310.

ной информации, и рассуждение, и рекомендацию. В связи с этим полагаем, что деятельность, включающую изложение сведущим лицом информации, ее разъяснение, а также обоснование мнения по тому или иному вопросу, следует именовать «консультационной», а не «справочно-консультационной».

Еще одной целью участия сведущих лиц в судопроизводстве является содействие правоприменителю. Содействие, согласно толковым словарям, означает помощь, поддержку в каком-нибудь деле, в какой-либо деятельности²⁰. Такая формулировка подчеркивает вспомогательную роль сведущего лица и функцию, производную от задачи правоприменителя. Содействие заключается, как правило, в применении технических средств и специальных навыков для достижения целей процессуального действия. При этом существует мнение, что эти функции следователь может выполнять сам, но медленнее и менее качественно, чем специалист²¹. В связи с этим возникает вопрос, являются ли специальными знания лица, помогающего следователю или суду решать поставленные перед ними задачи. Отмечая, что для собирания (обнаружения, фиксации и изъятия) вещественных доказательств криминалистические знания необходимы, Е.Р. Россинская подчеркивает связь между криминалистической техникой и институтом специальных знаний²². Однозначно на этот вопрос отвечает п. 61.1 Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России (далее Наставление), в котором указано, что руководитель экспертно-криминалистического подразделения не вправе направлять для участия в проведении процессуального действия сотрудника экспертно-криминалистического подразделения, не обладающего специальными познаниями в объеме, нужном для оказания необходимого содействия. Таким образом, можно констатировать, что рассмотренные нами функции содействия, исследования и консультирования связаны с деятельностью лиц, обладающих специальными знаниями.

Следует отметить, что существующая система форм применения специальных знаний сложилась на основе сформировавшейся в МВД России экспертно-криминалистической деятельности, заключающейся в наделении процессу-

альными полномочиями эксперта или специалиста сотрудников экспертно-криминалистических подразделений, занимающих должности экспертов. Так, в соответствии с Наставлением экспертно-криминалистическая деятельность заключается в осуществлении Экспертно-криминалистическим центром МВД России и экспертно-криминалистическими подразделениями «государственной судебно-экспертной деятельности, а также в применении технических средств и специальных знаний по заданиям уполномоченных законодательством Российской Федерации государственных органов и должностных лиц»²³. А.М. Зинин обратил внимание на то, что существующая дееспособная модель экспертно-криминалистической деятельности, направленная на комплексное технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, предусматривает объединение обеспечивающей деятельности специалистов и выполнение экспертиз²⁴. На совмещение функций специалиста (технико-криминалистическое сопровождение раскрытия и расследования преступлений) и эксперта (судебно-экспертная деятельность), осуществляемых силами одной службы — экспертно-криминалистическими подразделениями, указывают и другие ученые²⁵.

Однако в настоящее время сложился и другой подход к выполнению задач, связанных с применением специальных знаний и навыков. Так, в Следственном комитете Российской Федерации раздельно действуют криминалистические подразделения²⁶ и Судебно-экспертный

²² Россинская Е.Р. О необходимости курса криминалистики для системы высшего юридического образования, гражданского и арбитражного процесса // *Гражд. эк.* 2008. № 3. С. 9—13.

²³ Приказ МВД России от 11.01.2009 № 7 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России» // ГАРАНТ.РУ. URL: <https://base.garant.ru/72341002> (дата обращения: 14.02.2026).

²⁴ Зинин А.М. Экспертно-криминалистическая деятельность: специфика функций ее субъектов // *Вестник Московского университета МВД России*. 2013. № 3. С. 25.

²⁵ Дронова О.Б., Сидоренко Д.Н. Функциональная модель экспертно-криминалистической деятельности, реализуемая в системе МВД России // *Судебная экспертиза*. 2021. № 2 (66). С. 68.

²⁶ Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2011. № 1, ст. 15; Приказ СК России от 08.08.2013 № 53 «Об организации работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации» // *Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации*. URL: <https://docs.cntd.ru/document/456078303> (дата обращения: 14.02.2026).

²⁰ Толковый словарь Ушакова // *Словари и энциклопедии на Академике*. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov> (дата обращения: 14.02.2026).

²¹ Махов В.Н. Участие специалистов в следственных действиях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1971. С. 10.

центр Следственного комитета Российской Федерации²⁷. Основными целями деятельности Судебно-экспертного центра, согласно распоряжению Правительства РФ от 15 июля 2020 г. № 1827-р²⁸, являются организация и производство судебных экспертиз, назначенных в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, в то время как к основным функциям криминалистических подразделений Следственного комитета отнесены в том числе²⁹:

- участие в расследовании и раскрытии тяжких и особо тяжких преступлений, требующих применения *особых навыков* либо *использования технико-криминалистических средств*;
- реализация мероприятий по научному сопровождению в сфере криминалистического обеспечения расследования, внедрение их результатов в практическую деятельность, опытная эксплуатация и апробация достижений науки, технико-криминалистических средств, выявление потребности в разрешении проблем в сфере научного сопровождения криминалистической деятельности;
- разработка вопросов использования специальных знаний и др.

Очевидно, что эти задачи во многом совпадают со сферой деятельности сведущих лиц, а функция применения технических средств в исследовании материалов уголовного дела напрямую предусмотрена в ст. 58 УПК РФ для специалиста. В то же время в Следственном комитете Российской Федерации к криминалистическим подразделениям отнесены следователи-криминалисты, которые в соответствии со ст. 5 УПК РФ уполномочены осуществлять предварительное следствие, участвовать в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий

или производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству.

Увеличение количества преступлений, связанных с применением ИТ-технологий, отнесенных к подследственности Следственного комитета Российской Федерации, необходимость быстрого поиска информации в информационно-коммуникационных сетях привели к формированию нового подхода к функции следователя-криминалиста и созданию специальных подразделений, в задачи которых входит содействие следствию. Так, в технико-криминалистическом управлении Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) СК России (ГУК СК России) создан отдел криминалистического сопровождения следствия, включающий отделение осмотра электронных носителей и отделение оперативной обработки цифровых данных, сотрудники которого имеют специальное техническое либо инженерное образование. Сотрудниками управления научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательского института криминалистики) ГУК СК России разрабатываются не только рекомендации по обнаружению и изъятию следов, но и методики судебных экспертиз³⁰. Практика расследования преступлений также свидетельствует о «специальных» функциях следователя-криминалиста, знания и навыки которого применяются, например, для анализа информации о соединениях между абонентами³¹.

Однако процессуальные формы применения специальных знаний следователя-криминалиста являются предметом обсуждения среди ученых и различаются в правоприменении. Так, О.Ю. Антонов предлагает применять специальные средства для анализа цифровой информации в рамках следственного осмотра либо следователем совместно со специалистом или следователем-криминалистом, либо последним единолично по поручению следователя³². Р.С. Ка-

²⁷ Приказ СК России от 24.07.2020 № 76 «О создании федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» // ГАРАНТ.РУ. URL: <https://base.garant.ru/408028685> (дата обращения: 14.02.2026).

²⁸ Распоряжение Правительства РФ от 15.07.2020 № 1827-р «О создании федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/565313957> (дата обращения: 14.02.2026).

²⁹ Приказ СК России от 29.04.2025 № 61 «Об организации работы криминалистических подразделений Следственного комитета Российской Федерации».

³⁰ Типовая методика экспертного исследования информации, содержащейся в мобильных устройствах и их компонентах / О.В. Тушканова, А.Б. Шавловский, А.Ю. Вавилин, С.В. Баталин. М., 2025.

³¹ См.: Себякин А.Г. Анализ информации о соединениях между абонентами, использование его результатов в раскрытии и расследовании преступлений // Полицейская и следственная деятельность. 2018. № 4. С. 29—38.

³² Антонов О.Ю. Анализ цифровой информации как одна из задач криминалистического исследования компьютерных средств и систем // Вестник криминалистики. 2020. № 2 (74). С. 17—23.

диев отмечает, что в ряде регионов следователя-криминалиста, обладающего знаниями и умениями в определенной отрасли науки и техники, включают в следственное действие в качестве специалиста³³.

Анализ материалов уголовных дел показывает, что принимающий участие в осмотре места происшествия следователь-криминалист указывается в протоколах осмотра как иное лицо или, наряду со следователем, как следователь-криминалист. В практике имеют место случаи допроса лица, занимающего должность следователя-криминалиста, в качестве специалиста. Таким образом, единообразная практика использования специальных знаний следователя-криминалиста в настоящее время не сложилась. В связи с этим представляется актуальным активировать как научные, так и методические разработки по указанным вопросам.

Список литературы

1. Антонов О.Ю. Анализ цифровой информации как одна из задач криминалистического исследования компьютерных средств и систем // Вестник криминалистики. 2020. № 2 (74). С. 17—23.
2. Волынский А.Ф. Криминалистическая деятельность в системе научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 4 (103). С. 22—28.
3. Дронова О.Б., Сидоренко Д.Н. Функциональная модель экспертно-криминалистической деятельности, реализуемая в системе МВД России // Судебная экспертиза. 2021. № 2 (66). С. 67—76. doi: 10.25724/VAMVD.TQRS.
4. Дьяконова О.Г. О регламентации сведущих лиц в процессуальном законодательстве // Актуальные проблемы процессуального и правового положения субъектов гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: сборник статей по материалам V Международной научно-практической конференции, 13 октября 2017 г. СПб: Петрополис, 2018. С. 139—147.
5. Дьяконова О.Г. Формы участия специалиста в судопроизводстве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 8 (24). С. 15—31.
6. Зайцева Е.А. Устарела ли категория «сведущие лица»? // Судебная экспертиза: российский и международный опыт: материалы III Международной научно-практической конференции, Волгоград, 27—28 апреля 2016 г. Волгоград: ВА МВД России, 2016. С. 59—63.
7. Зинин А.М. Участие специалиста в процессуальных действиях: учебник. М.: Проспект, 2011. 254 с.
8. Зинин А.М. Экспертно-криминалистическая деятельность: специфика функций ее субъектов // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 3. С. 24—25.
9. Зотов Д.В. Уголовно-процессуальное доказывание и научно-технические достижения: теоретические проблемы. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2005. 199 с.
10. Исаева Л.М. Зарождение экспертизы в российском уголовном судопроизводстве // Законность. 2004. № 3. С. 46—51.
11. Кадиев Р.С. Следователь-криминалист как новый участник уголовного процесса. Перспектива совершенствования процессуального статуса // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика: сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции (Рязань, 16 декабря 2021 г.). Рязань: Академия ФСИН России, 2022. С. 156—161.
12. Комиссарова Я.В. Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 683 с.
13. Лазарева Л.В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2011. 470 с.
14. Махов В.Н. Участие специалистов в следственных действиях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1971. 24 с.
15. Поздняков М.А. Непроцессуальные формы участия сведущих лиц в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконной добычей (выловом) водных биологических ресурсов, совершенных с использованием иностранных морских судов // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 10 (71). С. 170—176. doi: 10.17803/1994-1471.2016.71.10.170-176.
16. Россинская Е.Р. О необходимости курса криминалистики для системы высшего юридического образования, гражданского и арбитражного процесса // Цивилист. 2008. № 3. С. 9—13.
17. Себякин А.Г. Анализ информации о соединениях между абонентами, использование его результатов в раскрытии и расследовании

³³ Кадиев Р.С. Следователь-криминалист как новый участник уголовного процесса. Перспектива совершенствования процессуального статуса // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика: сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции (Рязань, 16 декабря 2021 г.). Рязань, 2022. С. 160.

преступлений // Полицейская и следственная деятельность. 2018. № 4. С. 29—38. doi: 10.25136/2409-7810.2018.4.27992.

18. Типовая методика производства информационно-аналитической экспертизы / О.В. Тушканова, А.А. Зубков, А.Ю. Вавилин, М.А. Гудкова. М.: Следственный комитет Российской Федерации, 2023. 66 с.

19. Типовая методика экспертного исследования информации, содержащейся в мобильных устройствах и их компонентах / О.В. Тушканова, А.Б. Шавловский, А.Ю. Вавилин, С.В. Баталин. М.: Следственный комитет Российской Федерации, 2025.

20. Толстухина Т.В. К вопросу о субъектах применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Вестник экономической безопасности. 2022. № 5. С. 207—213. doi: 10.24412/2414-3995-2022-5-207-213.

21. Халиуллина А.Ф. Криминалистическое учение об использовании специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних: дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2025. 376 с.

22. Шапиро Л.Г. Специальные знания в уголовном судопроизводстве и их использование при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2008. 51 с.

References

1. Antonov, O.Yu. (2020) Analiz cifrovoy informacii kak odna iz zadach kriminalisticheskogo issledovaniya komp'yuternyh sredstv i sistem [Analysis of digital information as one of the tasks of forensic investigation of computer means and systems]. *Vestnik kriminalistiki*, no. 2, pp. 17–23. (In Russ.).

2. Volynskij, A.F. (2022) Kriminalisticheskaya deyatel'nost' v sisteme nauchno-tehnicheskogo obespecheniya ugovnogo sudoproizvodstva [Forensic activity in the system of scientific and technical support of criminal proceedings]. *Yurist'-Pravoved*, no. 4, pp. 22–28. (In Russ.).

3. Dronova, O.B., Sidorenko, D.N. (2021) Funkcional'naya model' ekspertno-kriminalisticheskoy deyatel'nosti, realizuemaya v sisteme MVD Rossii [Functional model of forensic activity implemented in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. *Sudebnaya ekspertiza*, no. 2, pp. 67–76. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.TQRS.

4. D'yakonova, O.G. (2018) O reglamentacii svedushchih lic v processual'nom zakonodatel'stve

[About regulation of the competent participants in procedural legislation]. In: *Aktual'nye problemy processual'nogo i pravovogo polozheniya sub'ektov grazhdanskogo, arbitrazhnogo i administrativnogo sudoproizvodstva. Sbornik statej po materialam V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, October 13, 2017*. Saint Petersburg, Petropolis, pp. 139–147. (In Russ.).

5. D'yakonova, O.G. (2016) Formy uchastiya specialista v sudoproizvodstve [Forms of specialist participation in the proceedings]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*, no. 8, pp. 15–31. (In Russ.).

6. Zajceva, E.A. (2016) Ustarela li kategoriya "svedushchie lica"? [Is the "knowledgeable persons" category outdated?] In: *Sudebnaya ekspertiza: rossijskij i mezhdunarodnyj opyt. Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, April 27–28, 2016*. Volgograd, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, pp. 59–63. (In Russ.).

7. Zinin, A.M. (2011) Uchastie specialista v processual'nyh dejstviyah [The participation of a specialist in procedural actions]. Textbook. Moscow, Prospekt, 254 p. (In Russ.).

8. Zinin, A.M. (2013) Ekspertno-kriminalisticheskaya deyatel'nost': specifika funkcij ee sub'ektov [Expert and criminalistic activity: specifics of functions of her subjects]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, no. 3, pp. 24–25. (In Russ.).

9. Zotov, D.V. (2005) Ugolovno-processual'noe dokazyvanie i nauchno-tehnicheskie dostizheniya: teoreticheskie problemy [Criminal procedural evidence and scientific and technical achievements: theoretical problems]. Voronezh, Voronezh University Publishing House, 199 p. (In Russ.).

10. Isaeva, L.M. (2004) Zarozhdenie ekspertizy v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve [The origin of expertise in Russian criminal proceedings]. *Zakonnost'*, no. 3, pp. 46–51. (In Russ.).

11. Kadiev, R.S. (2022) Sledovatel'-kriminalist kak novyj uchastnik ugolovnogo processa. Perspektiva sovershenstvovaniya processual'nogo statusa [A forensic investigator as a new participant in the criminal process. The prospect of improving the procedural status]. In: *Ugolovnyj process i kriminalistika: teoriya, praktika, didaktika. Sbornik materialov VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, December 16, 2021*. Ryazan', Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, pp. 156–161. (In Russ.).

12. Komissarova, Ya.V. (2013) Konceptual'nye osnovy professional'noj deyatel'nosti eksperta v

ugolovnom sudoproizvodstve [The conceptual foundations of an expert's professional activity in criminal proceedings]. Doctor's degree dissertation. Moscow, 683 p. (In Russ.).

13. Lazareva, L.V. (2011) Konceptual'nye osnovy ispol'zovaniya special'nyh znaniy v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve [The conceptual foundations of the use of specialized knowledge in Russian criminal proceedings]. Doctor's degree dissertation. Vladimir, 470 p. (In Russ.).

14. Mahov, V.N. (1971) Uchastie specialistov v sledstvennyh dejstviyah [Participations of specialists in investigative actions]. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 24 p. (In Russ.).

15. Pozdnyakov, M.A. (2016) Neprocesual'nye formy uchastiya svedushchih lic v raskrytii i rassledovanii prestuplenij, svyazannyh s nezakonnoj dobychej (vylovom) vodnyh biologicheskikh resursov, sovershennyh s ispol'zovaniem inostrannyh morskikh sudov [Non-procedural forms of participation of experienced persons in detecting and investigating the crimes, connected with illegal production (catch) of aquatic biological resources, committed by means of foreign ships]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*, no. 10, pp. 170–176. (In Russ.). doi: 10.17803/1994-1471.2016.71.10.170-176.

16. Rossinskaya, E.R. (2008) O neobходимosti kursa kriminalistiki dlya sistemy vysshego yuridicheskogo obrazovaniya, grazhdanskogo i arbitrazhnogo processa [On the need for a criminalistics course for the system of higher legal education, civil and arbitration proceedings]. *Civilist*, no. 3, pp. 9–13. (In Russ.).

17. Sebyakin, A.G. (2018) Analiz informacii o soedineniyah mezhdru abonentami, ispol'zovanie ego rezul'tatov v raskrytii i rassledovanii prestuplenij [Analysis of information about connections between subscribers, the use of its results in the detection and investigation of crimes]. *Policej-*

skaya i sledstvennaya deyatel'nost', no. 4, pp. 29–38. (In Russ.). doi: 10.25136/2409-7810.2018.4.27992.

18. Tushkanova, O.V., Zubkov, A.A., Vavilin, A.Yu., Gudkova, M.A. (2023) Tipovaya metodika proizvodstva informacionno-analiticheskoy ekspertizy [A typical methodology for the production of information and analytical expertise]. Moscow, Investigative Committee of the Russian Federation, 66 p. (In Russ.).

19. Tushkanova, O.V., Shavlovskij, A.B., Vavilin, A.Yu., Batalin, S.V. (2025) Tipovaya metodika ekspertnogo issledovaniya informacii, sodержashchejsya v mobil'nyh ustroystvah i ih komponentah [A typical methodology for the expert study of information contained in mobile devices and their components]. Moscow, Investigative Committee of the Russian Federation. (In Russ.).

20. Tolstuhina, T.V. (2022) K voprosu o sub'ektah primeneniya special'nyh znaniy v ugolovnom sudoproizvodstve [To the question of the subjects of the application of special knowledge in criminal proceedings]. *Bulletin of economic security*, no. 5, pp. 207–213. (In Russ.). doi: 10.24412/2414-3995-2022-5-207-213.

21. Haliullina, A.F. (2025) Kriminalisticheskoe uchenie ob ispol'zovanii special'nyh znaniy pri rassledovanii prestuplenij s uchastiem nesovershennoletnih [Criminalistic teaching on the use of special knowledge in the investigation of crimes involving minors]. Doctor's degree dissertation. Ufa, 376 p. (In Russ.).

22. Shapiro, L.G. (2008) Special'nye znaniya v ugolovnom sudoproizvodstve i ih ispol'zovanie pri rassledovanii prestuplenij v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti [Specialized knowledge in criminal proceedings and their use in the investigation of crimes in the field of economic activity]. Abstract of Doctor's degree dissertation. Krasnodar, 51 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е.В. Иванова — декан факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

E.V. Ivanova – Dean of the Faculty of Criminalistic Training of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Doctor of Law, Associate Professor.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 1. С. 78—84.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026, no. 1, pp. 78–84.

УДК 343.9
doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.009

NIION: 2015-0065-01/26-367
MOSURED: 77/27-010-2026-01-566

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Актуальные вопросы научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в сфере незаконной миграции

Равиль Гарифуллаевич Искалиев
Академия управления МВД России, Москва,
Россия, isk74ravil@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются актуальные направления научных исследований в сфере противодействия незаконной миграции, раскрывается понятие научного обеспечения в системе МВД России, оцениваются организационно-правовые механизмы его реализации. Незаконная миграция относится к главным стратегическим рискам и угрозам национальной безопасности России на долгосрочную перспективу. В сложившихся условиях противодействие незаконной миграции становится одной из важнейших задач в деятельности правоохранительных и иных государственных органов, решение которой требует комплексного подхода, направленного на выявление и устранение обстоятельств, способствующих данному негативному явлению.

Особое внимание уделено последствиям миграционной преступности и необходимости разработки комплексных мер, основанных на междисциплинарном подходе.

Постановка проблемы: организация научно-исследовательской деятельности в области противодействия преступлениям в сфере незаконной миграции охватывает несколько направлений: правовые исследования — анализ действующего законодательства и его эффективности в борьбе с незаконной миграцией; социологические исследования — изучение миграционных потоков, мотиваций мигрантов и факторов, способствующих их нелегальному статусу; экономические исследования — оценка влияния незаконной миграции на экономику стран-реципиентов и стран-источников.

Цель исследования: заключается в анализе состояния и направлений научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в сфере незаконной миграции и в выработке предложений по совершенствованию организационно-правовых и методических механизмов.

Методы исследования: диалектический метод как универсальный метод познания, общенаучные формально-логистические методы познания (анализ и синтез, дедукция и индукция, аналогия), системный подход.

Результаты исследования и ключевые выводы: предложены научно обоснованные причины и факторы, способствующие незаконной миграции, обоснована необходимость проведения по данным направлениям комплексных исследований.

Ключевые слова: незаконная миграция, научное обеспечение, исследование, противодействие преступлениям, иностранные граждане, оперативно-разыскные мероприятия, причины и факторы.

Для цитирования: Искалиев Р.Г. Актуальные вопросы научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в сфере незаконной миграции // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 1. С. 78—84. doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.009.

Current issues of scientific support for the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation in the field of illegal migration

Ravil G. Iskaliev
Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia, isk74ravil@gmail.com

Abstract. The article analyzes current areas of scientific research in the field of countering illegal migration, reveals the concept of scientific support in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, and evaluates the organizational and legal mechanisms for its implementation. Illegal migration is one of the main strategic risks and threats to Russia's national security in the long term. In the current circumstances, countering illegal migration has become one of the most important tasks for law enforcement agencies and other government bodies, and its solution

requires a comprehensive approach aimed at identifying and eliminating the circumstances that contribute to this negative phenomenon. Special attention is paid to the consequences of migration-related crime and the need to develop comprehensive measures based on an interdisciplinary approach.

Problem statement: the organization of research activities in the field of countering crimes in the field of illegal migration covers several areas: legal research — analysis of current legislation and its effectiveness in combating illegal migration; sociological research — study of migration flows, motivations of migrants and factors contributing to their illegal status; economic research — assessment of the impact of illegal migration on the economies of the recipient and source countries.

The purpose of the study: the purpose of this study is to analyze the current state and trends of scientific support for the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation in the field of illegal migration, and to develop proposals for improving organizational, legal, and methodological mechanisms.

Research methods: the dialectical method as a universal method of cognition, general scientific formal and logistic methods of cognition (analysis and synthesis, deduction and induction, analogy), a systematic approach.

Research results and key conclusions: scientifically based reasons and factors contributing to illegal migration are proposed, and the need for comprehensive research in these areas is substantiated.

Keywords: illegal migration, scientific support, research, countering crimes, foreign citizens, operational search measures, causes and factors.

For citation: Iskaliev, R.G. (2026) Current issues of scientific support for the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation in the field of illegal migration. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 1, pp. 78–84. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.009.

Современные миграционные процессы в условиях глобализации приобретают масштабный и транснациональный характер. Для Российской Федерации незаконная миграция является не только демографическим или экономическим вызовом, но и источником преступности, коррупции, межэтнической напряжённости, распространения экстремистских и террористических угроз.

Неконтролируемый рост незаконной миграции остается значимым фактором, провоцирующим усиление межэтнической и межконфессиональной напряженности, а также распространение экстремистских идеологий, которые в последние годы все чаще проявляются в форме насильственных действий¹. Как отметил ещё в 2015 году директор ФСБ России А.В. Бортников, прошедшие психологическую обработку и террористическую подготовку в спецлагерях, а также получившие боевой опыт в зонах вооруженных конфликтов преступные элементы активно используют каналы незаконной миграции для проникновения в целевые регионы. Их основной задачей является формирование законспирированных структур, вербовка новых участников и подрыв внутривосточной стабильности, а также угроза территориальной целостности государств, принимающих мигрантов².

Одной из важнейших задач органов внутренних дел Российской Федерации (далее —

ОВД) является обеспечение научного сопровождения деятельности. Научное обеспечение представляет собой комплекс знаний, концепций, методов и рекомендаций, формируемых на основе фундаментальных и прикладных исследований и внедряемых в практику оперативно-служебной и процессуальной деятельности, который позволяет разрабатывать эффективные стратегии противодействия преступлениям в исследуемой сфере, прогнозировать угрозы и повышать результативность правоохранительной деятельности.

В уголовной политике под научным обеспечением понимается целенаправленная деятельность по организации исследований, разработке методических материалов, внедрению научных рекомендаций в правоприменительную практику³.

Современная криминальная ситуация в глобальном масштабе и на территории Российской Федерации демонстрирует значительную адаптивность к происходящим социально-технологическим изменениям. Данная адаптация включает освоение достижений научно-технического прогресса, что приводит к трансформации преступной деятельности, проявляющейся в новых формах, методах и способах совершения противоправных деяний, особенно в сферах, характеризующихся сложностью контроля⁴.

³ Уголовная политика Российской Федерации: учебник: в 2 ч. / под ред. Л.И. Беляевой. Ч. 1. М., 2018.

⁴ Иванов С.И. Отдельные направления совершенствования оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел в современных условиях // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-разыскной деятельности: материалы VI Международной научно-практической конференции (24 ноября 2017 г.). Краснодар, 2018. С. 55—57.

¹ Калугина В.Г. Проверка сообщений о преступлениях в сфере миграции. Этап следственной проверки // *International Law Journal*. 2024. Т. 7, № 1. С. 75—79.

² URL: <https://www.rg.ru/2015/07/29/ekstremizm-site.html> (дата обращения: 15.02.2026).

В настоящее время научное сообщество активно занимается разработкой решений актуальных проблем, с которыми сталкиваются сотрудники ОВД. Исследовательские работы сосредоточены на изучении потенциала инновационных технологий для противодействия возникающим вызовам и угрозам⁵. Тем не менее в современных условиях особую актуальность приобретает необходимость модернизации системы научного сопровождения оперативно-служебной деятельности ОВД в сфере противодействия миграционной преступности в рамках действующей Концепции государственной миграционной политики⁶ и ведомственного приказа⁷, который рассматривает:

- проведение научно-исследовательских работ (НИР) по проблемам оперативно-служебной деятельности;
- разработку ведомственных программ научного сопровождения;
- внедрение результатов исследований в практику подразделений МВД;
- подготовку кадров через систему ведомственного образования.

Эффективность своевременного выявления и документирования преступлений в сфере незаконной миграции находится в прямой зависимости от специфики профилактической работы в отношении правонарушений, совершаемых как иностранными гражданами, так и российскими подданными в миграционной сфере. К числу наиболее распространённых противоправных деяний данного характера относится фиктивная постановка на регистрационный учёт по месту жительства или пребывания.

Указанное правонарушение, равно как и аналогичные ему преступные действия, посяга-

ет на установленный порядок государственного управления. В этой связи осуществление мониторинга соблюдения норм миграционного законодательства представляет собой ключевое направление оперативно-служебной деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Особую значимость данное направление приобретает в условиях проведения специальной военной операции, когда обеспечение безопасности граждан Российской Федерации напрямую зависит от скоординированных действий оперативных подразделений⁸.

Анализ современной ситуации свидетельствует о наличии множества факторов, детерминирующих практику фиктивной регистрации граждан по месту жительства. К основным мотивационным причинам относятся:

- трудоустройство на определенной территории;
- устройство детей в дошкольные и общеобразовательные учреждения;
- прикрепление к медицинским организациям;
- получение социальных льгот и субсидий.

В данном контексте следует отметить, что эффективное противодействие указанным правонарушениям требует комплексного подхода, включающего:

- усиление контроля за соблюдением правил регистрационного учета;
- совершенствование нормативно-правовой базы, в частности:

- 1) пересмотр принципов территориального закрепления образовательных учреждений;
- 2) установление законодательно закреплённых норм жилой площади на одного зарегистрированного лица;
- 3) модернизацию механизмов предоставления социальных выплат.

В связи с этим исследователям необходимо предложить высшим законодательным субъектам организационно-правовые нормы с учетом направлений научного обеспечения, включающие в себя:

- разработку криминологических прогнозов;
- совершенствование методов оперативно-разыскной деятельности;
- создание информационно-аналитических систем мониторинга миграционных потоков⁹;

⁵ Буткевич С.А. Инновации в правоохранительной деятельности: оценка и критерии эффективности // Философия права. 2019. № 1 (88). С. 16—22; Иванова А.В. Отдельные вопросы организации научной деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации: состояние и перспективы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73), № 4. С. 308—312; Игнатов А.Н. Информационно-когнитивные технологии в арсенале способов совершения преступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 11-2. С. 82—89.

⁶ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019—2025 годы: Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 // ИПО «Гарант».

⁷ Об организации научной и научно-технической деятельности в системе МВД России: приказ МВД России от 28.04.2023 № 260 // ИПО «Гарант».

⁸ Калугина В.Г. Указ. соч. С. 75—79.

⁹ Игнатов А.Н. Указ. соч. С. 82—89.

- совершенствование нормативно-правового регулирования¹⁰.

В связи с возросшей актуальностью в 2024 г. принято 16 федеральных законов в сфере миграции, 7 указов Президента Российской Федерации, 22 постановления и 39 распоряжений Правительства Российской Федерации, издано 37 приказов МВД России, подготовленных ГУВМ МВД России.

Незаконная миграция представляет собой не самостоятельную проблему, а совокупность её негативных последствий — криминогенных, экономических, социальных и политических.

Незаконная миграция порождает ряд существенных негативных последствий социально-экономического характера, среди которых особого внимания заслуживают следующие аспекты деформации рынка труда и экономики: формирование параллельного рынка нелегальной занятости; расширение теневого сектора экономики за счет эксплуатации труда незаконных мигрантов; снижение стоимости национальной рабочей силы (девальвация производительных сил); замедление технологической модернизации производственных процессов вследствие доступности дешевой иностранной рабочей силы.

Социально-демографические изменения — консолидация и количественный рост существующих этнических сообществ, образование новых диаспоральных образований, формирование территориальных анклавов компактного проживания мигрантских сообществ¹¹.

Исследование этих факторов позволяет разрабатывать более эффективные меры по предотвращению незаконной миграции. Неслучайно одним из приоритетных направлений оперативно-служебной деятельности ГУЭБиПК МВД России является противодействие преступлениям экономической направленности, связанным с незаконным предоставлением услуг иностранным гражданам¹².

Последствия незаконной миграции оказывают многоуровневое воздействие на общество:

- экономическое — нелегальная занятость, рост теневой экономики, снижение поступлений в бюджет;

- социальное — этническая сегрегация, рост анклавов, снижение интеграции мигрантов;
- криминальное — фиктивная регистрация, подделка документов, коррупционные схемы, вовлечение в экстремизм.

Примеры последних лет подтверждают системный характер проблемы: уголовные дела против сотрудников вузов и госорганов за фиктивную регистрацию мигрантов, выявленные коррупционные механизмы в Москве, Пермской и Ивановской областях¹³.

Приняты меры по документированию противоправной деятельности физических и юридических лиц, причастных к обеспечению мигрантов поддельными или незаконно выданными документами, легализующими их пребывание на территории Российской Федерации, в том числе путем размещения информации о предоставлении незаконных услуг в сфере миграции в сети Интернет.

Зачастую данным преступлениям сопутствуют мошенничества, в том числе совершаемые посредством рекламы незаконных услуг в сфере миграции в социальных сетях, мессенджерах и в сети Интернет, а также коррупционные преступления, связанные с получением незаконного денежного вознаграждения должностны-

¹³ 31 марта 2024 г. возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 322.1 УК РФ, ч. 3, 5 ст. 290 УК РФ в отношении участников преступной группы, которые из корыстной заинтересованности осуществляли фиктивный прием экзаменов на знание русского языка, истории и основ законодательства РФ, тем самым организовали незаконное пребывание иностранных граждан на территории Российской Федерации; задокументирован факт получения взятки в размере 250 тыс. рублей начальником отдела нормативно-правового регулирования в сфере миграции и языковой политики Правового департамента Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от директора международного центра языкового тестирования и образовательной подготовки мигрантов ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» за непринятие мер в случае выявления нарушений в деятельности центра, по данному факту ГСУ СК России по г. Москве 29 января 2025 г. возбуждено уголовное дело по п. «в» ч. 5 ст. 290, п. «б» ч. 4 ст. 291 УК РФ; пресечена деятельность участников преступного сообщества, которые организовали фиктивные экзамены и массовую выдачу сертификатов о владении русским языком иностранным гражданам в международном центре языкового тестирования и образовательной подготовки мигрантов ФГАОУ ВО «РУДН», по данному факту СУ СК России по Пермскому краю 30 апреля 2025 г. возбуждено уголовное дело в отношении 14 участников преступного сообщества по ч. 2 и 3 ст. 210 УК РФ.

¹⁰ Калугина В.Г. Указ. соч. С. 75—79.

¹¹ Никитенко И.В. Миграционная безопасность России (криминологический аспект). М., 2013.

¹² Об утверждении Концепции реализации в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации государственной политики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации: приказ МВД России от 14 октября 2021 г. № 760 // ИПО «Гарант».

ми лицами организаций, осуществляющих содействие иностранным гражданам в легализации миграционного статуса.

Ключевым аспектом противодействия преступности в сфере незаконной миграции выступает развитие международного сотрудничества, направленного на гармонизацию межгосударственных усилий по регулированию миграционных потоков, пресечению незаконной миграционной активности¹⁴. В рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) сформированы механизмы упрощенного въезда граждан государств-участников, условия для транзитной миграции.

Эффективность миграционной политики РФ обусловлена обеспечением безопасности внешних границ ЕАЭС, координацией действий с партнерами, особенно с новыми членами объединения.

Оптимизация противодействия требует четкого исполнения государственными органами своих полномочий, налаженного межведомственного взаимодействия¹⁵.

Одним из эффективных способов предупреждения преступлений мигрантов-иностранцев является совместное проведение государственными органами профилактических мероприятий и специальных операций, направленных на выявление мест незаконной концентрации иностранных граждан, а также пресечение противоправной деятельности физических и юридических лиц, транснациональных преступных групп, действующих в сфере незаконной миграции. В этой связи повышается значимость координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с миграционной преступностью.

Своевременная организация научно-исследовательской деятельности в системе МВД России по противодействию преступлениям в сфере незаконной миграции позволит ей занять лидирующие позиции в разработке эффективных стратегий и мер по обеспечению национальной безопасности. Данный подход, основанный на междисциплинарном взаимодействии и комплексном анализе, направлен на выявление и нейтрализацию угроз, связанных с нелегальной

миграцией, а также на совершенствование нормативно-правовой базы и механизмов правоприменения. В условиях глобализации и усиления миграционных потоков интеграция научно-исследовательских подходов в деятельность МВД России становится неотъемлемой частью стратегии противодействия преступности, обеспечивая системный и научно обоснованный подход к решению актуальных проблем.

Для проведения комплексных исследований прежде всего необходимо определить понятие и виды преступлений в сфере незаконной миграции.

1. Незаконная миграция включает в себя различные формы правонарушений и преступлений, такие как:

- организация незаконного въезда мигрантов;
- незаконное пересечение границы;
- фиктивная регистрация;
- подделка документов;
- эксплуатация мигрантов (например, трудовая эксплуатация).

2. Основные причины, способствующие незаконной миграции, включают:

- экономические факторы (коррупция, бедность, отсутствие рабочих мест);
- политическую нестабильность и конфликты;
- социальные факторы (дискриминация, отсутствие прав человека).

3. Научно-исследовательская деятельность в области противодействия преступлениям в сфере незаконной миграции охватывает несколько направлений:

- правовые исследования — анализ действующего законодательства и его эффективности в борьбе с незаконной миграцией;
- социологические исследования — изучение миграционных потоков, мотиваций мигрантов и факторов, способствующих их нелегальному статусу;
- экономические исследования — оценка влияния незаконной миграции на экономику стран-реципиентов и стран-источников.

4. Среди основных проблем, с которыми сталкиваются исследователи и практики, можно выделить:

- недостаток координации между различными государственными органами;
- ограниченные ресурсы для борьбы с организованной преступностью в сфере миграции;
- сложности в сборе и анализе данных о нелегальных мигрантах.

¹⁴ Трыканова С.А. Актуальность совершенствования организационно-правовых условий межведомственного взаимодействия правоохранительных органов РФ с органами государственной и муниципальной власти РФ в борьбе с нелегальной миграцией // Миграционное право. 2015. № 2. С. 22—24.

¹⁵ Буткевич С.А. Указ. соч. С. 16—22.

5. Для повышения эффективности противодействия преступлениям в сфере незаконной миграции необходимо:

- укрепление международного сотрудничества между странами;
- разработка комплексных программ по интеграции легальных мигрантов;
- увеличение финансирования научных исследований в данной области.

Список литературы

1. Буткевич С.А. Инновации в правоохранительной деятельности: оценка и критерии эффективности // *Философия права*. 2019. № 1 (88). С. 16—22.

2. Долгова А.И. Здоровье нации и национальная безопасность как криминологическая проблема // *Безопасность и здоровье нации в аспекте преступности*. М.: Рос. криминол. асоц., 1996. С. 3—12.

3. Иванов С.И. Отдельные направления совершенствования оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел в современных условиях // *Актуальные проблемы теории и практики оперативно-разыскной деятельности: материалы VI Международной научно-практической конференции (24 ноября 2017 г.)*. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. С. 55—57.

4. Иванова А.В. Отдельные вопросы организации научной деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации: состояние и перспективы // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки*. 2021. Т. 7 (73), № 4. С. 308—312. doi: 10.29039/2413-1733-2021-7-4-308-312.

5. Игнатов А.Н. Информационно-когнитивные технологии в арсенале способов совершеншения преступлений // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2020. № 11-2. С. 82—89. doi: 10.23672/p8039-5574-0851-b.

6. Калугина В.Г. Проверка сообщений о преступлениях в сфере миграции. Этап доследственной проверки // *International Law Journal*. 2024. Т. 7, № 1. С. 75—79.

7. Козлов В.Ф., Фролкин Н.П. Организация незаконной миграции: уголовно-правовая и криминалистическая характеристика. М.: Юрлитинформ, 2011. 160 с.

8. Никитенко И.В. Миграционная безопасность России (криминологический аспект). М.:

Издательский дом Шумиловой И.И., 2013. 350 с.

9. Трыканова С.А. Актуальность совершенствования организационно-правовых условий межведомственного взаимодействия правоохранительных органов РФ с органами государственной и муниципальной власти РФ в борьбе с нелегальной миграцией // *Миграционное право*. 2015. № 2. С. 22—24.

10. Уголовная политика Российской Федерации: учебник: в 2 ч. / под ред. Л.И. Беляевой. Ч. 1. М.: Академия управления МВД России, 2018. 184 с.

References

1. Butkevich, S.A. (2019) Innovatsii v pravookhranitel'noy deyatelnosti: otsenka i kriterii effektivnosti [Innovations in law enforcement activity: evaluation and performance criteria]. *Philosophiya prava*, no. 1, pp. 16–22. (In Russ.).

2. Dolgova, A.I. (1996) Zdorov'e natsii i natsional'naya bezopasnost' kak kriminologicheskaya problema [Health of the nation and national security as a criminological problem]. In: *Bezopasnost' i zdorov'e natsii v aspekte prestupnosti*. Moscow, Russian Criminological Association, pp. 3–12. (In Russ.).

3. Ivanov, S.I. (2018) Otdel'nye napravleniya sovershenstvovaniya operativno-razysknoy deyatelnosti organov vnutrennikh del v sovremennykh usloviyakh [Selected areas of improvement of operational investigative activities of internal affairs bodies in modern conditions]. In: *Aktual'nye problemy teorii i praktiki operativno-razysknoy deyatelnosti. Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, November 24, 2017*. Krasnodar, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, pp. 55–57. (In Russ.).

4. Ivanova, A.V. (2021) Otdel'nye voprosy organizatsii nauchnoy deyatelnosti v organakh vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii: sostoyanie i perspektivy [Individual issues of the organization of scientific activity in the internal affairs bodies of the Russian Federation: state and prospects]. *Scientific notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science*, vol. 7 (73), no. 4, pp. 308–312. (In Russ.). doi: 10.29039/2413-1733-2021-7-4-308-312.

5. Ignatov, A.N. (2020) Informatsionno-kognitivnye tekhnologii v arsenale sposobov soversheniya prestupleniy [Information and cognitive technologies in the arsenal of method of committing a crime]. *Humanities, Social-Economic and*

Social Sciences, no. 11-2, pp. 82–89. (In Russ.). doi: 10.23672/p8039-5574-0851-b.

6. Kalugina, V.G. (2024) Proverka soobshcheniy o prestupleniyakh v sfere migratsii. Etap dosledstvennoy proverki [Verification of reports of crimes in the field of migration. The stage of pre-investigation verification]. *International Law Journal*, vol. 7, no. 1, pp. 75–79. (In Russ.).

7. Kozlov, V.F., Frolkin, N.P. (2011) Organizatsiya nezakonnoy migratsii: ugovolno-pravovaya i kriminalisticheskaya kharakteristika [Organization of illegal migration: criminal law and criminalistic characteristics]. Moscow, Yurlit-inform, 160 p. (In Russ.).

8. Nikitenko, I.V. (2013) Migratsionnaya bezopasnost' Rossii (kriminologicheskii aspekt) [Migration security of Russia (criminological

aspect)]. Moscow, Shumilova Publishing House, 350 p. (In Russ.).

9. Trykanova, S.A. (2015) Aktual'nost' sovshenstvovaniya organizatsionno-pravovykh usloviy mezhvedomstvennogo vzaimodeystviya pravookhranitel'nykh organov RF s organami gosudarstvennoy i munitsipal'noy vlasti RF v bor'be s nelegal'noy migratsiey [Topicality of improvement of organizational-law conditions of interdepartmental interaction of law-enforcement agencies of the RF with agencies of state and municipal power of the RF in fighting illegal migration]. *Migratsionnoe pravo*, no. 2, pp. 22–24. (In Russ.).

10. Belyaeva, L.I. (ed.) (2018) Ugolovnaya politika Rossiyskoy Federatsii [Criminal policy of the Russian Federation]. Textbook. Vol. 1. Moscow, Academy of Management of the MIA of Russia, 184 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Р.Г. Искалиев — доцент кафедры организации оперативно-разыскной деятельности Академии управления МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the author

R.G. Iskaliev – Associate Professor of the Department of Organization of Operational and Investigative Activities of the Academy of Management of the MIA of Russia, Candidate of Law.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Социальная конфликтология: учебник для студентов вузов, обучающихся по гуманитарным специальностям / под науч. ред. И.В. Грошевой, А.Н. Сухова; под общ. ред. И.И. Аминова. — 2-е изд, перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2024. — 303 с.

ISBN 978-5-238-03933-6

В учебнике раскрываются понятие и структура конфликта, его динамика, стадии развития, функции и классификация. Особое внимание уделяется освещению истории развития как западной, так и отечественной социальной конфликтологии. Излагается социально-психологический подход к пониманию различных видов конфликта.

Содержатся не только теоретические, но и прикладные аспекты реальной практики урегулирования и разрешения социальных конфликтов. Анализируются различные технологии их превенции.

Для студентов-бакалавров и магистрантов, обучающихся по гуманитарным специальностям, в том числе психологов, социологов, политологов, социальных работников, юристов, экономистов, преподавателей, менеджеров, политиков и госслужащих.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 1. С. 85—91.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026, no. 1, pp. 85—91.

УДК 343.985.7:343.432
doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.010

NIION: 2015-0065-01/26-368
MOSURED: 77/27-010-2026-01-567

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Тактические и организационные аспекты взаимодействия следователя и органов дознания при расследовании преступлений против свободы личности

Виктор Владимирович Сиделев

Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева,
Москва, Россия, v-sidelev@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются организационные и тактические аспекты взаимодействия следователей с оперативными подразделениями органов дознания при расследовании похищения и незаконного лишения свободы зависимых лиц. Автором выделены ключевые тактические элементы такого взаимодействия, которыми выступают синхронизация следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий и использование результатов оперативно-разыскной деятельности для формирования доказательственной базы. Показано, что реализация указанных элементов позволяет преодолеть основную сложность расследования при доказывании умысла — разграничение законной реабилитационной деятельности и преступных проявлений.

Ключевые слова: похищение человека, незаконное лишение свободы, зависимые лица, реабилитационные центры, следователь, орган дознания, оперативно-разыскная деятельность, тактика расследования, доказывание.

Для цитирования: Сиделев В.В. Тактические и организационные аспекты взаимодействия следователя и органов дознания при расследовании преступлений против свободы личности // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 1. С. 85—91. doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.010.

Tactical and organizational aspects of interaction between the investigator and the investigative bodies during the investigation of crimes against personal freedom

Viktor V. Sidelev

Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Moscow,
Russia, v-sidelev@mail.ru

Abstract. The article examines the tactical and procedural features of the interaction of investigators with operational units of the inquiry bodies in the investigation of the abduction and illegal imprisonment of dependent persons. The author highlights the key tactical elements of such interaction, which include the synchronization of investigative actions and operational-search activities, and the use of the results of operational-search activities to form an evidence base. It is shown that the implementation of these elements makes it possible to overcome the main complexity of the investigation — the distinction between legitimate rehabilitation activities and criminal manifestations in proving intent.

Keywords: kidnapping, unlawful deprivation of liberty, dependent persons, rehabilitation centers, investigator, inquiry body, operational-search activities, investigative tactics, proving.

For citation: Sidelev, V.V. (2026) Tactical and organizational aspects of interaction between the investigator and the investigative bodies during the investigation of crimes against personal freedom. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 1, pp. 85—91. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.010.

Современная российская правовая действительность сталкивается с комплексной проблемой, находящейся на стыке здравоохранения, социальной политики и уголовного правосудия, — криминализацией деятель-

ности отдельных частных организаций, осуществляющих реабилитацию лиц, зависимых от наркотических средств, психотропных веществ и алкоголя (далее — зависимые лица). Анализ следственной практики свидетельствует о тенденции к использованию формата социальной реабилитации в целях насильственного захва-

та, перемещения лиц и их незаконного удержания в условиях изоляции для получения преступной материальной выгоды.

Указанные преступления против свободы личности характеризуются значительной латентностью. По данным мониторинга уголовных дел, проведенного по материалам следственных органов за 2021—2024 гг., лишь 9 % потерпевших заявляют о фактах недобровольного помещения в реабилитационные организации. Основными причинами этому выступают опасения привлечения к административной и уголовной ответственности за употребление психоактивных веществ (ПАВ), недоверие к правоохранительным органам и страх репрессивных действий со стороны персонала учреждений.

Вышеуказанные факторы и нормативно-правовая неопределённость создают значительные сложности в расследовании преступлений против свободы зависимых лиц, преодолеть которые позволяет организация эффективного взаимодействия следственных и оперативных подразделений.

Взаимодействие субъектов раскрытия и расследования преступлений представляет собой системообразующий элемент организации уголовного преследования. Данная деятельность понимается как целостная система, включающая автономные, организационно обособленные, но функционально взаимосвязанные компоненты: профессиональную следственную, оперативно-разыскную и экспертно-криминалистическую деятельность.

В соответствии с ч. 3 ст. 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) органы предварительного расследования не наделены полномочиями по осуществлению оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД). Вместе с тем на следователей Следственного комитета Российской Федерации возложена функция не только расследования, но и раскрытия преступлений. Требования ч. 2 ст. 21 УПК РФ предписывают проведение полного, всестороннего и объективного расследования, основной задачей которого является изобличение лиц, совершивших преступление, и привлечение их к уголовной ответственности¹.

Основной объем оперативно-разыскных мероприятий (далее — ОРМ) по раскрытию преступлений осуществляют органы дознания, уполномо-

номоченные на проведение ОРД в соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Результаты ОРД могут быть представлены дознавателю, следователю или в суд в порядке, установленном ст. 11 указанного закона и соответствующими подзаконными актами². Кроме того, орган дознания вправе по поручению следователя, вынесенному в соответствии со ст. 38 УПК РФ, производить отдельные следственные действия и ОРМ. Такое сочетание полномочий и их строгая процессуальная регламентация формируют основу для эффективного взаимодействия, направленного на оперативное раскрытие преступлений и обеспечение полноты, всесторонности и объективности их расследования.

Необходимость взаимодействия между следственными органами и органами дознания возникает в зависимости от следственной ситуации. Потребность в координации усилий проявляется преимущественно в двух случаях: при неочевидности обстоятельств преступления или его значительном общественном резонансе, а также при большом объеме предстоящих следственных действий (многоэпизодность преступной деятельности, значительное число лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности). В условиях очевидности преступления и незначительного объема следственных действий взаимодействие носит разовый характер.

Классическая доктрина криминалистики, представленная в трудах Ганса Гросса, подчеркивает руководящую роль следователя в определении направления расследования, при этом органы дознания действуют по его поручениям³. Данное положение сохраняет актуальность и в современных условиях, подтверждая приоритет следователя в тактическом руководстве расследованием. Вместе с тем следует учитывать, что орган дознания в своей деятельности ориентирован преимущественно на оперативное раскрытие преступлений, тогда как следователь

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

² Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ // СПС КонсультантПлюс; Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд // СПС КонсультантПлюс.

³ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. СПб, 1908. С. 20—22.

обеспечивает процессуальную законность и полноту доказывания. Узкая функциональная направленность оперативных подразделений в условиях динамичной правоприменительной практики может повлечь нарушение принципа законности, что требует постоянного процессуального контроля со стороны следователя.

В научной литературе отмечается условность термина «взаимодействие» применительно к отношениям между органами следствия и дознания. Неравнозначность их процессуального статуса и различие в решаемых задачах определяют не подчиненное, но и не полностью равноправное положение данных субъектов. Тем не менее термин «взаимодействие» сохраняется в криминалистической науке как традиционный, поскольку вопросы координации деятельности следователя и органа дознания остаются в центре внимания отечественных исследователей.

Так, Д.В. Бахтеев, Л.Я. Драпкин определяют взаимодействие следователя с органом дознания как профессиональный контакт, основанный на согласованном сотрудничестве при решении общих задач раскрытия и расследования преступлений при сохранении самостоятельности каждого субъекта в рамках его компетенции⁴. Р.Ф. Тоштемирова и Б.Я. Гаврилов подчеркивают, что орган дознания выполняет функции вспомогательного субъекта предварительного расследования, осуществляя производство по делам, подследственным следователю, по его поручению и под его руководством⁵. В.Н. Карагодин указывает, что эффективность взаимодействия во многом определяется четкостью распределения функций, своевременностью обмена информацией и единым пониманием тактических задач на каждом этапе расследования⁶. Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин расширяют данное понятие, акцентируя внимание на целях взаимодействия: раскрытии преступлений, изобличении виновных, пресечении и предупреждении преступной деятельности, возмещении причиненного ущерба

путем рационального сочетания методов, применяемых указанными органами⁷. Наиболее детализированное определение предложено А.А. Эксархопуло, рассматривающим взаимодействие как совместную деятельность, осуществляемую на принципах законности, единого руководства, разграничения обязанностей и компетенций при сохранении самостоятельности каждого участника и эффективном использовании их методического арсенала⁸.

Таким образом, взаимодействие может быть определено как установленная законом совместная деятельность административно самостоятельных, но объединенных единой целью раскрытия и расследования преступлений органов следствия и дознания. Эффективность взаимодействия достигается при четком разграничении функций: следователь определяет тактическую задачу, оперативный работник — способы ее оперативно-разыскного обеспечения.

В криминалистической науке выделяют две основные формы взаимодействия: процессуальную и непроцессуальную. К процессуальной форме относятся поручения следователя органу дознания, участие в производстве следственных действий и представление результатов ОРД. Непроцессуальная форма включает совместное планирование расследования, обмен оперативной информацией, участие в дежурных следственно-оперативных группах, совместные действия по преодолению противодействия расследованию и обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства. По временному критерию взаимодействие классифицируется на разовое, периодическое и постоянное.

Исходя из следственной ситуации, формируются задачи взаимодействия, которые условно подразделяются на четыре категории:

- процессуальные — выполнение по поручению следователя отдельных следственных действий (допрос свидетелей, получение образцов для сравнительного исследования и др.);
- розыскные — установление местонахождения лиц, предметов или документов (розыск подозреваемых, очевидцев, похищенного имущества, орудий преступления и др.);
- обеспечительные — подготовка и проведение следственных действий (организация вызова участников процесса, обеспечение

⁴ Бахтеев Д.В., Драпкин Л.Я. Взаимодействие следователей с органами дознания и другими участниками расследования преступлений // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 3. С. 87—96.

⁵ Тоштемирова Р.Ф., Гаврилов Б.Я. Следователь и руководитель следственного органа: проблемы взаимодействия // Сибирский юридический вестник. 2021. № 1 (92). С. 88—92.

⁶ Карагодин В.Н. Следователь как руководитель процесса раскрытия преступления // Российский следователь. 2015. № 24. С. 6—9.

⁷ Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965.

⁸ Эксархопуло А.А. Криминалистика в схемах и иллюстрациях: учебное пособие. СПб, 2002. С. 173.

техничко-криминалистических средств, транспорта, сопровождения и охраны);

- информационные — использование данных оперативных учетов, применение технических средств для фиксации информации, предоставление результатов ОРД для доказывания.

Особенности взаимодействия определяются следственной ситуацией на конкретном этапе расследования и объемом первоначальной информации. В контексте расследования похищения и незаконного лишения свободы зависимых лиц взаимодействие приобретает специфические черты. В отличие от общеуголовных преступлений, где отправной точкой является само преступление и место его совершения, раскрытие данных деяний требует глубокой оперативной разработки личности предполагаемых преступников, анализа их связей и участия в деятельности реабилитационных центров. Достижение успеха обеспечивается двумя путями: грамотной организацией расследования в тесном взаимодействии с органами дознания и глубокой оперативной разработкой в рамках самостоятельной деятельности органа дознания с последующей реализацией оперативных материалов. Ключевым условием эффективности в обоих случаях является соблюдение конспирации до момента закрепления результатов ОРМ процессуальными средствами.

Организация взаимодействия следователя с оперативными подразделениями органов дознания при расследовании похищения и незаконного лишения свободы зависимых лиц связана с необходимостью разграничения законной реабилитационной деятельности от преступных проявлений и доказывания умысла на их совершение. Эффективность данного взаимодействия обеспечивается реализацией вышеуказанных форм. При этом ключевыми тактико-процессуальными элементами, определяющими результативность расследования, выступают:

а) синхронизация следственных и оперативно-разыскных мероприятий на начальном этапе производства по делу, обеспечивающая одновременное проведение допросов и негласных ОРМ (прослушивание переговоров, наблюдение и др.) с целью фиксации посткриминального поведения фигурантов, установления межличностных связей в преступной группе и объективного опровержения алиби;

б) использование результатов оперативно-разыскной деятельности не только как источника криминалистически значимой информации, но и как инструмента преодоления проти-

водействия расследованию (включая физическое сопротивление, саботаж, уничтожение доказательств), а также в качестве основы для формирования доказательственной базы после придания им процессуальной формы в порядке ст. 165—166 УПК РФ;

в) участие следователя в разработке программы оперативно-разыскных мероприятий на стадии подготовки их реализации, что позволяет увязать тактические задачи ОРД с процессуальными целями расследования, повысить их доказательственную ценность и минимизировать риски признания полученных материалов недопустимыми доказательствами вследствие нарушения требований Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности».

Реализация указанных элементов в рамках единой тактической концепции обеспечивает преодоление основной сложности расследования данной категории преступлений — доказывания прямого умысла на совершение похищения или незаконного лишения свободы при формальном прикрытии преступной деятельности социально одобряемыми реабилитационными практиками.

Таким образом, расследование преступлений против свободы зависимых лиц характеризуется принципиальным отличием от тактики раскрытия общеуголовных преступлений. Если при традиционных деяниях против собственности или личности отправной точкой расследования служит анализ вещественных следов на месте происшествия, то в рассматриваемой категории дел центральное значение приобретает комплексное изучение личности подозреваемых: их биографических данных, круга социальных контактов, профессиональной деятельности в сфере реабилитационных услуг и мотивационной структуры поведения. Указанная особенность определена спецификой преступной деятельности частных реабилитационных организаций, в которых насильственное удержание потерпевших маскируется под легитимные формы социальной помощи и реабилитационного сопровождения.

Решение задач доказывания осложняется особенностями доказательственной базы: показания потерпевших и свидетелей, страдающих зависимостью от ПАВ, нередко подвергаются критической оценке в связи с их психофизиологической уязвимостью, возможной дезориентацией в пространстве и времени, а также влиянием посттравматических расстройств. В этих условиях приоритетное значение приобретает получение объективных доказательств умысла — преимуще-

ственно через результаты оперативно-разыскной деятельности (прослушивание переговоров, наблюдение, получение биллинговой информации).

На начальном этапе расследования следователь определяет профильные подразделения органа дознания для привлечения к проверке сообщения о преступлении (подразделения уголовного розыска, отделы по борьбе с организованной преступностью МВД России, подразделения ФСБ России). При значительном объеме предстоящих мероприятий накануне может быть проведено рабочее совещание для обмена информацией, формулирования задач, утверждения совместного плана действий и распределения ответственности. В случае возбуждения уголовного дела создается следственная группа с привлечением сотрудников органа дознания, которым следователь дает поручения о проведении ОРМ и следственных действий.

Анализ практики расследования указанных преступлений свидетельствует об эффективности негласных ОРМ: прослушивания телефонных переговоров (применяется в 32 % случаев) и наблюдения (24 % случаев). Данные мероприятия позволяют получить объективные доказательства умысла виновных лиц и их действий в посткриминальный период. Вместе с тем выбор конкретных ОРМ осуществляется органом дознания самостоятельно в рамках предоставленных полномочий, при этом, как было отмечено выше, на этапах подготовки и проведения допускается непроцессуальное взаимодействие, включая ознакомление следователя, имеющего соответствующий допуск, с предварительными результатами ОРД.

Наиболее убедительными доказательствами умысла являются объективные данные, полученные оперативным путем: аудиозаписи телефонных переговоров в посткриминальный период, материалы наблюдения, фиксирующие контакты фигурантов, их перемещения и взаимодействие с соучастниками.

Эффективность доказывания достигается путем синхронизации следственных действий и ОРМ. Например, вызов фигуранта на допрос с одновременным проведением негласных ОРМ позволяет зафиксировать его действия после допроса, включая контакты с соучастниками по вопросам сокрытия следов преступления или воздействия на свидетелей. Организация подконтрольных встреч фигурантов с последующей технической фиксацией разговоров также представляет собой действенный тактический прием.

Положительный пример подобного взаимодействия продемонстрирован при расследовании уголовного дела о систематических похищениях зависимых лиц на территории Оренбургской области. Параллельно с допросами фигурантов П. и Л., отрицавших свою причастность к преступлениям, проводились ОРМ «прослушивание телефонных переговоров» и «наблюдение». Полученные результаты ОРД зафиксировали их разговоры о совместных действиях по сокрытию следов преступлений и попытках воздействия на свидетеля Г. с целью изменения показаний. Данные материалы были оформлены в установленном порядке и в совокупности с показаниями потерпевших и иными доказательствами послужили основой для обвинения виновных. Аналогичным образом биллинговая информация, полученная в рамках ОРМ «снятие информации с технических каналов связи», позволила опровергнуть алиби фигурантов путем сопоставления данных о местоположении их мобильных устройств с маршрутом перемещения потерпевшего⁹.

Представление результатов ОРД следователю, их совместный анализ, осмотр и при необходимости экспертное исследование формируют действенный инструментарий доказывания вины. При этом строгое соблюдение законности при получении и оформлении результатов ОРД имеет фундаментальное значение — нарушение порядка проведения ОРМ или представления их результатов влечет признание доказательств недопустимыми, включая производные от них доказательства. Материалы, полученные в результате ОРМ «прослушивание телефонных переговоров» и «наблюдение» и представленные в установленном порядке следователю, могут являться объектами судебных экспертиз (фоноскопической, портретной, лингвистической и др.).

Статистический анализ уголовных дел о похищении зависимых лиц показывает, что ОРД как источник информации о преступлении используется лишь в 26 % случаев, что свидетельствует о недостаточной ориентированности оперативных подразделений на раскрытие данных преступлений оперативными методами. Вместе с тем в 46 % случаев обнаружение и освобождение потерпевших происходит в результате деятельности подразделений органов внутренних дел.

⁹ Уголовное дело № 1-166/2016 // Архив Оренбургского районного суда Оренбургской области.

Так, при расследовании деятельности реабилитационного центра «Сургут против наркотиков», по оперативной информации ФСБ России, сотрудниками полиции было проведено гласное ОРМ «обследование помещений», в результате которого выявлено незаконное удержание 16 лиц, часть из которых заявила о желании покинуть центр. Указанные лица были освобождены, после чего обратились с заявлениями о привлечении сотрудников центра к уголовной ответственности¹⁰.

Органы дознания играют важную роль при подготовке и проведении следственных действий, Р.Л. Ахмедшиным отнесенных к поисковым (осмотр места происшествия, обыск, выемка, освидетельствование)¹¹. Их участие обеспечивает силовую поддержку при преодолении препятствий к доступу в помещения реабилитационных центров; психологический эффект внезапности; техническое обеспечение действий; оперативное получение первичных объяснений от находящихся на месте лиц. Перед началом следственного действия функции сотрудников органа дознания строго распределяются: часть обеспечивает безопасность и купирует возможное противодействие, другая — участвует в поисковых мероприятиях и техническом оформлении результатов. Следователь при этом может сосредоточиться на общем руководстве действием и составлении процессуальных документов, что минимизирует риски процессуальных нарушений и ошибок.

Участие сотрудников органа дознания в допросах имеет тактическое значение: обладая оперативной информацией, они могут сориентировать следователя, задать уточняющие вопросы, зафиксировать невербальные признаки дачи ложных показаний. При необходимости выполнения значительного объема следственных действий в сжатые сроки следователь вправе направить в орган дознания поручения о проведении отдельных розыскных и следственных действий в порядке ст. 38 УПК РФ. При проведении экспериментальных действий (проверка показаний на месте, следственный эксперимент, опознание)¹² участие сотрудников может носить

обеспечительный характер (например, конвоирование, обеспечение понятых, транспорта, видеозаписи и др.). Такие обеспечительные действия не входят в круг прямых обязанностей органа дознания. Однако при должной организации взаимодействия следователя и сотрудников органа дознания они являются безусловно полезными для достижения совместной цели — установления всех обстоятельств преступления и доказывания вины конкретных лиц в его совершении. Перегрузка же следователя техническими функциями на этапах подготовки и проведения энергозатратных следственных действий значительно снижает их общее качество и ведет к затягиванию сроков производства по делу.

Таким образом, организационное и тактическое взаимодействие следователя и органов дознания при расследовании похищения и незаконного лишения свободы зависимых лиц базируется на четком разграничении компетенции при сохранении руководящей роли следователя. Взаимодействие традиционно осуществляется в указанных выше процессуальных и непроцессуальных формах. Ключевое значение имеют негласные ОРМ на начальном этапе расследования для установления связей между фигурантами, опровержения их алиби и предупреждения противодействия. Основная сложность доказывания заключается в разграничении законной реабилитационной деятельности и преступных проявлений. Это требует концентрации усилий на доказывании умысла, и взаимодействие органов следствия и дознания решает эту задачу. Эффективность расследования достигается через синхронизацию следственных и оперативно-разыскных мероприятий, законное использование результатов ОРД в доказывании и тщательную подготовку к следственным действиям с участием сотрудников органов дознания. Успешное расследование подобных преступлений возможно лишь при тесной, продуманной и строго законной координации усилий следователя и органов дознания, основанной на едином руководстве, разграничении компетенций и неукоснительном соблюдении принципа законности.

Список литературы

1. Ахмедшин Р.Л. Поисковые следственные действия в системе следственных действий: криминалистический аспект // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 160—166. doi: 10.17223/15617793/399/27.
2. Бахтеев Д.В., Драпкин Л.Я. Взаимодействие следователей с органами дознания и дру-

¹⁰ Уголовное дело № 201328005/32 // Архив отдела по расследованию особо важных дел СУ СК России по Ханты-Мансийскому автономному округу.

¹¹ Ахмедшин Р.Л. Поисковые следственные действия в системе следственных действий: криминалистический аспект // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 160.

¹² Ахмедшин Р.Л. Указ. соч. С. 160.

гими участниками расследования преступлений // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 3. С. 87—96.

3. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Санкт-Петербург: Типография Меркушева, 1908. XXVIII, 1040 с.

4. Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М.: Юридическая литература, 1965. 367 с.

5. Карагодин В.Н. Следователь как руководитель процесса раскрытия преступления // Российский следователь. 2015. № 24. С. 6—9.

6. Тоштемирова Р.Ф., Гаврилов Б.Я. Следователь и руководитель следственного органа: проблемы взаимодействия // Сибирский юридический вестник. 2021. № 1 (92). С. 88—92. doi: 10.26516/2071-8136.2021.1.88.

7. Эксархопуло А.А. Криминалистика в схемах и иллюстрациях: учебное пособие. СПб: Юридический центр Пресс, 2002. 450 с.

References

1. Akhmedshin, R.L. (2015) Poiskovye sledstvennye deystviya v sisteme sledstvennykh deystviy: kriminalisticheskii aspekt [Search actions in the system of investigative actions: a forensic aspect]. *Tomsk State University Journal*, no. 399, pp. 160–166. (In Russ.). doi: 10.17223/15617793/399/27.

2. Bakhteev, D.V., Drapkin, L.Ya. (2017) Vzaimodeystvie sledovateley s organami doznaniya

i drugimi uchastnikami rassledovaniya prestupleniy [Interaction between investigators, inquiry bodies and other members of crimes investigation]. *Electronic supplement to the Russian Juridical Journal*, no. 3, pp. 87–96. (In Russ.).

3. Gross, G. (1908) Rukovodstvo dlya sudebnykh sledovateley kak sistema kriminalistiki [Guide for forensic investigators as a system of forensic science]. Saint Petersburg, Merkushev Printing House, XXVIII, 1040 p. (In Russ.).

4. Zhogin, N.V., Fatkullin, F.N. (1965) Predvaritel'noe sledstvie v sovetskom ugovolnom protsesse [Preliminary investigation in Soviet criminal procedure]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 367 p. (In Russ.).

5. Karagodin, V.N. (2015) Sledovatel' kak rukovoditel' protsessa raskrytiya prestupleniya [Investigator as a manager of crime solving process]. *Rossiyskiy sledovatel'*, no. 24, pp. 6–9. (In Russ.).

6. Toshtemirova, R.F., Gavrilov, B.Ya. (2021) Sledovatel' i rukovoditel' sledstvennogo organa: problemy vzaimodeystviya [Investigator and investigation body supervisor: cooperation problems]. *Siberian Law Herald*, no. 1 (92), pp. 88–92. (In Russ.). doi: 10.26516/2071-8136.2021.1.88.

7. Eksarkhopoulo, A.A. (2002) Kriminalistika v skhemakh i illyustratsiyakh [Criminalistics in diagrams and illustrations]. Manual. Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press, 450 p. (In Russ.).

Информация об авторе

В.В. Сиделев — старший преподаватель кафедры судебно-экспертной и оперативно-разыскной деятельности Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, полковник юстиции.

Information about the author

V.V. Sidelev – Senior lecturer at the Department of Forensic and Operational Investigative Activities of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Colonel of Justice.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 1. С. 92—99.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026, no. 1, pp. 92—99.

УДК 343.985.2:343.143
doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.011

NIIN: 2015-0065-01/26-369
MOSURED: 77/27-010-2026-01-568

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Некоторые особенности тактики допроса свидетеля при расследовании преступлений коррупционной направленности

Виталий Билалуевич Хазизулин^{1, 2}

¹Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Владивосток, Россия, hazizulinvitali@mail.ru

²Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия

Аннотация. В статье приводится понятие коррупции, характерными свойствами которой являются латентность и способность активного противодействия правоохранительным органам. Иллюстрируется вовлечённость в соответствующую противоправную деятельность наделённых публичной властью лиц. Констатируется взаимодействие с ними иных лиц, располагающих определёнными сведениями, имеющими доказательственное значение с точки зрения установления акта коррупции и обстоятельств его сокрытия. Даётся классификация объективных и субъективных факторов, которые необходимо учитывать следователю в целях получения от этих лиц криминалистически значимой информации посредством их допроса. Рассматриваются определённые тактические приёмы, связанные с допросами данных лиц, направленные на установление объективной действительности.

Ключевые слова: коррупция, коррупционер, преступное поведение, сокрытие, преступление, противодействие, свидетель, следователь, показания, криминалистически значимая информация, тактический приём, следственное действие, допрос.

Для цитирования: Хазизулин В.Б. Некоторые особенности тактики допроса свидетеля при расследовании преступлений коррупционной направленности // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 1. С. 92—99. doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.011.

Some features of the tactics of questioning a witness in the investigation of corruption-related crimes

Vitaly B. Khazizulin^{1, 2}

¹Far Eastern Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's
Office of the Russian Federation, Vladivostok, Russia, hazizulinvitali@mail.ru

²Vladivostok State University, Vladivostok, Russia

Abstract. The article provides the concept of corruption, the characteristic properties of which are latency and the ability to actively counter law enforcement agencies. The involvement of persons vested with public authority in the relevant illegal activities is illustrated. It states the interaction with them of other persons who have certain information of evidentiary importance in terms of establishing an act of corruption and the circumstances of its concealment. A classification of objective and subjective factors is given that must be taken into account by the investigator in order to obtain criminally significant information from these persons through their interrogation. Certain tactical techniques related to interrogations of such persons aimed at establishing objective reality are considered.

Keywords: corruption, corrupt official, criminal behavior, concealment, crime, counteraction, witness, investigator, testimony, criminally significant information, tactical technique, investigative action, interrogation.

For citation: Khazizulin, V.B. (2026) Some features of the tactics of questioning a witness in the investigation of corruption-related crimes. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 1, pp. 92—99. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.011.

Введение

В системе государственных мер по противодействию коррупции важное место занимают уголовно-правовые средства борьбы с данным социальным явлением.

Несмотря на существующее мнение, что «уголовное преследование коррупции во всех её известных проявлениях не является средством, сколько-нибудь действенным или эффективным»¹, стоит отметить, что законодательно закреплённая необходимость такого преследования обуславливает совершенствование как частных методик расследования преступлений коррупционной направленности, так и общей методики их расследования. Элементом соответствующей процедуры выступают тактические приёмы проведения отдельных следственных действий.

Каждый способ совершения акта коррупции характеризуется индивидуальными признаками. Однако всем этим актам присущи и общие особенности, к которым, в частности, относятся латентность, обеспечиваемая как участвующими в таких деяниях субъектами, так и скрывающими их лицами.

В случае же вскрытия противоправного поведения наделённого публичной властью лица латентность, как правило, «трансформируется в новую — активную и привносимую форму — в целенаправленное противодействие правоохранительным органам»². Значительную роль в таком противодействии прямо либо косвенно играют связанные с коррупционерами лица, являющиеся носителями значимой информации, касающейся преступного поведения и его сокрытия.

Эффективное взаимодействие следователя с этими лицами с точки зрения получения от них доказательств вины актора коррупции выступает важной составляющей предварительного расследования рассматриваемых преступлений, в связи с чем среди приёмов следственной тактики по анализируемой категории уголовных дел особое место отводится получению вербальной криминалистически значимой информации в процессе допроса соответствующих свидетелей.

¹ Голоскоков Л.В. Коррупция как угроза национальной безопасности // Актуальные проблемы борьбы с коррупцией: материалы всероссийской научно-практической конференции (Москва, 27 октября 2023 г.). М., 2024. С. 43.

² Бочкарёв С.А. Конституционный вердикт коррупции // Журнал российского права. 2025. Т. 29, № 7. С. 20.

Основная часть

Под коррупцией, как определил федеральный законодатель, понимается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами³.

Из данного определения видно, что в коррупцию вовлечены физические лица, имеющие определённое должностное положение, а также иные связанные с ними лица. Они, как подчёркивает Конституционный Суд РФ, «предпринимают меры по сокрытию от контролирурующих органов как самих нарушений, так и приобретенного путём их совершения имущества», используя для этого «властные полномочия и в ряде случаев должностные иммунитеты, а после оставления публично значимой должности — фактическое влияние на деятельность государственных институтов или их должностных лиц (коррупционные связи)»⁴.

Эти обстоятельства уже сами по себе являются основанием для предметных, подробных и всесторонних допросов указанных лиц, которым могут быть известны какие-либо сведения, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, в целях выявления «сущностных признаков коррупции, за счёт которых она бесконечно и успешно мимикрирует»⁵, и дальнейшей их нейтрализации.

В целом в уголовном судопроизводстве допрос свидетеля является одним из традиционных средств установления обстоятельств ушедших в прошлое событий и криминалистически значимой информации.

³ Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СПС КонсультантПлюс. См. ст. 1.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Бочкарёв С.А. Указ. соч. С. 18.

Выделяя данное следственное действие в качестве одного из наиболее распространенных способов получения доказательств, Л.Я. Драпкин и В.Н. Карагодин определяют его суть, которая состоит в получении следователем в установленной уголовно-процессуальной форме показаний допрашиваемого лица «об известных ему обстоятельствах и иных данных, имеющих значение для расследуемого уголовного дела»⁶.

В юридической литературе некоторые авторы рассматривают допрос в качестве наиболее важного следственного действия⁷, также указывая на его распространенность. В этом нет ничего удивительного, ведь ещё в начале прошлого века российский учёный-юрист Г.С. Фельдштейн определял полученные посредством допроса свидетельские показания в качестве «самой важной и серьезной по своей ценности группы доказательств»⁸.

Вместе с тем следственная практика по уголовным делам о коррупционных преступлениях свидетельствует о несколько иной реальности, сопряжённой с производством допроса.

Раскрывая её существо, следует выделить категории лиц, подлежащих допросу в качестве свидетеля по таким делам. К ним, в частности, относятся:

- доверенные, аффилированные, подставные лица, которые вовлечены в коррупционную деятельность, однако не являются её соисполнителями;
- родственники и близкие чиновника или иного лица, которое использует своё должностное положение;
- лица из круга общения коррупционера, в том числе из коррупционной среды его организации, в которой соответствующие преступления воспринимаются с позиции нормы⁹.

⁶ Драпкин Л.Я., Карагодин В.Н. Криминалистика: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 250–252.

⁷ См., напр.: Тенгизова Ж.А., Джумаева Р.Х. Допрос как следственное действие: порядок проведения и отличительные особенности // Теория и практика общественного развития. 2014. № 18. С. 98.

⁸ Фельдштейн Г.С. Лекции по уголовному судопроизводству. М.: Типолитграфия В. Рихтер, 1915. С. 277. Цит. по: Славгородская О.А. Актуальные вопросы тактики допроса свидетелей // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 1 (9). С. 76.

⁹ Мыглан М.В. К вопросу об особенностях установления причин и условий, способствующих совершению хищений бюджетных средств // Материалы криминалистических чтений / под ред. О.В. Кругликовой. Барнаул, 2025. С. 61–62.

Из приведённой классификации видно, что по анализируемым уголовным делам следователь сталкивается с необходимостью допроса лиц, которые тем или иным образом заинтересованы в судьбе привлечённого к ответственности за коррупцию лица и в его имущественном положении. Такое обстоятельство объективно может вызвать определённые затруднения в установлении подлежащих доказыванию обстоятельств, так как очевидно, что эти лица не стремятся к активному и объективному сотрудничеству с должностным лицом, производящим расследование. В результате существенной рекомендацией для допроса обозначенных лиц является учёт следователем мотивов их поведения.

Кроме того, перед производством конкретного следственного действия необходимо быть готовым к сокрытию свидетелем факта расследуемого коррупционного поведения вследствие корпоративных интересов либо иных причин (близких дружеских отношений, профессиональной солидарности, ложно понятой служебной этики и т. п.). Для этого допрашиваемому лицу достаточно использовать специфические термины и описание внешне правильной практической деятельности коррупционера. Например, в области земельных правоотношений, когда расследуется факт незаконного отчуждения из муниципальной собственности земельного участка за взятку муниципальному служащему. При этом его непосредственный начальник, не вовлечённый в коррупционную деятельность, сообщает следователю сведения о правильности действий указанного должностного лица с точки зрения личной их юридической оценки¹⁰.

Субъективные причины для такого поведения свидетеля могут заключаться в его желании помочь подчинённому ему должностному лицу, чтобы скрыть свои кадровые просчёты, некомпетентность, отсутствие контроля за поведением чиновника и т. п.

С другой стороны, по аналогичным причинам допрашиваемый свидетель может, наоборот, «усиливать» вину подчинённого, преподнося себя ответственным и принципиальным сотрудником.

Подобные факты дачи показаний достаточно распространены, что предполагает наличие соответствующей готовности к ним со стороны следователя, исходя из принципа «предупрежден — значит вооружен». Для этого, как пра-

¹⁰ Уголовное дело № 1-135/2024 // Архив Первоуреченского районного суда г. Владивостока. 2024.

вильно пишет А.А. Лебедева, следовательно необходимо установить компетенцию подозреваемого, круг его полномочий и служебных обязанностей. Информацию об этом можно получить, предварительно детально изучив положения, инструкции, договоры и другие нормативные правовые акты, регулирующие деятельность лиц, совершивших нарушения¹¹.

Таким образом, круг лиц, подлежащих допросу по рассматриваемой категории уголовных дел, имеет определённое своеобразие, учитывая характер коррупционных преступлений и лиц, в них вовлечённых. Это важно учитывать при планировании их допросов. При этом следователь должен быть готов к тому, что сведения о факте коррупции и иная сопутствующая информация могут быть сообщены свидетелями в разном объёме и в отличающемся изложении, в том числе с точки зрения их правовой оценки, что может быть обусловлено не только позицией, которую занимает по отношению к следователю допрашиваемое лицо, но и его личными мотивами, которыми оно руководствуется при описании тех или иных обстоятельств.

Кроме того, при производстве рассматриваемого следственного действия необходимо учитывать, что подлежащий допросу свидетель, субъективно осознавая себя в качестве лица, в отношении которого может быть выдвинуто предположение о его причастности к преступлению либо к его сокрытию, может умышленно исказить известные ему факты или сообщать неинформативные сведения.

В данном случае следует помнить, что свидетель на момент его допроса уже мог предпринять действия, направленные на сокрытие факта коррупционного поведения связанного с ним лица. Например, совершил отчуждение нажитого посредством коррупции имущества либо его легализацию¹².

При этом у следователя на момент допроса могут отсутствовать достаточные сведения, дающие основание к обоснованному подозрению в причастности допрашиваемого лица к противоправным действиям коррупционера.

Это обуславливает необходимость исследования механизма коррупционного поведения и его сокрытия для обоснования наличия (отсутствия) коррупционной связи между деянием

виновного лица и установленными обстоятельствами его взаимодействия с допрашиваемым лицом. И здесь, ввиду отсутствия достаточной информации о влиянии такого взаимодействия на акт коррупции либо на его сокрытие, предварительное расследование должно быть нацелено на поиск доказательств, демонстрирующих характер соответствующей связи.

В связи с этим как в процессе допроса свидетеля, так и на всём протяжении производства расследования следователю необходимо производить анализ вновь поступающей к нему криминалистически значимой информации в целях определения её достоверности и истинности для объективного познания ушедшей в прошлое реальности. При этом он должен оценивать различные точки зрения, оформленные в виде показаний отдельных допрошенных лиц, анализировать данные оперативного характера, полученные от органов дознания, иную, в том числе ориентирующую, информацию в целях установления надёжности добытых доказательств. Для этого важно предварительно установить:

- тип допрашиваемого лица (очевидец, участник или иное осведомленное лицо) и источник получения им интересующей следствие информации;
- фактор его заинтересованности в исследуемом событии и его участниках (лица, связанные с коррупционером родственными и дружественными отношениями или каким-либо образом зависимые от них);
- степень его зависимости от исследуемого обстоятельства и от участвовавших в нём лиц (например, по взаимоподчиненному принципу).

Перечисленные обстоятельства в целом определяют тактику допроса указанных лиц и предполагают тщательную подготовку к следственному действию. Особенно актуально это в плане изучения личности допрашиваемого, в том числе посредством использования полномочий органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, которые сопровождают расследование. Это, как отмечают В.А. Образцов и С.Н. Богомолова, позволит следователю выбрать в ходе следственного действия наиболее оптимальную линию своего поведения (стилистику, тактическую и лексическую архитектуру допроса по существу дела и т. п.)¹³.

¹¹ Криминалистика: учебник / под ред. А.И. Бастрыкина, Е.П. Ищенко, Я.В. Комиссаровой. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2024. С. 466.

¹² Уголовное дело № 1-139/2024 // Архив Надеждинского районного суда Приморского края. 2024.

¹³ Образцов В.А., Богомолова С.Н. Допрос потерпевшего и свидетеля на предварительном следствии. М., 2003. С. 13.

Для достижения обозначенной цели необходимо, в частности, предварительно истребовать и изучить детализацию телефонных переговоров подлежащего допросу лица, осуществить их контроль и запись как до его допроса, так и после него, а также произвести обыск в жилище этого лица ещё до получения от него показаний, обосновав данное следственное действие наличием взаимодействия или контактов последнего с коррупционером и, как следствие, возможности скрывать интересующие следствие предметы и документы. При этом важно использовать фактор внезапности, тем самым преодолевая возможное противодействие противоборствующей стороны.

Например, по уголовному делу по обвинению генерального директора подконтрольной двум высокопоставленным чиновникам коммерческой организации П. в легализации полученных посредством коррупции доходов в жилищах всех заинтересованных свидетелей проведены обыски с изъятием мобильных телефонов, планшетов, ноутбуков и иных интересующих следствие предметов и документов. В дальнейшем эти лица были незамедлительно допрошены с использованием полученной посредством обысков криминалистически значимой информации, которая касалась, в частности, конкретных легализованных сумм денежных средств и взаимоотношений между участниками коррупционной деятельности. В конечном итоге такой тактический приём способствовал получению новых доказательств по уголовному делу, изобличающих как преступную деятельность П., так и указанных должностных лиц¹⁴.

Аналогично произведены соответствующие следственные действия по уголовному делу в отношении бывшего главы г. Владивостока Г., обвиняемого во взяточничестве, что позволило уже на первоначальном этапе расследования добыть неопровержимые доказательства его вины¹⁵.

Соответствующие результаты позволяет получить применение тактического приёма одновременного допроса нескольких свидетелей членами следственной группы по заранее согласованному с её руководителем плану, что предполагает предварительную тщательную его разработку.

Кроме того, в процессе допроса конкретного свидетеля следователю надлежит моделировать проводимое им следственное действие, прогно-

зировать возможные ответы допрашиваемого лица на поставленные ему вопросы и, исходя из их содержания, быть готовым к постановке новых вопросов для отображения всей полноты картины устанавливаемых обстоятельств коррупционного деяния.

Фактическое отражение в протоколе допроса субъективных умозаключений свидетеля о причинах и механизме исследуемого коррупционного события вовсе не означает, что в ходе данного следственного действия следователь должен ограничиваться одной лишь фиксацией показаний. Необходимо, чтобы он ставил перед собой и решал сложные мыслительные задачи, связанные с выяснением обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу. В соответствующей ситуации следователь должен действовать целеустремлённо и направлять процедуру допроса в русло выявления действительных обстоятельств коррупционного акта и его последствий, связей его участников и их роли в сокрытии преступления, а также заинтересованности допрашиваемого субъекта в исследуемом событии.

Так, например, в ходе допроса С.Д., являющегося племянником депутата Государственной Думы ФС РФ VII созыва С.С. и открыто покрывающего коррупционную деятельность последнего, следователь намеренно предъявил свидетелю ранее данные им показания и последовательно задал ему пятьдесят четыре различных уточняющих вопроса об обстоятельствах, подлежащих доказыванию. Полученные ответы, раскрывая взаимоотношения участников рассматриваемых общественных отношений, не свидетельствовали о противоправных действиях С.С., однако явно указывали на ложность показаний свидетеля, чему в последующем судом дана надлежащая оценка¹⁶.

При этом важно применять как процессуальные, так и криминалистические приёмы допроса¹⁷. В частности, при достаточной осведом-

¹⁴ Уголовное дело № 1-143/2021 // Архив Дальнегогорского районного суда Приморского края. 2021.

¹⁵ Уголовное дело № 1-107/2023 // Архив Ленинского районного суда г. Владивостока. 2023.

¹⁶ Уголовное дело № 1-144/2021 // Архив Дальнегогорского районного суда Приморского края. 2021; Гражданское дело № 02-0504/2022 // Архив Замоскворецкого суда г. Москвы. 2022; Гражданское дело № 02-2429/2023 // Архив Замоскворецкого суда г. Москвы. 2023.

¹⁷ Подробнее см.: Баянов А.И., Семеновский А.И. Процессуальные и криминалистические приёмы допроса // Материалы криминалистических чтений / под ред. О.В. Кругликовой. Барнаул, 2025. С. 22—23; Хазизулин В.Б. Тактические приёмы получения вербальной криминалистически значимой информации в ходе допроса по делам о преступлениях в сфере здравоохранения // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2025. № 2. С. 128—135.

лётности следователя о деталях коррупционного деяния и обстоятельствах его сокрытия он может сообщить заинтересованному свидетелю соответствующую информацию, что будет способствовать склонению допрашиваемого лица к даче правдивых показаний.

Также следователю надлежит активно использовать объективные доказательства, например, о факте передачи денег или ценностей, зафиксированном посредством оперативно-разыскных мероприятий, либо документы, в которых отражены обстоятельства совершения коррупционных действий, и т. п.

Одновременно нужно помнить, что все предусмотренные ч. 2 ст. 74 УПК РФ¹⁸ доказательства, выступая источником фактических данных, могут быть использованы для преодоления неискренности допрашиваемого свидетеля, дающего ложные или неполные показания. Как правильно подчёркивает А.Б. Соловьев, «в этом отношении нет разницы между вещественным доказательством, заключением эксперта, протоколом следственного действия, иным документом и т. д.»¹⁹. Ведь здесь особым обстоятельством выступает не юридическая роль или процессуальная форма конкретного доказательства, а именно то значение, которое придаёт недобросовестный свидетель предъявляемому в процессе допроса доказательству²⁰. Он же, видя и понимая, что преступление раскрыто и все его обстоятельства известны следователю, может принять решение о кардинальной смене своей позиции по делу.

Кроме того, в обозначенных целях в процессе допроса следователю нужно производить максимальную детализацию излагаемых допрашиваемым лицом сведений с отражением источников, которыми они могут быть подтверждены и проверены. Это позволит использовать имеющиеся противоречия с ранее полученными доказательствами для констатации неправдивости показаний свидетеля, что также может выступить средством убеждения свидетеля быть искренним.

Заключение

В завершение необходимо подчеркнуть, что одной из особенностей расследования коррупции является тот факт, что подозреваемое в со-

вершении соответствующего преступления лицо известно на этапе рассмотрения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Поэтому предварительное, в том числе ещё до начала расследования, установление жизненных или служебных отношений коррупционера с лицами, располагающими криминалистически значимой информацией о его противоправной деятельности, выяснение их психологических особенностей и моральных качеств необходимы для получения правдивых и развернутых свидетельских показаний при расследовании анализируемых преступлений.

В частности, наличие у следователя сведений о слабости волевого контроля допрашиваемого лица, его внушаемости, неспособности к долгосрочному прогнозированию и т. п. даёт возможность использовать эти личностные характеристики для установления и поддержания конструктивной коммуникации со свидетелем в процессе допроса и получения от него объективных показаний.

С другой стороны, предварительно установленная солидарность свидетеля с коррупционером позволяет следователю сфокусировать тактику допроса на фиксации мельчайших деталей события преступления и обстоятельств его сокрытия, что даже в случае отрицания противоправных действий виновного может быть использовано стороной обвинения в качестве соответствующего доказательства.

Так или иначе, но показания свидетелей имеют важное значение для установления сведений о личности виновного лица, образа его жизни, круга знакомых, источников имущественного положения, способов обогащения посредством коррупции, приёмов маскировки преступного поведения, подтверждения фактов легализации незаконно полученных доходов и имущества и пр.

Таким образом, показания свидетеля — важный источник доказательственной информации, который требует детального анализа и критической проверки. Именно поэтому к их получению важно тщательно готовиться, а процесс допроса свидетеля необходимо сопровождать тактическими приёмами, направленными на выявление объективной действительности.

Список литературы

1. Баянов А.И., Семеновский А.И. Процессуальные и криминалистические приёмы допроса // Материалы криминалистических чтений / под ред. О.В. Кругликовой. Барнаул: Барнауль-

¹⁸ Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

¹⁹ Соловьев А.Б. Использование доказательств при допросе. М., 1981. С. 33.

²⁰ Подробнее см.: Комарков В.С. Тактика допроса: учебное пособие. Харьков, 1975. С. 42.

ский юридический институт МВД России, 2025. С. 22—23.

2. Бочкарёв С.А. Конституционный вердикт коррупции // Журнал российского права. 2025. Т. 29, № 7. С. 16—31. doi: 10.61205/jrp.2025.7.2.

3. Голоскоков Л.В. Коррупция как угроза национальной безопасности // Актуальные проблемы борьбы с коррупцией: материалы всероссийской научно-практической конференции (Москва, 27 октября 2023 г.). М.: Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2024. С. 42—48.

4. Драпкин Л.Я., Карагодин В.Н. Криминалистика: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011. 768 с.

5. Комарков В.С. Тактика допроса: учебное пособие. Харьков: Издательство Харьковского юридического института, 1975. 66 с.

6. Криминалистика: учебник / под ред. А.И. Баstryкина, Е.П. Ищенко, Я.В. Комиссаровой. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Проспект, 2024. 544 с.

7. Мыглан М.В. К вопросу об особенностях установления причин и условий, способствующих совершению хищений бюджетных средств // Материалы криминалистических чтений / под ред. О.В. Кругликовой. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2025. С. 61—62.

8. Образцов В.А., Богомоллова С.Н. Допрос потерпевшего и свидетеля на предварительном следствии. М.: Омега-Л: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2003. 160 с.

9. Славгородская О.А. Актуальные вопросы тактики допроса свидетелей // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 1 (9). С. 75—83.

10. Соловьев А.Б. Использование доказательств при допросе. М.: Юридическая литература, 1981. 104 с.

11. Тенгизова Ж.А., Джумаева Р.Х. Допрос как следственное действие: порядок проведения и отличительные особенности // Теория и практика общественного развития. 2014. № 18. С. 98—99.

12. Хазизулин В.Б. Тактические приёмы получения вербальной криминалистически значимой информации в ходе допроса по делам о преступлениях в сфере здравоохранения // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2025. № 2. С. 128—135. doi: 10.54217/2411-1627.2025.48.2.014.

References

1. Bayanov, A.I., Semenovskiy, A.I. (2025) Protsessual'nye i kriminalisticheskie priemy doprosa [Procedural and criminalistic interrogation techniques]. In: Kruglikova, O.V. (ed.) *Materialy kriminalisticheskikh chteniy*. Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, pp. 22—23. (In Russ.).

2. Bochkarev, S.A. (2025) Konstitutsionnyy verdikt korruptsii [The constitutional verdict of corruption]. *Journal of Russian Law*, vol. 29, no. 7, pp. 16—31. (In Russ.). doi: 10.61205/jrp.2025.7.2.

3. Goloskokov, L.V. (2024) Korruptsiya kak ugroza natsional'noy bezopasnosti [Corruption as a threat to national security]. In: *Aktual'nye problemy bor'by s korruptsiyey. Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Moscow, October 27, 2023*. Moscow, Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, pp. 42—48. (In Russ.).

4. Drapkin, L.Ya., Karagodin, V.N. (2011) *Kriminalistika* [Forensic science]. Textbook. 2nd ed. Moscow, Prospekt, 768 p. (In Russ.).

5. Komarkov, V.S. (1975) *Taktika doprosa* [Interrogation tactics]. Textbook. Kharkov, Kharkov Law Institute, 66 p. (In Russ.).

6. Bastrykin, A.I., Ishchenko, E.P., Komissarova, Ya.V. (eds.) (2024) *Kriminalistika* [Forensic science]. Textbook. 2nd ed. Moscow, Prospekt, 544 p. (In Russ.).

7. Myglan, M.V. (2025) K voprosu ob osobennostyakh ustanovleniya prichin i usloviy, sposobstvuyushchikh soversheniyu khishcheniy byudzhetykh sredstv [On the issue of the specifics of establishing the causes and conditions conducive to the commission of embezzlement of budget funds]. In: Kruglikova, O.V. (ed.) *Materialy kriminalisticheskikh chteniy*. Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, pp. 61—62. (In Russ.).

8. Obratstov, V.A., Bogomolova, S.N. (2003) *Dopros potepvshogo i svidetelya na predvaritel'nom sledstvii* [Interrogation of the victim and witness at the preliminary investigation]. Moscow, Omega-L, 160 p. (In Russ.).

9. Slavgorodskaya, O.A. (2016) Aktual'nye voprosy taktiki doprosa svideteley [Current issues in witness interrogation tactics]. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya*, no. 1 (9), pp. 75—83. (In Russ.).

10. Solov'ev, A.B. (1981) *Ispol'zovanie dokazatel'stv pri doprose* [Use of evidence during interrogation]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 104 p. (In Russ.).

11. Tengizova, Zh.A., Dzhumaeva, R.Kh. (2014) *Dopros kak sledstvennoe deystvie: poryadok provedeniya i otlichitel'nye osobennosti* [Interrogation as an investigative action: procedure and distinctive features]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 18, pp. 98–99. (In Russ.).

12. Khazizulin, V.B. (2025) *Takticheskie priemy polucheniya verbal'noy kriminalisticheski*

znachimoy informatsii v khode doprosa po delam o prestupleniyakh v sfere zdravookhraneniya [Tactical techniques for obtaining verbal forensically relevant information in the course of interrogation in cases of healthcare offences]. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 2, pp. 128–135. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2025.48.2.014.

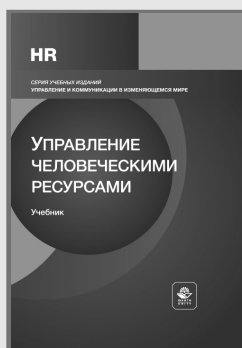
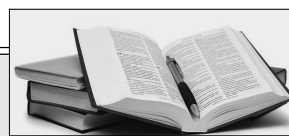
Информация об авторе

В.Б. Хазизулин — заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Института права Владивостокского государственного университета, кандидат юридических наук.

Information about the author

V.B. Khazizulin – Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Far Eastern Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Institute of Law of the Vladivostok State University, Candidate of Law.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Управление человеческими ресурсами. Стратегическая функция менеджмента: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки «Экономика» и «Менеджмент» / под науч. ред. Ю.А. Цыпкина, В.С. Осипова; под общ. ред. Н.Д. Эриашвили, И.В. Грошева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2024. — 423 с.

ISBN 978-5-238-03841-4

Человеческие ресурсы — основа успешной деятельности любого предприятия, организации. В современных условиях управление человеческими ресурсами позволяет обобщить и реализовать целый спектр вопросов адаптации индивида к внешним условиям, учета личностного фактора и т.д.

Рассматриваются проблемы управления человеческими ресурсами, систематизируются аспекты набора, отбора и ориентации работников предприятий и организаций. Особое место занимают вопросы обучения кадров, их профессионального и карьерного продвижения.

Комплексно отражены такие важные темы, как организация труда и контроль за деятельностью кадров и управленцев.

Для студентов, аспирантов и преподавателей экономических специальностей вузов, работников отделов кадров крупных предприятий, рекрутинговых компаний, а также может быть полезно органам государственной службы в их деятельности по подбору специалистов.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 1. С. 100–106.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026, no. 1, pp. 100–106.

УДК 341.645
doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.012

NIION: 2015-0065-01/26-370
MOSURED: 77/27-010-2026-01-569

Научная специальность: 5.1.5. Международно-правовые науки

Эволюция юрисдикции Международного уголовного суда в отношении военных преступлений и преступления агрессии

Юлия Владимировна Пузырева

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва,
Россия, yuliya_dugina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4448-2200>

Аннотация. В статье проведен анализ поправок, внесенных в Римский статут Международного уголовного суда 1998 г., начиная с Кампальской конференции 2010 г. и до настоящего времени, расширяющих его юрисдикцию в отношении таких международных преступлений, как агрессия и военные преступления. Исследованы проблемы правового и политического характера, связанные с переговорным процессом по данным вопросам, а также дана правовая оценка результатам принятых государствами изменений положений Статута.

Изучение в отечественной юриспруденции отдельных вопросов, связанных с правовыми основами деятельности Международного уголовного суда, может быть полезно с точки зрения анализа тенденций по кодификации международных преступлений, а также установления новых юридических фактов, подтверждающих чрезмерное политическое влияние ряда западных государств на работу данного органа международной уголовной юстиции.

Ключевые слова: Международный уголовный суд, Римский статут Международного уголовного суда, международные преступления, военные преступления, агрессия, вооруженные конфликты, Кампальские поправки, фрагментация юрисдикции.

Для цитирования: Пузырева Ю.В. Эволюция юрисдикции Международного уголовного суда в отношении военных преступлений и преступления агрессии // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 1. С. 100–106. doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.012.

Evolution of the jurisdiction of the International Criminal Court with respect to war crimes and the crime of aggression

Yuliya V. Puzyreva

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow,
Russia, yuliya_dugina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4448-2200>

Abstract. This article analyzes the amendments made to the 1998 Rome Statute of the International Criminal Court, beginning with the 2010 Kampala Conference and continuing to the present, expanding its jurisdiction over international crimes such as aggression and war crimes. It examines the legal and political issues associated with the negotiation process on these issues, and provides a legal assessment of the results of the amendments to the Statute's provisions adopted by states.

A study of specific issues related to the legal foundations of the International Criminal Court in domestic jurisprudence may be useful for analyzing trends in the codification of international crimes, as well as identifying new legal facts confirming the excessive political influence of a number of Western states on the work of this international criminal justice body.

Keywords: International Criminal Court, Rome Statute of the International Criminal Court, international crimes, war crimes, aggression, armed conflicts, Kampala Amendments, fragmentation of jurisdiction.

For citation: Puzyreva, Yu.V. (2026) Evolution of the jurisdiction of the International Criminal Court with respect to war crimes and the crime of aggression. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 1, pp. 100–106. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.012.

В 1998 г. на Дипломатической конференции в Риме был принят Римский статут Международного уголовного суда (далее Статут), учредивший первый постоянный, независимый орган международного уголовного правосудия. Как отмечал в тот исторический период Г.И. Богуш, «в идее создания Международного уголовного суда воплощены многовековые стремления человечества к справедливому миропорядку, невозможному без наказуемости тяжких преступлений, посягающих на основы человеческой цивилизации»¹.

Согласно положениям Статута Международный уголовный суд (далее Суд, МУС) обладает комплементарной юрисдикцией в отношении преступлений, вызывающих озабоченность всего мирового сообщества: геноцида, преступлений против человечности, военных преступлений и агрессии (ст. 5). Начиная с 2010 г. существенные изменения в содержательной части договора коснулись понятия и элементов таких международных преступлений, как агрессия и военные преступления. Проанализируем эволюцию данных положений.

Агрессия. В 1998 г. в Риме государства-участники на основе компромисса договорились включить в Статут преступление агрессии с условием «отложенной юрисдикции» МУС в отношении данного преступного деяния до тех пор, пока не будет достигнуто согласие между государствами по определению и условиям осуществления такой юрисдикции². Положения Статута в данном вопросе были доработаны в 2010 г. по итогу первой конференции по обзору действия Римского статута³ (далее Кампальская конференция, Конференция), проходившей в Кампале (Уганда), что привело к принятию определения агрессии в новой ст. 8 bis⁴ и выработке пра-

вил юрисдикции в отношении данного преступления в двух случаях: при обращении в Суд государства — участника Статута или по инициативе со стороны прокурора Суда (ст. 15 bis), а также при осуществлении расследования по решению Совета Безопасности ООН (ст. 15 ter)⁵. При этом в указанных статьях были заложены условия (см. комментарий в сноске) осуществления Судом юрисдикции в отношении преступления агрессии, существенно отличающиеся от юрисдикционных возможностей Суда в отношении трех других международных преступлений, закрепленных в Статуте⁶.

Кроме того, на Кампальской конференции государства-участники решили, что реальная возможность осуществления Судом юрисдикции в отношении агрессии должна быть отложена до тех пор, пока Кампальские поправки не ратифицируют или не примут по меньшей мере 30 государств (п. 2 ст. 15 bis, п. 2 ст. 15 ter Статута), а также до тех пор, пока государства-члены не примут решение об активации юрисдикции таким же большинством голосов государств-участников, какое требуется для принятия поправки к Статуту (п. 3 ст. 15 bis, п. 3 ст. 15 ter Статута).

В 2017 г. на заседании Ассамблеи государств — участников Статута МУС⁷ была принята резолюция, вводящая в действие юрисдикцию Суда в отношении преступления агрессии с 17 июля 2018 г.⁸ Однако при этом на обсужде-

¹ Цит. по: Котляров И.И., Пузырева Ю.В. 10 лет Международному уголовному суду // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 6. С. 141.

² Глотова С.В. Юрисдикция Международного уголовного суда в отношении преступления агрессии // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2017. Т. 2, № 4. С. 45—53; Кибальник А.Г. Преступление агрессии: обманутые ожидания международного уголовного права // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 2. С. 303.

³ Согласно ч. 1 ст. 123 Статута, «по истечении семи лет после вступления в силу настоящего Статута Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций созывает Конференцию по обзору для рассмотрения любых поправок к настоящему Статуту».

⁴ Ст. 8 bis определяет преступление агрессии как «планирование, подготовку, инициирование или осуществление лицом, которое в состоянии эффективно осуществлять контроль или руководить политическими или военными действиями государства, акта агрессии».

⁵ Конференция основывалась в определении преступления агрессии на резолюции 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. Что касается осуществления юрисдикции Судом, Конференция согласилась с тем, что ситуация, в которой, по всей видимости, имел место акт агрессии, может быть передана на рассмотрение Суда Советом Безопасности ООН, действующим в соответствии с главой VII Устава ООН, независимо от того, участвуют ли в ней государства-участники или государства, не являющиеся участниками. Кроме того, признавая роль Совета Безопасности в определении наличия акта агрессии, Конференция согласилась уполномочить прокурора при отсутствии такого определения начинать расследование по собственной инициативе или по запросу государства-участника. Однако для этого прокурор должен получить предварительное разрешение от отдела досудебного разбирательства Суда. Кроме того, при таких обстоятельствах Суд не будет обладать юрисдикцией в отношении преступлений агрессии, совершенных на территории государств, не являющихся участниками Статута, а также применительно к государствам-участникам, заявившим, что они не признают юрисдикцию Суда в отношении преступления агрессии. См.: ICC — Review Conference of the Rome Statute concludes in Kampala // International Criminal Court. URL: <https://asp.icc-cpi.int/reviewconference/pressreleaserc/review-conference-of-the-rome-statute-concludes-in-kampala> (accessed November 15, 2025).

ние был вынесен серьезный вопрос о том, как гармонизировать условия юрисдикции Суда по агрессии (особенно в пп. 4, 5 ст. 15 bis Статута) с правилами о юрисдикции Суда в отношении иных международных преступлений в соответствии со ст. 12 Статута с тем, чтобы установить юрисдикционные рамки, единообразно применяемые ко всем основным международным преступлениям, и предотвратить правовую фрагментацию путем включения в Статут единого унифицированного стандарта юрисдикции. По итогам заседания Ассамблеи государств — участников Статута решения по данному сложному и дискуссионному вопросу принято не было.

В 2025 г. на повестку специальной сессии Ассамблеи государств — участников Статута по пересмотру поправок, касающихся преступления агрессии⁹, вновь было вынесено предложение о доработке положений Статута в части его юрисдикции, подготовленное межрегиональной группой государств (Коста-Рика, Германия, Сьерра-Леоне, Словения и Вануату)¹⁰. Чтобы устранить возникший юрисдикционный пробел, было предложено заменить пп. 4, 5 ст. 15 bis Статута теми же юрисдикционными правилами, которые применяются к другим международным преступлениям, и ввести эти поправки посредством реализации п. 4 ст. 121 и п. 5 ст. 121 Статута¹¹. В сущностном значении ре-

форма затрагивает именно те положения Статута, которые создают пробел в юрисдикции Суда. Они не ставят под сомнение ценные процессуальные гарантии, предусмотренные в пп. 6—9 ст. 15 bis. Кроме того, на рассмотрение специальной сессии Ассамблеи государств — участников Статута был представлен проект итоговой резолюции, разъясняющей взаимосвязь между предлагаемыми поправками о гармонизации юрисдикции Суда и более ранними изменениями в договор от 2010 г.

Переговоры в рамках специальной сессии шли в напряженном режиме, поскольку ряд наиболее активных государств (Франция, Канада, Япония, Великобритания, Новая Зеландия и др.) выступили с инициативой отложить вопрос о гармонизации положений Статута в части юрисдикции на неопределенный срок. Самым противоречивым было поведение делегации США, пытавшейся предотвратить любое расширение юрисдикции Суда посредством распространения угрожающих заявлений всем государствам-участникам перед началом специальной сессии.

Поправки, касающиеся юрисдикции Суда по преступлению агрессии, в итоге приняты не были, поскольку более 20 государств — участников Статута не присутствовали на заключительном заседании, что не позволило набрать 2/3 голосов, необходимых для принятия поправки в соответствии с ч. 3 ст. 121 Статута. Кроме того, многие государства-участники не захотели нарушать консенсус. Тем не менее на заключительном пленарном заседании была принята резолюция, закрепляющая решение о продолжении работы над вопросом по юрисдикции Суда в отношении преступления агрессии, гармонизации его положений в данном вопросе и повторном проведении сессии в 2029 г.¹²

Не без иронии необходимо отметить, что три западные державы, постоянные члены Совета Безопасности ООН — Франция, Великобритания и США, которые внесли решающий вклад в международную универсальную криминализацию агрессии, стали скептически относиться к международному преследованию за это преступление в рамках международной уголовной юстиции. Стремление этих государств к удер-

⁶ Глотова С.В. Преступление агрессии: некоторые правовые проблемы определения в Нюрнбергском уставе и Римском статуте Международного уголовного суда // Московский журнал международного права. 2017. № 2 (106). С. 92—94.

⁷ Ассамблея государств-участников является руководящим надзорным и законодательным органом МУС и состоит из представителей государств, ратифицировавших Статут или присоединившихся к нему.

⁸ Кресс К. О приведении в действие юрисдикции МУС в отношении преступления агрессии // Международное правосудие. 2018. № 2 (26). С. 77—89.

⁹ Special session on the review of the amendments on the crime of aggression: 7 to 9 July 2025 — United Nations, New York, United States // International Criminal Court. URL: <https://asp.icc-cpi.int/sessions/documentation/special-session-2025> (accessed November 15, 2025).

¹⁰ Предлагаемые поправки были представлены на основании ч. 1 ст. 121 Статута, которая позволяет любому государству-участнику предлагать поправки к Статуту МУС по истечении семи лет с момента его вступления в силу. Что ещё более важно, это предложение было представлено в контексте обязательного пересмотра поправок об агрессии через семь лет после начала осуществления Судом своей юрисдикции, как это было предпринято государствами-участниками в Кампале в 2010 г.

¹¹ McDougall C. Expanding the ICC's jurisdiction over the crime of aggression // Journal of International Criminal Justice. 2024. Vol. 22, no. 3-4. P. 543—564.

¹² ICC-ASP/S-1/Res.1. The review of the amendments on the crime of aggression: adopted at the 5th plenary meeting, on 9 July 2025, by consensus // International Criminal Court. URL: https://asp.icc-cpi.int/sites/default/files/asp_docs/ICC-ASP-S-1-Res.1-ENG.pdf (accessed November 15, 2025).

жанию вопроса о юрисдикции Суда за агрессию в «серой зоне» международно-правового регулирования, вероятнее всего, выражает скрытую обеспокоенность тем, что их собственное руководство может однажды оказаться под юрисдикцией Суда, если реформа будет принята.

Военные преступления. Перечень преступных деяний, имеющих отношение к военным преступлениям, закреплен в ст. 8 Статута и связан с серьезными нарушениями Женевских конвенций от 12 августа 1949 г., другими серьезными нарушениями законов и обычаев, применимых в международном вооруженном конфликте, а также нарушениями ст. 3, общей для четырех Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. для ситуаций вооруженного конфликта, не носящего международного характера, и другими серьезными нарушениями законов и обычаев, применимых в вооруженных конфликтах немеждународного характера¹³.

Результаты Кампальской конференции 2010 г. привели к принятию первой в истории поправки к Статуту, которая внесла изменения в ст. 8 о военных преступлениях посредством расширения юрисдикции Суда на незаконное использование в вооруженных конфликтах немеждународного характера запрещенных средств ведения войны для международных вооруженных конфликтов. Поправка не вызвала особых споров среди государств, поскольку предлагаемая формулировка и сопутствующие элементы преступлений уже фигурировали в ст. 8 применительно к международным вооруженным конфликтам. В соответствии с Резолюцией RC/Res.5 к утвержденному ранее перечню противоправных деяний, являющихся военными преступлениями в ситуациях вооруженных конфликтов немеждународного характера, добавились следующие положения: «Дополнить пункт 2(е) статьи 8 следующим текстом: (xiii) применение яда или отравленного оружия; (xiv) применение удушающих, ядовитых или других газов и всех аналогичных жидкостей, материалов или устройств; (xv) использование пуль, которые легко расширяются или сплюсчиваются в теле человека, таких как пули с твердой оболочкой, которая не полностью закрывает сердцевину или имеет надрезы»¹⁴. В целом эта поправка яви-

лась частью более масштабной работы по сокращению и устранению различий между защитой, предоставляемой во время международных и немеждународных вооруженных конфликтов.

Однако следует отметить, что на Конференции государствам не удалось прийти к консенсусу по включению в ст. 8 Статута дополнительных поправок, расширяющих юрисдикцию Суда на случаи незаконного применения современного и более опасного оружия массового поражения (ядерного и биологического), а также ослепляющего лазерного оружия и противопехотных мин¹⁵. Вне правовых рамок осталась также проблема запрета голода как незаконного метода ведения военных действий для ситуаций вооруженных конфликтов немеждународного характера.

Второй этап расширения перечня военных преступлений применительно как к международным вооруженным конфликтам, так и к конфликтам немеждународного характера произошел по итогам заседания Ассамблеи государств — участников Статута МУС в 2017 г. Так, в соответствии с принятой Резолюцией ICC-ASP/16/Res.4¹⁶ в Статут были включены новые составы военных преступлений: применение оружия, в котором используются микробные или другие биологические агенты или токсины, независимо от их происхождения или метода производства, — ст. 8 (2) (b) (xxvii) и ст. 8 (2) (e) (xvi); применение оружия, основным действием которого является ранение осколками, которые в организме человека не поддаются обнаружению рентгеновскими лучами, — ст. 8 (2) (b) (xxviii) и ст. 8 (2) (e) (xvii); применение лазерного оружия, в качестве единственной боевой функции или одной из боевых функций которого специально разработана возможность вызвать постоянную слепоту, — ст. 8 (2) (b) (xxix) и ст. 8 (2) (e) (xviii).

На Ассамблее вновь был рассмотрен вопрос о введении уголовной ответственности за использование противопехотных мин, однако предложение не получило достаточной поддержки и

¹³ Троицкий Н.С. Современное доктринальное понимание термина «военные преступления» // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 1. С. 134.

¹⁴ Resolution RC/Res.5. Amendments to article 8 of the Rome Statute: adopted at the 12th plenary meeting, on 10 June 2010, by consensus // International Criminal Court. URL: https://asp.icc-cpi.int/sites/asp/files/asp_docs/Resolutions/RC-Res.5-ENG.pdf (accessed November 15, 2025).

¹⁵ Богуш Г.И. Обзорная конференция по Римскому статуту: новые горизонты международного уголовного правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 5 (78). С. 88.

¹⁶ Resolution ICC-ASP/16/Res.4. Resolution on amendments to article 8 of the Rome Statute of the International Criminal Court: adopted at the 12th plenary meeting, on 14 December 2017, by consensus // International Criminal Court. URL: https://asp.icc-cpi.int/sites/asp/files/asp_docs/Resolutions/ASP16/ICC-ASP-16-Res4-ENG.pdf (accessed November 15, 2025).

было отклонено, в том числе по ряду политических мотивов.

Очередное развитие положений ст. 8 о военных преступлениях произошло по итогам заседания Ассамблеи государств — участников Статута в 2019 г. с принятием резолюции, наконец-то признавшей голод как запрещенный метод ведения войны для ситуаций вооруженных конфликтов немеждународного характера. Так в ст. 8 (2) (е) (хix) Статута была внесена следующая поправка, расширяющая спектр военных преступлений для данного типа конфликтов: «Умышленное использование голода среди гражданского населения в качестве метода ведения войны путем лишения его предметов, необходимых для выживания, включая умышленное препятствование доставке гуманитарной помощи»¹⁷.

Парадоксально, но с момента принятия Статута в ст. 8 была предусмотрена норма об уголовной ответственности за использование голода только в условиях международных вооруженных конфликтов. Долгое время это правовое упущение применительно к другому типу конфликтов оставалось незамеченным. Вместе с тем большинство случаев голода связаны с происходящими в настоящее время немеждународными вооруженными конфликтами (Йемен, Сирия, Южный Судан, Нигерия, Сомали, Палестина и др.). Кроме того, в 2018 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию 2417 (2018), в которой решительно осудил использование голода в качестве метода ведения войны и незаконное препятствование гуманитарному доступу и лишение гражданских лиц предметов первой необходимости для выживания, признав их нарушениями международного гуманитарного права. Данное решение главного органа ООН позитивным образом отразилось на позициях государств — членов МУС по дальнейшему реформированию Статута.

Остается под вопросом проблема криминализации в качестве военного преступления использования противопехотных мин, которые каждый год уносят жизни сотней людей, подорвавшихся на них, а значительное число неразорвавшихся мин калечат ничего не подозревающих беженцев, возвращающихся домой после

боевых действий, миротворцев, наблюдающих за линией прекращения огня, и простое гражданское население, случайно сталкивающееся с последствиями военных действий. По данным мониторинга Международной кампании по запрещению наземных мин, в период с 2022 по 2023 г. число жертв от использования этого вида оружия и неразорвавшихся боеприпасов выросло на 22 %, при этом 84 % зарегистрированных жертв, о статусе которых было известно, составляли гражданские лица, и более трети из них — дети¹⁸. Случаи применения противопехотных мин зафиксированы в Иране, Северной Корее, Мьянме, Колумбии, а также в странах, расположенных в регионе Сахель в Африке или граничащих с ним, — Бенине, Буркина-Фасо, Камеруне, Демократической Республике Конго, Мали, Нигере и Нигерии и в других государствах.

При этом на фоне таких негативных тенденций в последние годы наблюдается кампания по выходу государств из Конвенции о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении 1997 г. (Оттавская конвенция). Так, например, в июне 2025 г. Литва, Латвия и Эстония совместно уведомили государства — члены ООН о выходе из данного договора по соображениям формирования устойчивой региональной оборонной коалиции в рамках НАТО¹⁹. Аналогичные действия предприняли Финляндия и Польша. В июле 2025 г. Украина сообщила депозитарию Оттавской конвенции о своем решении приостановить действие данного договора. Из анализа представленных фактов следует, что формируемая государствами за пределами МУС геополитическая повестка будет иметь прямое влияние на реформирование Статута в аспекте расширения его юрисдикции за отдельные военные преступления: если применение конкретного средства ведения военных действий будет значимо для отдельных государств в целях укрепления оборонной политики и обеспечения защиты такого государства и его населения, то данное средство максимально долго не будет входить в повестку Ассамблеи государств — членов МУС при очередном раз-

¹⁷ Resolution ICC-ASP/18/Res.5. Resolution on amendments to article 8 of the Rome Statute of the International Criminal Court: adopted at the 9th plenary meeting, on 6 December 2019, by consensus // International Criminal Court. URL: https://asp.icc-cpi.int/sites/asp/files/asp_docs/ASP18/ICC-ASP-18-Res5-ENG.pdf (accessed November 15, 2025).

¹⁸ Landmine Monitor. 2024. 26th Annual edition. Geneva: International Campaign to Ban Landmines, 2024.

¹⁹ Convention President statement regarding States Parties' withdrawal. 28.06.2025 // Convention on the Prohibition of the Use, Stockpiling, Production and Transfer of Anti-Personnel Mines and on Their Destruction. URL: <https://www.apminebanconvention.org/en/news/article/statement> (accessed November 15, 2025).

решении вопроса о внесении поправок в ст. 8 Статута.

Подводя общие итоги в статье, следует отметить следующие важные моменты. Изучение эволюции положений Статута МУС в части расширения его юрисдикции за преступление агрессии и военные преступления позволяет прийти к выводу о поэтапном развитии процесса кодификации международных преступлений в рамках одного договора — Статута, стремящегося стать универсальным стандартом в сфере международной уголовной юстиции. С другой стороны, тенденции последних лет, касающиеся выхода из Статута отдельных государств, отсутствие среди участников новых государств, критика Суда и результатов его деятельности не позволят данному договору и учрежденному на его основе Суду стать в ближайшей или отдаленной перспективе эталонами в вопросе отправления беспристрастного международного правосудия в ситуациях совершения международных преступлений. Кроме того, детальное изучение эволюции внесения поправок в Статут в части юрисдикции Суда за военные преступления позволяет прийти к выводу, что все анализируемые изменения были приняты не ради актуализации его положений, а для того, чтобы устранить пробелы, допущенные в 1998 г. на этапе согласования учредительного договора о МУС. Затянувшиеся переговорные процессы по поправкам в Статут в части агрессии и их половинчатые результаты являются закономерным проявлением политики двойных стандартов, проводимой отдельными западными государствами, а также подчеркивают наиболее уязвимые положения по преступлению агрессии в самом Статуте, учитывая, что данное деяние было включено в юрисдикцию Суда в 1998 г. в самый последний момент в качестве компромиссной меры с отложенным мандатом на дальнейшие переговоры.

Таким образом, изучение в отечественной юриспруденции отдельных вопросов, связанных с правовыми основами деятельности МУС, полезно с точки зрения отслеживания тенденций по кодификации международных преступлений, а также получения новых убедительных аргументов, позволяющих квалифицировать Суд как политизированный инструмент западных государств, используемый для обеспечения их собственных геополитических интересов.

Список литературы

1. Богуш Г.И. Обзорная конференция по Римскому статуту: новые горизонты междуна-

родного уголовного правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 5 (78). С. 87—95.

2. Глотова С.В. Преступление агрессии: некоторые правовые проблемы определения в Нюрнбергском уставе и Римском статуте Международного уголовного суда // Московский журнал международного права. 2017. № 2 (106). С. 87—96. doi: 10.24833/0869-0049-2017-2-106-87-96.

3. Глотова С.В. Юрисдикция Международного уголовного суда в отношении преступления агрессии // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2017. Т. 2, № 4. С. 45—53.

4. Кибальник А.Г. Преступление агрессии: обманутые ожидания международного уголовного права // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 2. С. 300—310. doi: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).300-310.

5. Котляров И.И., Пузырева Ю.В. 10 лет Международному уголовному суду // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 6. С. 141—146.

6. Кресс К. О приведении в действие юрисдикции МУС в отношении преступления агрессии // Международное правосудие. 2018. № 2 (26). С. 77—89. doi: 10.21128/2226-2059-2018-2-77-89.

7. Лобанов С.А. Нормативные и институциональные основы уголовной ответственности за военные преступления: международно-правовое исследование: монография. М.: Юрайт, 2024. 382 с.

8. Троицкий Н.С. Современное доктринальное понимание термина «военные преступления» // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 1. С. 132—137. doi: 10.37493/2409-1030.2020.1.17.

9. McDougall C. Expanding the ICC's jurisdiction over the crime of aggression // Journal of International Criminal Justice. 2024. Vol. 22, no. 3-4. P. 543—564. doi: 10.1093/jicj/mqae042.

10. Schabas W.A. The International Criminal Court: A Commentary on the Rome Statute. 2nd ed. Oxford, UK: Oxford University Press, 2016. xci, 1589 p.

References

1. Bogush, G.I. (2010) Obzornaya konferentsiya po Rimskomu statutu: novye gorizonty mezhdunarodnogo ugovnogo pravosudiya [Review conference on the Rome Statute: new horizons of international criminal justice]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 5, pp. 87—95. (In Russ.).

2. Glotova, S.V. (2017) Prestuplenie agressii: nekotorye pravovye problemy opredeleniya v Nyurnbergskom ustave i Rimskom statute Mezhdunarodnogo ugovornogo suda [Crime of aggression: some legal issues of the definition in the Nuremberg Statute and Rome Statute of International Criminal Court]. *Moscow Journal of International Law*, no. 2, pp. 87–96. (In Russ.). doi: 10.24833/0869-0049-2017-2-106-87-96.

3. Glotova, S.V. (2017) Yurisdiksiya Mezhdunarodnogo ugovornogo suda v otnoshenii prestupleniya agressii [Jurisdiction of the International Criminal Court with regard to the crime of aggression]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, vol. 2, no. 4, pp. 45–53. (In Russ.).

4. Kibalnik, A.G. (2019) Prestuplenie agressii: obmanutye ozhidaniya mezhdunarodnogo ugovornogo prava [Crime of aggression: deceptive expectations of international criminal law]. *Russian Journal of Criminology*, vol. 13, no. 2, pp. 300–310. (In Russ.). doi: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).300-310.

5. Kotlyarov, I.I., Puzyreva, Yu.V. (2012) 10 let Mezhdunarodnomu ugovornomu sudu [International Criminal Court: 10 years]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, no. 6, pp. 141–146. (In Russ.).

6. Kress, K. (2018) O privedenii v deystvie yurisdiktsii MUS v otnoshenii prestupleniya agressii [On the activation of ICC jurisdiction over the crime of aggression]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 2, pp. 77–89. (In Russ.). doi: 10.21128/2226-2059-2018-2-77-89.

7. Lobanov, S.A. (2024) Normativnye i institutsional'nye osnovy ugovornoj otvetstvennosti za voennye prestupleniya: mezhdunarodno-pravovoe issledovanie [Normative and institutional foundations of criminal liability for war crimes: international legal research]. Monograph. Moscow, Urait, 382 p. (In Russ.).

8. Troitskiy, N.S. (2020) Sovremennoe doktrinal'noe ponimanie termina “voennye prestupleniya” [Contemporary doctrinal understanding of the term “war crimes”]. *Humanities and Law Research*, no. 1, pp. 132–137. (In Russ.). doi: 10.37493/2409-1030.2020.1.17.

9. McDougall, C. (2024) Expanding the ICC's jurisdiction over the crime of aggression. *Journal of International Criminal Justice*, vol. 22, no. 3-4, pp. 543–564. doi: 10.1093/jicj/mqae042.

10. Schabas, W.A. (2016) The International Criminal Court: A Commentary on the Rome Statute. 2nd ed. Oxford, UK, Oxford University Press, xci, 1589 p.

Информация об авторе

Ю.В. Пузырева — ученый секретарь диссертационного совета 03.2.006.01 Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

Yu.V. Puzyreva – Scientific Secretary of the Dissertation Council 03.2.006.01 of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Law, Associate Professor.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 1. С. 107–115.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026, no. 1, pp. 107–115.

УДК 343.3
doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.013

NIION: 2015-0065-01/26-371
MOSURED: 77/27-010-2026-01-570

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Пробелы уголовного законодательства о преступлениях, связанных с фейкингом и дискредитацией деятельности Вооруженных Сил и государственных органов Российской Федерации

Максим Борисович Киселев

Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева,
Москва, Россия, maksim.kiselev.80@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются пробелы и структурные недостатки предусмотренных ст. 207.3 и 280.3 УК РФ уголовно-правовых норм о преступлениях, связанных с распространением заведомо ложной и дискредитирующей информации о деятельности Вооруженных Сил и государственных органов Российской Федерации. Предлагаются направления законодательного совершенствования.

Ключевые слова: статьи 207.3 и 280.3 УК РФ, распространение ложной информации, дискредитация, Вооруженные Силы, государственные органы, совершенствование законодательства.

Научный руководитель: Я.Н. Ермолович, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, доцент.

Для цитирования: Киселев М.Б. Пробелы уголовного законодательства о преступлениях, связанных с фейкингом и дискредитацией деятельности Вооруженных Сил и государственных органов Российской Федерации // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 1. С. 107–115. doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.013.

Gaps in criminal legislation on crimes related to dissemination of fake information and discrediting the activities of the Armed Forces and government agencies of the Russian Federation

Maxim B. Kiselev

Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Moscow,
Russia, maksim.kiselev.80@mail.ru

Abstract. The article examines gaps and structural defects in criminal law provisions concerning the dissemination of deliberately false and discrediting information about the Armed Forces and government agencies of the Russian Federation, as provided for in Articles 207.3 and 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article proposes directions for legislative improvement.

Keywords: Articles 207.3 and 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, dissemination of false information, discrediting, Armed Forces, government agencies, improvement of legislation.

Research supervisor: Ya.N. Ermolovich, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Doctor of Law, Associate Professor.

For citation: Kiselev, M.B. (2026) Gaps in criminal legislation on crimes related to dissemination of fake information and discrediting the activities of the Armed Forces and government agencies of the Russian Federation. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 1, pp. 107–115. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.013.

В 2022—2023 гг. российский законодатель сформировал самостоятельный блок уголовно-правовых запретов в сфере распро-

странения информации о деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, добровольческих формирований и государственных органов, дополнив УК РФ ст. 207.3 и 280.3, а также введя корреспондирующую норму адми-

© Киселев М.Б., 2026

нистративной ответственности — ст. 20.3.3 КоАП РФ¹.

Действующая редакция ч. 1 ст. 207.3 УК РФ предусматривает ответственность за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные:

- об использовании российских Вооруженных Сил в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности;
- исполнении российскими государственными органами своих полномочий за пределами территории России в указанных целях;
- оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на российские Вооруженные Силы или войска национальной гвардии.

Квалифицированные составы (ч. 2 и 3) усугубляют повышенную ответственность за совершение деяния при наличии специальных признаков (использование служебного положения; группа лиц, группа лиц по предварительному сговору или организованная группа; искусственное создание доказательств обвинения; корыстные побуждения; мотивы политической или иной ненависти; тяжкие последствия).

В свою очередь, ч. 1 ст. 280.3 УК РФ содержит уголовно-правовой запрет публичных действий (в том числе публичного распростране-

ния информации), направленных на дискредитацию:

- использования Вооруженных Сил Российской Федерации в упомянутых выше целях;
- исполнения российскими государственными органами своих полномочий за пределами территории страны в тех же целях;
- оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на российские Вооруженные Силы или войска национальной гвардии.

Ключевым элементом данной нормы является административная преюдиция: уголовная ответственность наступает при совершении лицом деяния в течение одного года после привлечения его к ответственности по ст. 20.3.3 КоАП РФ.

В ч. 2 ст. 280.3 УК РФ, предусматривающей повышенную уголовную ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию деятельности вышеперечисленных субъектов, совершенные из корыстных побуждений или по найму, а равно повлекшие ряд тяжких последствий, регламентирован фактически самостоятельный состав преступления, вменение которого не требует условия административной преюдиции.

Будучи своевременной реакцией государства на изменения в военно-политической и информационной обстановке и затрагивая такой конституционный институт, как свобода выражения мнения, данные новеллы активно обсуждаются в доктрине уголовного права. При этом, признавая в целом социальную обусловленность введения уголовно-правовых запретов, доктрина выделяет и ряд проблемных вопросов их правоприменения, дефектов конструкций соответствующих уголовно-правовых предписаний².

В научной литературе справедливо указывается, что в главе 29 и ряде иных глав УК РФ содержится значительное число составов преступлений, предусматривающих ответствен-

¹ Федеральные законы от 04.03.2022 № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и № 31-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»; от 25.03.2022 № 63-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и № 62-ФЗ «О внесении изменений в статьи 8.32 и 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»; от 18.03.2023 № 58-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и № 57-ФЗ «О внесении изменений в ст. 13.15 и 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»; от 25.12.2023 № 641-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и № 640-ФЗ «О внесении изменений в ст. 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС КонсультантПлюс.

² См., например: Афанасьева С.И. Правовое обеспечение информационной безопасности в связи с проведением специальной военной операции // Союз криминалистов и кримиологов. 2023. № 3. С. 9–17; Голикова А.В., Ковлагина Д.А. Изменения уголовного законодательства и тренды российской уголовной политики в условиях специальной военной операции // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16, № 7. С. 205–213; Луценко Е.П. Уголовная ответственность за фейки по действующему законодательству // Право и управление. 2022. № 10. С. 145–149.

ность за распространение разнообразной деструктивной информации, при этом соответствующие нормы размещены в разных разделах УК РФ и формулируются разными юридико-техническими приемами, что затрудняет их системное толкование и разграничение, создавая предпосылки для конкуренции и произвольного выбора квалификации³.

Применительно к рассматриваемой тематике данная проблема отмечается как в соотношении составов различных фейков — ст. 207.1, 207.2 и 207.3 УК РФ, так и в соотношении непосредственно составов ст. 207.3 и 280.3 УК РФ, имеющих предметом информацию о деятельности Вооруженных Сил, добровольческих формирований и государственных органов⁴.

При этом существенный дефект законодательной техники рассматриваемых норм связан с использованием в их конструкциях оценочных категорий.

Классическим примером доктринально спорного оценочного признака выступает термин «дискредитация», лежащий в основе диспозиций ст. 280.3 УК РФ и ст. 20.3.3 КоАП РФ, но не имеющий легального определения. В результате содержание этого признака выводится из лингвистических и комплексных экспертиз, а также из сложившейся судебной практики, что, по замечанию исследователей, повышает риск расширительного толкования и подмены уголовно-правовых критериев лингвистическими оценками⁵.

Неоднозначность терминологии вообще следует рассматривать как один из устойчивых дефектов языка Особенной части УК РФ, способный порождать различные по содержанию правоприменительные подходы при идентичном фактическом поведении. В отношении ст. 207.3 и 280.3 УК РФ эта проблема усугубляется использованием в смежных нормах разных, частично пересекающихся терминов: «заведомо ложная информация» и «дискредитация», «публичное распространение» и «публичные действия».

При всей интенсивности дискурса о фейках, понятие «фейк» не нашло отражения в феде-

ральном законодательстве, тогда как исследователи, сопоставляя категории «заведомо ложная информация» и «фейк», указывают на отсутствие нормативных критериев, позволяющих отличить уголовно наказуемую ложь от иных форм недостоверной или частично неполной информации, а также от допустимой публичной оценки деятельности органов власти⁶.

Очевидным пробелом конструкции ст. 207.3 УК РФ является то, что она охватывает ложную информацию об исполнении государственными органами РФ своих полномочий только «за пределами территории Российской Федерации». Аналогичная территориальная оговорка присутствует и в ст. 280.3 УК РФ применительно к дискредитации исполнения полномочий государственных органов.

В результате ложная информация либо дискредитирующие высказывания о реализации полномочий тех же органов власти на территории Российской Федерации (например, в связи с обеспечением безопасности или мобилизационными мероприятиями) оказываются в меньшей степени охвачены специальными составами, чем сообщения об их зарубежной деятельности, что справедливо оценивается в литературе как нелогичное с точки зрения охраняемого объекта.

В данной связи ранее нами предложено распространить действие ст. 207.3 и 280.3 УК РФ на информацию о деятельности российских государственных органов по защите интересов страны и ее граждан, обеспечению международного мира и безопасности в пределах территории Российской Федерации, устранив неоправданный «территориальный пробел»⁷.

На этапе введения в УК РФ ст. 207.3, 280.3 в 2022 году в них не упоминались войска национальной гвардии, в связи с чем фактически деятельность Росгвардии оказывалась менее защищенной от фейкинга и дискредитации, чем деятельность Вооруженных Сил. Впоследствии законодатель дополнил нормы указанием на

³ Лопашенко Н.А. Основные итоги реформирования уголовного законодательства в 2022 г.: аналитический обзор // Lex russica. 2023. Т. 76, № 4 (197). С. 115—135.

⁴ Стяжкина С.А. Уголовная ответственность за информационное насилие: проблемы криминализации и систематизации // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2024. Т. 34, № 4. С. 722—728.

⁵ Гребенской П.А. Актуальные проблемы дискредитации Вооруженных Сил Российской Федерации (ст. 280.3 УК РФ) // Вестник экономики и права. 2024. № 97. С. 46—51.

⁶ Чинова Е.С. Проблемы разграничения заведомо ложной информации и оценочных суждений при квалификации преступлений по статье 207.3 УК РФ // Теория и практика общественного развития. 2025. № 9. С. 211—216.

⁷ Киселев М.Б. Распространение в условиях специальной военной операции фейковой информации о российских Вооруженных Силах, добровольческих формированиях и государственных органах и их дискредитация как формы политического экстремизма // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 3. С. 160.

содействие добровольческих формирований в выполнении задач, возложенных на войска национальной гвардии Российской Федерации, тем самым частично нивелировав данный дефект. Тем не менее регулирование остается фрагментарным в отношении иных субъектов силового блока и специальных служб, которые прямо не поименованы в диспозициях ст. 207.3 и 280.3 УК РФ (например, отдельных подразделений, участвующих в обеспечении безопасности, но формально не относящихся к Вооруженным Силам и войскам Росгвардии).

При анализе конструкции ч. 1 ст. 207.3 УК РФ обращает на себя внимание ее формальный характер: диспозиция нормы не содержит прямого указания на то, что распространяемая заведомо ложная информация должна носить дискредитирующий или порочащий характер. В этой связи теоретически под действие нормы подпадают и заведомо ложные сведения «позитивного» содержания, искажающие действительность в пользу российских Вооруженных Сил, добровольческих формирований или государственных органов.

В доктрине отмечается, что лицо, стремясь поддержать Вооруженные Силы Российской Федерации и распространяя приукрашенную, но заведомо ложную информацию (например, о масштабах успехов или отсутствии потерь), с формальной точки зрения также реализует объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ, поскольку норма не связывает наказуемость с негативным воздействием на репутацию соответствующих институтов. Это противоречит декларируемой цели обеспечения информационной безопасности и порождает возможность несоразмерной уголовно-правовой реакции⁸.

Решением видится дополнение диспозиции ст. 207.3 УК РФ указанием на общественно опасный (в том числе дискредитирующий или вводящий в заблуждение общественность относительно законности и правомерности деятельности Вооруженных Сил и государственных органов) характер заведомо ложной информации либо ограничение сферы действия нормы информацией, распространение которой может причинить существенный вред охраняемым интересам.

⁸ Чугунов А.А., Власенко Е.Р. Уголовная ответственность за дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации и исполнения государственными органами своих полномочий // Вестник экономической безопасности. 2024. № 2. С. 159—163.

Здесь уместно напомнить, что в годы Великой Отечественной войны предусмотренная Указом Президиума Верховного Совета СССР от 06.07.1941 уголовная ответственность за распространение в военное время ложных слухов наступала только в случаях распространения ложной информации, «возбуждающей или могущей возбудить тревогу у населения», что подлежало оценке в каждом конкретном случае в зависимости от содержания слухов, места, времени и среды их распространения⁹.

Дефектом является и отсутствие нормативных критериев разграничения фактических сведений, поддающихся проверке на истинность/ложность, и оценочных суждений, мнений, которые по своей природе не могут быть признаны «заведомо ложными». Это затрудняет отграничение ст. 207.3 УК РФ от иных составов и создает риск квалификации резкой политической критики как уголовно наказуемого распространения фейков.

Отдельная проблематика, на которую обращается внимание в доктрине, связана с оценкой публичности распространения информации¹⁰.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» содержится разъяснение только понятия публичных призывов как выраженных в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств) обращений к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности, при этом вопрос о публичности должен разрешаться с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела¹¹.

Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 30.04.2020 ориентирует суды на признание публичным распространения заведомо ложной информации в случаях ее доведения до сведения группы лиц или неограниченного круга лиц в любой доступной для них форме (например, в устной, письмен-

⁹ Меньшагин В.Д. Преступления против обороны СССР. М., 1946. С. 108—109.

¹⁰ Дулькина Л.В. Судебное понимание признака публичности распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил и деятельности государственных органов Российской Федерации // Общество и право. 2023. № 3 (85). С. 46—49.

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // СПС КонсультантПлюс.

ной, с использованием технических средств)¹². При этом публичный характер распространения может проявляться в использовании для этого средств массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе мессенджеров, в массовой рассылке электронных сообщений абонентам мобильной связи, обращении к другим лицам путем выступления на собрании, митинге, распространения листовок, вывешивания плакатов и т. п.

С учетом указанных судебных разъяснений не возникает вопросов при установлении признака публичности в случаях обращения распространителя информации к общественности (публике), то есть персонально не определенному кругу лиц, в том числе в сети Интернет, совершения рассматриваемых деяний в общественных местах в присутствии посторонних лиц.

К примеру, по делу С., осужденной по п. «д» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ, публичность деяния выразилась в размещении подсудимой, являющейся публичным лицом — блогером, деятельность которого вызывает повышенный интерес общества, заведомо ложной информации в своем телеграм-канале, доступ к которому имеет неограниченный круг пользователей сети Интернет¹³.

Согласно приговору в отношении Ш., обвиняемого по ч. 1 ст. 280.3 УК РФ, публичность действий, направленных на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации, квалифицирована судом исходя из совершения деяния в общественном месте — на территории автовокзала, в присутствии ранее незнакомых подсудимому лиц¹⁴.

Вместе с тем анализ судебной практики по ст. 207.3, 280.3 УК РФ свидетельствует, что суды нередко признают публичным распространение сведений в мессенджерах, социальных

сетях и иных цифровых средах даже при относительной ограниченности и замкнутости аудитории, совершение соответствующих действий в присутствии небольших групп ранее знакомых лиц, в том числе имеющих доверительные отношения и связанных общностью интересов.

Так, по делу В., осужденной по п. «д» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ, судом признано публичным сообщение ложных сведений пяти членам ячейки незарегистрированной религиозной организации, в том числе ее супругу, во время заседания данной ячейки, в которой состоит и подсудимая, по месту жительства одного из прихожан организации¹⁵.

Согласно приговору в отношении К., обвиняемого по ч. 1 ст. 207.3 УК РФ, публичность распространения ложных сведений выразилась в распространении военнотружущим не соответствующей действительности информации в присутствии четырех его сослуживцев по месту жительства одного из них¹⁶.

Очевидно, что уголовно-правовые запреты, предусмотренные ст. 207.3, 280.3 УК РФ, призваны предотвратить опасность подрыва авторитета Вооруженных Сил и государственных органов Российской Федерации, дестабилизации общественно-политической обстановки в стране в результате распространения заведомо ложной и дискредитирующей информации о деятельности указанных государственных институтов. В связи с этим публичность данных деяний видится, прежде всего, как обращенность информации к неопределенному кругу лиц (направленность действий на неопределенный круг лиц). Именно в этом проявляется высокая общественная опасность массового, открытого и гласного распространения среди неопределенного круга лиц заведомо ложной и дискредитирующей информации, могущего повлечь возникновение паники, страха, беспокойства, тревоги среди населения, беспорядков, саботажа мобилизационных и иных государственных мероприятий, дезорганизации деятельности органов государственной власти и военного управления, предприятий и организаций.

¹² Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2: утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30.04.2020 // СПС КонсультантПлюс.

¹³ Приговор Останкинского районного суда г. Москвы от 23.01.2025 по делу № 1-42/2025 // Архив Останкинского районного суда г. Москвы.

¹⁴ Приговор Коминтерновского районного суда г. Воронежа по ч. 1 ст. 280.3 УК РФ от 19.06.2024 по делу № 1-484/2024 // Архив Коминтерновского районного суда г. Воронежа.

¹⁵ Приговор Мелитопольского межрайонного суда Запорожской области от 15.08.2024 по делу № 1-433/2024 // Архив Мелитопольского межрайонного суда Запорожской области.

¹⁶ Приговор 35 гарнизонного военного суда от 05.09.2022 по делу № 1-27/2022 // Архив 35 гарнизонного военного суда.

Полагаем, что между публичной и непубличной коммуникацией применительно к ст. 207.3 и 280.3 УК РФ должна быть проведена последовательная граница, в связи с чем понятие публичности для целей применения рассматриваемых норм нуждается в легальном определении, в том числе через критерий потенциальной доступности неограниченному кругу лиц, количественные и качественные параметры аудитории.

Ключевые отличия для разграничения рассматриваемых составов преступлений заключаются в том, что ст. 207.3 УК РФ охватывает случаи распространения именно заведомо ложной информации и не требует наличия признака дискредитации, а ст. 280.3 УК РФ устанавливает ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию, при этом достоверность или ложность сведений, распространяемых в результате совершения соответствующих публичных действий, в диспозиции прямо не упоминается¹⁷.

Однако в реальных ситуациях ложная информация обычно одновременно имеет и дискредитирующий характер, а отрицательные оценки нередко строятся на фактических утверждениях. В результате правоприменитель сталкивается с конкуренцией норм без достаточных законодательных ориентиров, а выбор статьи может определяться усмотрением органов предварительного расследования и суда, что представляет собой избыточную дискретность.

Предусмотренная ч. 1 ст. 280.3 УК РФ конструкция административной преюдиции служит инструментом дифференциации ответственности, однако одновременно порождает и проблемы, в том числе связанные:

- с коллизиями при множественности эпизодов, совершенных в короткий промежуток времени, когда часть из них квалифицируется как административные правонарушения, а часть как преступления;
- зависимостью уголовно-правовой оценки от сроков и качества административного производства, что рассматривается в доктрине как фактор правовой неопределенности.

В данной связи представляется целесообразным подробно нормативно регламентировать

параметры административной преюдиции для целей применения ч. 1 ст. 280.3 УК РФ, в том числе требования к характеру ранее совершенного правонарушения и срокам его учета.

Также следует отметить, что правоприменительная практика по ст. 207.3 УК РФ фактически ориентирует суды на признание официальных сообщений уполномоченных органов по интересующим событиям, фактам основным критерием истины.

К примеру, по делу Э., осужденного по п. «д» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ, судом установлено, что из публикаций официального сайта Минобороны России подсудимому было достоверно известно о ложности распространяемой им информации о совершении военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации в ходе специальной военной операции преступлений против мирного населения Украины¹⁸.

Согласно приговору в отношении К., обвиняемого по ч. 1 ст. 207.3 УК РФ, доказательством ложности распространенных сведений о деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации послужили сведения, содержащиеся в ежедневных сводках Минобороны России и на официальном сайте «Российской газеты»¹⁹.

Вместе с тем нельзя исключать того, что официальная информация государственных органов по конкретному событию, факту, связанному с деятельностью Вооруженных Сил Российской Федерации, может быть ошибочной, противоречивой, неточной либо может быть неправильно истолкована адресатами или не поспевать за быстрым изменением оперативной обстановки в зоне использования Вооруженных Сил Российской Федерации²⁰.

¹⁸ Приговор Уржумского районного суда Кировской области от 27.11.2023 по делу № 1-68/2023 // Архив Уржумского районного суда Кировской области.

¹⁹ Приговор Чухломского районного суда Костромской области от 29.12.2023 по делу № 1-50/2023 // Архив Чухломского районного суда Костромской области.

²⁰ См., например: В Госдуме описали некоторые брифинги Минобороны словами «хоть стой, хоть падай» // Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/news/2022/10/25/stoy_paday/ (дата обращения: 16.03.2026); Валькова И. Купянск: дважды взятый и снова под вопросом. Как «красивые доклады» расходятся с реальностью фронта // Пронедра. URL: <https://pronedra.ru/kupyansk-dvazhdy-vzyatyj-i-snova-pod-voprosom-kak-krasivye-doklady-rashodyatsya-s-realnostyu-fronta-807884.html> (дата обращения: 16.03.2026).

¹⁷ Вишневецкий К.В., Кашкаров А.А., Кашкаров А.А. К вопросу о содержании объективных признаков преступлений, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ и ст. 280.3 УК РФ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 12. С. 141—149.

В этой связи полагаем необходимым установление четких критериев разграничения заведомо ложной информации и добросовестного заблуждения по делам о преступлениях рассматриваемой категории, разъяснение Верховным Судом Российской Федерации вопросов о допустимых источниках и стандартах доказывания ложности сведений, о соотношении ст. 207.3 и 280.3 УК РФ с конституционными гарантиями свободы выражения мнения и запрета цензуры.

В целом систематизируя доктринальные выводы и собственный анализ, можно предложить следующие направления совершенствования уголовного законодательства о преступлениях, связанных с фейкингом и дискредитацией деятельности российских Вооруженных Сил и государственных органов:

1. *Расширение предметной сферы составов, предусмотренных ст. 207.3 и 280.3 УК РФ.* Представляется целесообразным устранить нелогичный «территориальный пробел», распространив действие рассматриваемых уголовно-правовых норм на соответствующие деяния в сфере информации о деятельности государственных органов по защите интересов Российской Федерации и ее граждан, обеспечению международного мира и безопасности, осуществляемых в пределах территории Российской Федерации.

2. *Легальное определение ключевых понятий.* В целях единообразного правоприменения следует рассмотреть вопрос о даче нормативных определений термина «дискредитация» применительно к ст. 280.3 УК РФ и ст. 20.3.3 КоАП РФ, а также понятия «заведомо ложная информация» применительно к ст. 207.3 УК РФ, зафиксировав критерии, отличающие уголовно наказуемые фейки от иных форм распространения недостоверной информации и оценочных суждений.

3. *Уточнение объективной стороны состава, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ.* В данной части обоснованным видится ограничение сферы действия ст. 207.3 УК РФ заведомо ложной информацией, способной причинить существенный вред охраняемым интересам (например, подорвать доверие к конституционным институтам, вызвать массовые беспорядки, создать угрозу безопасности), либо введение признака общественно опасного характера ложной информации (включая дискредитирующий эффект) с исключением из состава формально безвредных и заведомо преувеличенно положительных сообщений.

4. *Установление легальных критериев разграничения фактов и оценочных суждений.* В целях защиты свободы выражения мнения целесообразно прямо указать, что действие ст. 207.3 УК РФ не распространяется на оценочные суждения, мнения и убеждения, не претендующие на статус достоверного сообщения о фактах, отразив это в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации и установив критерии отграничения фактов от оценок по делам о распространении заведомо ложной информации.

5. *Совершенствование модели административной преюдиции в ст. 280.3 УК РФ.* Представляется оправданным рассмотреть вопрос о четкой детализации в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации условий наступления уголовной ответственности по ч. 1 ст. 280.3 УК РФ, включая требования к характеру ранее совершенного административного правонарушения и срокам его учета.

Таким образом, криминализация распространения ложной и дискредитирующей информации о деятельности Вооруженных Сил и государственных органов Российской Федерации по защите национальных интересов является значимым элементом современной уголовно-правовой политики, направленной на обеспечение национальной безопасности в условиях возрастающих информационных угроз. Вместе с тем анализ законодательных конструкций уголовно-правовых норм, предусмотренных ст. 207.3, 280.3 УК РФ, свидетельствует о наличии затрудняющих правоприменение пробелов и дефектов законодательной техники.

К числу наиболее значимых из них относятся: ограниченный исполнением полномочий за рубежом охват деятельности государственных органов, оценочный характер ключевых понятий («дискредитация», «заведомо ложная информация»), отсутствие в ст. 207.3 УК РФ указания на общественно опасный характер ложных сведений, сложность разграничения фактов и оценочных суждений, а также противоречивость модели административной преюдиции в контексте ст. 280.3 УК РФ.

Реализация предложенных в настоящей статье направлений совершенствования позволила бы придать правовому регулированию в сфере противодействия фейкингу и дискредитации Вооруженных Сил и государственных органов Российской Федерации большую определенность и предсказуемость, снизить риски произвольного толкования норм, обеспечить более устой-

чивый баланс между публичными интересами и конституционными гарантиями свободы выражения мнения, укрепить доверие к уголовному закону как инструменту справедливого и пропорционального реагирования на общественно опасные деяния.

Список литературы

1. Афанасьева С.И. Правовое обеспечение информационной безопасности в связи с проведением специальной военной операции // *Союз криминалистов и криминологов*. 2023. № 3. С. 9—17. doi: 10.31085/2310-8681-2023-3-212-9-17.
2. Вишневецкий К.В., Кашкаров А.А., Кашкаров А.А. К вопросу о содержании объективных признаков преступлений, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ и ст. 280.3 УК РФ // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2024. № 12. С. 141—149. doi: 10.24412/2220-2404-2024-12-3.
3. Голикова А.В., Ковлагина Д.А. Изменения уголовного законодательства и тренды российской уголовной политики в условиях специальной военной операции // *Пробелы в российском законодательстве*. 2023. Т. 16, № 7. С. 205—213.
4. Гребенской П.А. Актуальные проблемы дискредитации Вооруженных Сил Российской Федерации (ст. 280.3 УК РФ) // *Вестник экономики и права*. 2024. № 97. С. 46—51.
5. Дулькина Л.В. Судебное понимание признака публичности распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил и деятельности государственных органов Российской Федерации // *Общество и право*. 2023. № 3 (85). С. 46—49.
6. Киселев М.Б. Распространение в условиях специальной военной операции фейковой информации о российских Вооруженных Силах, добровольческих формированиях и государственных органах и их дискредитация как формы политического экстремизма // *Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации*. 2024. № 3. С. 155—161. doi: 10.54217/2588-0136.2024.41.3.022.
7. Лопашенко Н.А. Основные итоги реформирования уголовного законодательства в 2022 г.: аналитический обзор // *Lex russica*. 2023. Т. 76, № 4 (197). С. 115—135. doi: 10.17803/1729-5920.2023.197.4.115-135.
8. Луценко Е.П. Уголовная ответственность за фейки по действующему законодательству // *Право и управление*. 2022. № 10. С. 145—149. doi: 10.24412/2224-9125-2022-10-145-149.

9. Меньшагин В.Д. Преступления против обороны СССР: учебное пособие для слушателей ВЮА КА. М.: РИО ВЮА КА, 1946. 127 с.

10. Стяжкина С.А. Уголовная ответственность за информационное насилие: проблемы криминализации и систематизации // *Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право*. 2024. Т. 34, № 4. С. 722—728. doi: 10.35634/2412-9593-2024-34-4-722-728.

11. Чижова Е.С. Проблемы разграничения заведомо ложной информации и оценочных суждений при квалификации преступлений по статье 207.3 УК РФ // *Теория и практика общественного развития*. 2025. № 9. С. 211—216. doi: 10.24158/tipor.2025.9.26.

12. Чугунов А.А., Власенко Е.Р. Уголовная ответственность за дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации и исполнения государственными органами своих полномочий // *Вестник экономической безопасности*. 2024. № 2. С. 159—163. doi: 10.24412/2414-3995-2024-2-159-163.

References

1. Afanasyeva, S.I. (2023) Pravovoe obespechenie informacionnoj bezopasnosti v svjzi s provedeniem special'noj voennoj operacii [Legal provision of information security in connection with the special military operation]. *Union of Criminalists and Criminologists*, no. 3, pp. 9—17. (In Russ.). doi: 10.31085/2310-8681-2023-3-212-9-17.
2. Vishneveckij, K.V., Kashkarov, A.A., Kashkarov, A.A. (2024) K voprosu o soderzhanii ob'ektivnyh priznakov prestuplenij, predusmotrennyh st. 207.3 UK RF i st. 280.3 UK RF [On the issue of the content of objective elements of crimes provided for in Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, no. 12, pp. 141—149. (In Russ.). doi: 10.24412/2220-2404-2024-12-3.
3. Golikova, A.V., Kovlagina, D.A. (2023) Izmeneniya ugovolnogo zakonodatel'stva i trendy rossijskoj ugovolnoj politiki v usloviyah special'noj voennoj operacii [Changes in criminal legislation and trends in Russian criminal policy in the context of the Special Military Operation]. *Gaps in Russian Legislation*, vol. 16, no. 7, pp. 205—213. (In Russ.).
4. Grebenskoj, P.A. (2024) Aktual'nye problemy diskreditacii Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii (st. 280.3 UK RF) [Current problems of discrediting Armed Forces of the Russian Federation (Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation)].

Russian Federation)]. *Vestnik ekonomiki i prava*, no. 97, pp. 47–51. (In Russ.).

5. Dul'kina, L.V. (2023) Sudebnoe ponimanie priznaka publichnosti rasprostraneniya zavedomo lozhnoj informacii ob ispol'zovanii Vooruzhennyh Sil i dejatel'nosti gosudarstvennyh organov Rossijskoj Federacii [Judicial understanding of the sign of publicity of the dissemination of deliberately false information about the use of the Armed Forces and the activities of state bodies of the Russian Federation]. *Society and Law*, no. 3, pp. 46–49. (In Russ.).

6. Kiselev, M.B. (2024) Rasprostranenie v usloviyakh special'noj voennoj operacii fejkovoj informacii o rossijskih Vooruzhennyh Silah, dobrovol'cheskih formirovaniyakh i gosudarstvennyh organah i ih diskreditacija kak formy politicheskogo ekstremizma [Dissemination of fake information about the Russian Armed Forces, volunteer formations and government bodies under the conditions of a special military operation and their discrediting as a form of political extremism]. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 3, pp. 155–161. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2024.41.3.022.

7. Lopashenko, N.A. (2023) Osnovnye itogi reformirovaniya ugolovnogo zakonodatel'stva v 2022 g.: analiticheskij obzor [The main results of criminal law reform in 2022: an analytical review]. *Lex russica*, vol. 76, no. 4, pp. 115–135. (In Russ.). doi: 10.17803/1729-5920.2023.197.4.115-135.

8. Lutsenko, E.P. (2022) Ugolovnaj otvetstvennost' za feyki po dejstvuychemu ugolovnomu zakonodatel'stvu [Criminal liability for fakes

under the current criminal legislation]. *Law and Management*, no. 10, pp. 145–149. (In Russ.). doi: 10.24412/2224-9125-2022-10-145-149.

9. Menshagin, V.D. (1946) Prestupleniya protiv oborony SSSR [Crimes against the defense of the USSR]. Textbook. Moscow, Red Army Military Law Academy, 127 p. (In Russ.).

10. Stjashkina, S.A. (2024) Ugolovnaya otvetstvennost' za informacionnoe nasilie: problemy kriminalizacii i sistematizacii [Criminal liability for information violence: problems of criminalization and systematization]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ekonomika i pravo*, vol. 34, no. 4, pp. 722–728. (In Russ.). doi: 10.35634/2412-9593-2024-34-4-722-728.

11. Chizhova, E.S. (2025) Problemy razgraniicheniya zavedomo lozhnoj informacii i ochenochnyh suzhenij pri kvalifikacii prestuplenij po stat'e 207.3 UK RF [Problems of distinguishing knowingly false information and value judgments in the qualification of crimes under Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Theory and Practice of Social Development*, no. 9, pp. 211–216. (In Russ.). doi: 10.24158/tipor.2025.9.26.

12. Chugunov, A.A., Vlasenko, E.R. (2024) Ugolovnaya otvetstvennost' za diskreditaciju ispol'zovaniya Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii i ispolneniya gosudarstvennymi organami svoih polnomochij [Criminal liability for discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation and the execution of their powers by state bodies]. *Bulletin of economic security*, no. 2, pp. 159–163. (In Russ.). doi: 10.24412/2414-3995-2024-2-159-163.

Информация об авторе

М.Б. Киселев — аспирант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, руководитель аналитического отдела организационно-статистического управления Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, полковник юстиции.

Information about the author

M.B. Kiselev – Postgraduate student at the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Head of the Analytical Department of the Organization and Statistics Department of the Main Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation, Colonel of Justice.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 1. С. 116—124.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026, no. 1, pp. 116–124.

УДК 343.77 + 343.58
doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.014

NIION: 2015-0065-01/26-372
MOSURED: 77/27-010-2026-01-571

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Сравнительно-правовое исследование обеспечения охраны животного мира по уголовному законодательству Российской Федерации и Республики Индия

Ольга Владимировна Матвейчук

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия,
9199934191@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9210-2076>

Аннотация. В статье представлен компаративистский анализ уголовно-правовых подходов к охране животных по уголовному законодательству Российской Федерации и Республики Индия. Соотнесены общие подходы к определению преступности и наказуемости данных деяний. Выделен специфический подход индийского законодателя к охране животных посредством закрепления специальных законов общегосударственного действия, а также активного применения судебных precedентов в качестве норм права, одновременно с полным отсутствием соответствующих преступлений против животных в новом УК Индии 2023 г. Обозначены перспективные направления реформирования отечественного уголовного закона, практики его применения, иных правовых актов, охраняющих животных, на основе изученного индийского законодательства.

Ключевые слова: экологические преступления, животные, уголовно-правовая охрана животных, жестокое обращение, гармонизация уголовного законодательства, БРИКС, Индия.

Научный руководитель: А.А. Чистяков, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, доктор юридических наук, профессор.

Для цитирования: Матвейчук О.В. Сравнительно-правовое исследование обеспечения охраны животного мира по уголовному законодательству Российской Федерации и Республики Индия // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 1. С. 116—124. doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.014.

Comparative legal study of ensuring the protection of wildlife under the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of India

Olga V. Matveychuk

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia,
9199934191@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9210-2076>

Abstract. The article presents a comparative analysis of criminal law approaches to animal welfare under the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of India. The general approaches to the definition of criminality and the criminality of these acts are correlated. The article highlights the specific approach of the Indian legislator to animal protection through the consolidation of special laws of national effect, as well as the active application of judicial precedents as norms of law, while at the same time there is a complete absence of relevant crimes against animals in the new Criminal Code of India in 2023. Promising areas of reform of the domestic criminal law, the practice of its application, and other legal acts protecting animals based on the studied Indian legislation are outlined.

Keywords: environmental crimes, animals, criminal protection of animals, abuse, harmonization of criminal legislation, BRICS, India.

Scientific supervisor: A.A. Chistyakov, Professor of the Department of Penal Law, Criminal Litigation and Forensic Science at the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Doctor of Law, Professor.

For citation: Matveychuk, O.V. (2026) Comparative legal study of ensuring the protection of wildlife under the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of India. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 1, pp. 116–124. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.014.

Введение. Российская Федерация на сегодняшний день стоит на пороге беспрецедентного укрепления внутренней и внешней безопасности, потребность в котором обусловлена многочисленностью разноплановых вызовов и угроз. Внутренняя экологическая безопасность, будучи имманентной составляющей безопасности нашей страны, как никогда требует повышенного внимания, поскольку ее нарушение существенным образом сказывается на общем развитии государства, а потери природных ресурсов порой оказываются невосполнимыми. В этой связи в Российской Федерации проводится единая государственная политика, направленная на предотвращение и ликвидацию внутренних и внешних вызовов и угроз экологической безопасности¹. Одним из необходимых компонентов окружающей природной среды являются животные², жизнь, здоровье и нормальное популяционное развитие которых выступают предметами особой государственной заботы и правовой охраны.

Среди инструментария правовой охраны животных центральное место отведено уголовному законодательству, которое определяет преступность деяний против животных и содержит наиболее строгий из всех известных юридический подход к их наказуемости. Вместе с тем, как и любой правовой институт, уголовная ответственность за посягательства на экологию, включая животных, и практика его реализации требуют определенного реформирования, модернизации и совершенствования. На это обращают внимание многие современные исследователи³, и это во многом обусловлено меняющимися общественными отношениями, которым подчинен уголовный закон, пересмотром законодательных подходов к оценке ценности животных и их отдельных видов, наконец, геополитическими событиями, происходящими в мире, затрагивающими животный мир, как транснациональное мировое явление. Однако такое ре-

формирование должно быть не хаотичным, а иметь социально обусловленную природу, с опорой на использование в том числе передового опыта ведущих зарубежных стран. К тому же ни одно современное государство не способно в одиночку решать экологические проблемы⁴, что неизбежно ставит вопрос о конструктивной гармонизации как организационных, так и правовых подходов.

Ввиду сказанного представляет научный интерес законодательный опыт Республики Индия (далее — Индия), имеющей общую с Российской Федерацией платформу для взаимодействия и обмена опытом в формате БРИКС, а также весьма перспективные направления в области охраны животного мира для их возможной имплементации в отечественное уголовное законодательство и совершенствование практики его применения.

Основная часть. Для Индии с древнейших времен характерна особая этика уважения к животным. Во все времена граждане Индии проявляли трепетное отношение к ценности животного, полагая, что оно наделено душой. Такой подход логичным образом нашел свое воплощение как в судебных постановлениях по соответствующим делам, так и в кодифицированных нормах индийского права, прямо запрещающих множество деяний, направленных против нормального существования представителей животного мира.

Главенствующий конституционный принцип охраны животных закреплен в п. (g) ст. 51А Конституции Республики Индии от 26 ноября 1949 г., согласно которому обязанностями каждого гражданина Индии являются «защита и улучшение естественной природной среды, включая леса, озера, реки и живую природу, и сострадание к живым существам»⁵. В изначальной редакции Конституции Индии таких обязанностей предусмотрено не было. Они появились в 1976 г. и были обусловлены необходимостью соблюдения Индией ратифицированной Стокгольмской декларации по проблемам окружающей человека среды, принятой 5—16 июня 1972 г., что поспособствовало дальнейшему развитию индийского экологического законодатель-

¹ О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 17, ст. 2546.

² Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ: в ред. от 26 декабря 2024 г. № 497-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2, ст. 133; 2024. № 53, ч. 1, ст. 8507.

³ См., например: Кузнецова Н.И. Компенсационная функция уголовного права на примере экологических преступлений // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2025. № 1 (43). С. 79—81.

⁴ Пирожкова И.Г., Попов А.М. Право на благоприятную окружающую среду: историко-правовой аспект // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2022. № 4 (38). С. 111.

⁵ The Constitution of India // India Code. URL: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/19632/1/the_constitution_of_india.pdf (accessed March 5, 2026).

ства⁶. Это привело не только к формированию прецедентной позиции о наделении животных правами, подобно правам людей⁷, но и признанию их «„физическими лицами” с соответствующим правовым статусом»⁸, а также позволило с течением времени сформировать уникальный подход в области защиты животных, который по некоторым направлениям существенно отличается от того, что используется в российском праве.

В первую очередь отметим, что, в отличие от отечественного, в индийском законодательстве установлена ответственность за убийство священных животных, к числу которых отнесены коровы и слоны⁹. В частности, «в 20 из 28 штатов Индии убий коров и телят запрещен, и это уголовно наказуемое преступление, за которое полиция может арестовать без ордера»¹⁰. Установлена презумпция виновности в жестоким обращении с данными животными, что подтверждается наличием тела или части тела мертвой коровы (теленка) у лица, подозреваемого в совершении указанного преступления. Исключения составляют лишь случаи, когда официально получено разрешение на убий такого животного по медицинским показаниям. В качестве наказания предусматривается тюремное заключение¹¹, что является весьма строгой мерой ответственности. Более того, в 2017 г. Высший суд индийского штата Раджастан вынес вердикт, рекомендовав ужесточить наказание за убийство коровы с трех лет заключения до пожизненного¹². В этом проявляется одна из глав-

ных особенностей подхода Индии к охране животных, согласно которой обеспечена полноценная возможность применения судебных прецедентов в качестве источников права¹³. Здесь мы наблюдаем существенное отличие индийского уголовно-правового подхода от того, который использует российский законодатель.

Судебный прецедент в Российской Федерации не применим, а учет позиции судов по тем или иным спорным вопросам квалификации и использования норм уголовного закона возможен только посредством постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Так, при квалификации преступлений против животного мира российский правоприменитель обязан руководствоваться положениями, содержащимися в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования». Также стоит отметить весьма широкое судебское усмотрение, позволяющее судьям по своему внутреннему убеждению толковать нормы уголовного закона и выбирать наиболее справедливое, по их мнению, наказание (иные меры уголовно-правового воздействия), позволяющее достичь соответствующих целей. Это дает повод некоторым специалистам утверждать о формировании такого явления в отечественном уголовно-правовом правоприменении, как «судебная позиция»¹⁴ или «правовая позиция суда»¹⁵.

Далее отметим, что в Индии сформирован особый, отличающийся от российского подход к обеспечению прав животных, кроме естественного права на жизнь. Так, Индия стала первой страной в мире, признавшей права дельфинов в качестве личностей: в 2016 г. Министерство окружающей среды и лесов Индии присвоило дельфинам статус «личности, но не человека»¹⁶, в силу чего был введен запрет на их выступления в развлекательных шоу. Также Индия стала первой страной в Южной Азии, запретив-

⁶ Kalnawat A., Shanthi K., Kulkarni Sh. J. Legal dimensions of environmental crime // Russian Law Journal. 2022. Vol. 10, no. 4. P. 45.

⁷ Mathew J. T., Chadha-Sridhar I. Granting animals rights under the Constitution: a misplaced approach? An analysis in light of Animal Welfare Board of India v. A. Nagaraja // NUJS Law Review. 2014. Vol. 7, no. 3-4. P. 350.

⁸ Животные как объекты правовой охраны в Республике Индия / Е. Р. Смирнов, Я. В. Безносова, Ф. З. Завурбеков, Н. В. Остроумов // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 182.

⁹ Appendix: India national and state cow protection laws // Indian Cattle. URL: <https://indiancattle.com/wp-content/uploads/2021/03/National-status-of-the-cow-protection-laws.pdf> (accessed December 5, 2025).

¹⁰ Maskara Sh. Cow protection legislation and vigilante violence in India // ACLED. URL: <https://acleddata.com/2021/05/03/cow-protection-legislation-and-vigilante-violence-in-india> (accessed December 5, 2025).

¹¹ Appendix: India national and state cow protection laws (accessed December 5, 2025).

¹² Суд в Индии рекомендовал ужесточить наказание за убийство коров до пожизненного заключения // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4297373> (дата обращения: 05.12.2025).

¹³ Пчелинцева В. В. Общая характеристика смешанной правовой системы Республики Индия // Евразийский Союз Ученых. 2020. № 1-6 (70). С. 38—44.

¹⁴ Кленова Т. В., Идрисов Н. Т. Интегрирование судебных позиций в российское уголовное право // Российский судья. 2025. № 10. С. 17.

¹⁵ Лю С., Василевич Г. А., Ван Ю. Правовые позиции суда как источник права // Административное право и процесс. 2025. № 8. С. 18—23.

¹⁶ Дельфины в Индии признаны личностями. URL: https://www.bethowen.ru/club/news/fish_and_terrarium/288931 (дата обращения: 05.12.2025).

шей в 2013 г. тестирование косметики и ее ингредиентов на животных, а в 2014 г. ввела запрет импорта из других стран косметики, протестированной на животных¹⁷. С 2017 г. в Индии полностью запрещен импорт шкурок тюленей. Российское законодательство не предусматривает подобного подхода. Животные выступают исключительно в качестве предметов правонарушений и преступлений, не обладая самостоятельной правоспособностью в качестве субъектов права. Однако это не говорит о том, что животные по законодательству Российской Федерации полностью бесправны — их права на жизнь, здоровье и возможность нормального развития обеспечиваются отраслевым экологическим¹⁸ и неэкологическим¹⁹ законодательством, а также экологическими (ст. 246, ч. 2 ст. 247, ч. 1 ст. 249, ч. 1, 2 ст. 250, ст. 256, 257, 258, 258.1, 259, 262) и неэкологическими (ст. 226.1, 245, 358) нормами Особенной части УК РФ.

С 1 июля 2024 г. в Индии действует новый уголовный кодекс — Bharatiya Nyaya Sanhita (BNS), принятый 25 декабря 2023 г. С его введением в действие был обеспечен обновленный подход к уголовно-правовой защите важных для данного государства общественных отношений, благ и интересов. Однако специальных норм, посвя-

щенных обеспечению охраны животных, в новом УК Индии не закреплено. Их охрана, а также возможность привлечения виновных к уголовной ответственности за нарушение установленных правил охраны обеспечиваются нормами двух специальных индийских законов, поскольку современное «уголовное законодательство Индии не является полностью кодифицированным»²⁰. Отечественный уголовно-правовой подход в этой части отличается.

Иные нормативные правовые акты, кроме УК РФ, не могут определять преступность и наказуемость деяния (ст. 1 УК РФ). Они служат лишь правовой базой для подтверждения существования области общественных отношений, которым может причиняться вред преступным поведением, и нередко индивидуализируют отдельные признаки состава преступления. Так, для определения того, является ли совершенное деяние преступлением против особо ценных диких животных по ст. 226.1 или ст. 258.1 УК РФ, необходимо обращаться к правовому документу более низкой юридической силы, чем УК РФ, — постановлению Правительства РФ от 31 октября 2013 г. № 978 «Об утверждении перечня особо ценных диких животных, водных биологических ресурсов, растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1, 258.1 и 260.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»; для применения п. «в» ч. 2 ст. 258 УК РФ — к приказу Минприроды России от 24 марта 2020 г. № 162 «Об утверждении Перечня объектов животного мира, занесенных в Красную книгу Российской Федерации» и т. п. Стоит отметить, что подобный подход, согласно которому множество норм УК РФ (включая нормы об охране животного мира) имеют бланкетный характер, активно критикуется в научном мире²¹. На наш взгляд, в силу многообразия общественных отношений, складывающихся по поводу допустимого использования и охраны животных, населяющих территорию нашей страны, обеспечить их полную систематизацию исключительно посредством УК РФ просто невозможно. В этой связи справедлива регламен-

¹⁷ Evangeline E. Countries that have banned animal testing — and what's next // Animals Around The Globe. URL: <https://www.animalsaroundtheglobe.com/countries-that-have-banned-animal-testing-and-whats-next-2-359916> (accessed December 5, 2025).

¹⁸ См., например: Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ; в ред. от 13 декабря 2024 г. № 460-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 30, ст. 3735; 2024. № 51, ст. 7854; О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов: Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ; в ред. от 24 июня 2025 г. № 165-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 52, ч. 1, ст. 5270; 2025. № 26, ч. 1, ст. 3495 и др.

¹⁹ См., например: Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ; в ред. от 8 августа 2024 г. № 232-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 53, ч. 1, ст. 8424; 2024. № 33, ч. 1, ст. 4928; Об утверждении требований к использованию животных в культурно-зрелищных целях и их содержанию: постановление Правительства РФ от 30 декабря 2019 г. № 1937; в ред. от 30 декабря 2024 г. № 1986 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 2, ч. 1, ст. 182; 2025. № 2, ст. 70 и др.

²⁰ Курсаев А.В. Новый Уголовный кодекс Индии 2023 г. // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 4. С. 76.

²¹ Антонченко В.В. Дефекты уголовного закона и поиск его оптимальной модели // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. № 1. С. 104—105.

тация отдельных видов деятельности в отношении животных в отраслевом законодательстве, а ответственности за преступное нарушение такой деятельности — в нормах УК РФ.

В законодательстве Индии, как нами было отмечено ранее, основу уголовно-правовой охраны животных составляют два закона. Первый из них касается охраны диких животных, находящихся в состоянии естественной свободы на территории Индии. Это Закон от 9 сентября 1972 г. (в ред. от 1991 г.) «О защите дикой природы» (далее — Закон Индии 1972 г.), который по юридическому содержанию отдельных положений схож с Федеральным законом РФ от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире». В подп. 1 п. 2 Закона Индии 1972 г. приводится предметное понимание животных, к которым относятся земноводные, птицы, млекопитающие и рептилии, а также их детеныши, а в случае с птицами и рептилиями — еще и их яйца²². В сравнении с отечественным Федеральным законом «О животном мире» такое толкование категории «животные» индийским законодателем стоит признать расширительным. Обратим особое внимание, что яйца птиц и рептилий по отечественному законодательству не выступают ни в качестве предметов особой государственной охраны, ни в качестве предметов соответствующих экологических преступлений. Лишь в ст. 258.1 УК РФ под охрану ставятся дериваты особо ценных диких животных, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации. Но они официально толкуются лишь как производные жизнедеятельности особей животного мира — «продукты их хозяйственной переработки (например, пищевые продукты, медицинские и биологические препараты, меховые изделия, сувениры)»²³, что не свидетельствует о постановке яиц птиц и рептилий, а равно эмбрионов живородящих животных под уголовно-правовую защиту. Это вызывает дис-

куссии в уголовно-правовой науке²⁴, поскольку в отечественном уголовном законодательстве уже был весьма успешный опыт защиты данных предметов от преступных посягательств²⁵. Полагаем, что современные условия сложного экологического развития Российской Федерации, уменьшения популяции отдельных особо ценных, находящихся на грани вымирания представителей животного мира предопределяют необходимость обеспечения их уголовно-правовой охраны на более ранней стадии их развития, аналогично тому, как это сделано в законодательстве Индии.

Далее отметим, что Закон Индии 1972 г. в отдельных главах регулирует общественные отношения по использованию животных, запрещая их немотивированное убийство, незаконную охоту, регулируя вопросы функционирования святилищ, национальных парков, закрытых территорий, заповедников, зоопарков, упорядочивая торговлю дикими животными, продуктами животного происхождения и трофеями. Глава VI «Предотвращение и выявление правонарушений» полностью посвящена процессуальным аспектам и мерам ответственности. Особенностью является отсутствие градации ответственности в зависимости от тяжести совершенного правонарушения и установление только двух видов наказаний. Так, согласно ст. 51 Закона Индии 1972 г. виновные подлежат «наказанию в виде лишения свободы на срок до трех лет или штрафа в размере до двадцати пяти тысяч рупий либо и тому, и другому»²⁶.

По российскому уголовному закону меры уголовной ответственности для лиц, посягающих на животных, более вариативны и альтернативны. Например, за незаконную охоту (ч. 1 ст. 258 УК РФ) предусмотрены штраф, исправительные работы, лишение свободы на срок до двух лет; за незаконную добычу и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными до-

²² Wildlife (Protection) Act of 1972 // Animal Legal and Historical Center Website. URL: <https://www.animallaw.info/statute/wildlife-protection-act-1972> (accessed December 5, 2025).

²³ О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21: в ред. от 15 декабря 2022 г. № 38 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12; 2023. № 3.

²⁴ Воробьев Д.В. Эмбрион промысловых животных: представления и запреты охотников Севера Нового и Старого Света // Кунсткамера. 2022. № 4 (18). С. 243; Снытко Е.М. Уголовная ответственность за браконьерство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 12, 19–20.

²⁵ Статья 57 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. (Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. СПб, 1867. С. 16); ст. 248 Уголовного уложения 1903 г. (Новое Уголовное уложение от 22 марта 1903 г. СПб, 1903. С. 91).

²⁶ Wildlife (Protection) Act of 1972 (accessed December 5, 2025).

говорами Российской Федерации (ч. 1 ст. 258.1 УК РФ), — штраф, обязательные работы, принудительные работы, ограничение свободы, лишение свободы на срок до четырех лет. При назначении наказания российские суды используют в основном условное осуждение (порядка 40 % осужденных ежегодно) либо штраф (порядка 19 % осужденных ежегодно); лишение свободы назначается в исключительных случаях (порядка 6 % осужденных ежегодно)²⁷.

Животные, находящиеся в неволе и в домашних условиях, в Индии дополнительно охраняются Законом от 26 декабря 1960 г. (в ред. 1982 г.) «О предотвращении жестокого обращения с животными»²⁸ (далее — Закон Индии 1960 г.), который стал воплощением гуманности Индии по отношению не только к священным, но и ко всем животным, закрепив для них довольно объемный набор правовых гарантий безопасности.

В Законе Индии 1960 г. традиционно для подобного рода документов содержится толкование жестокого обращения с животными (гл. 3, ст. 11), которое определяется посредством обширного перечня действий и бездействий, состоящего из 17 пунктов. Например, ответственность установлена для тех, кто подвергает животное ненужной боли, страданиям или причиняет ему вред (бьет, пинает, загоняет, перегружает, мучает). В качестве жестокого обращения с животными квалифицируется и использование в любой работе непригодного животного (по причине его возраста, заболевания, ранения). Запрещена перевозка животного в любом транспортном средстве таким образом и в таком положении, при котором оно подвергается ненужной боли или страданиям, размещение животного в клетке или контейнере, размеры которых не позволяют обеспечить комфортные условия для его транспортировки, удержание животного прикованным или привязанным к неоправданно короткой или тяжелой цепи.

Отдельно в Законе Индии 1960 г. описываются виновные деяния владельцев животных, которые могут быть выражены: в отказе от них без объективной причины, что влечет страдания животных от голода и жажды; в оставлении на улице своего больного, заразного или

нетрудоспособного животного, в том числе повлекшем его смерть; в предложении продажи любого животного, страдающего от боли из-за увечья, голода, жажды, переполненности мест содержания; в отказе владельца от тренировок цепной собаки. Запрещено также привязывание животного в качестве приманки в логове тигра или другого хищника с целью сделать его объектом добычи. Наказуемо поощрение драк животных или их травли, организация борьбы животных, получение платы за допуск любого лица в место проведения подобных мероприятий, пропаганда или участие в любых соревнованиях по стрельбе в животных. Подобный подход также использует и российский законодатель в специальном федеральном законе²⁹.

По Закону Индии 1960 г. в качестве общей жестокости расцениваются и сексуальные действия в отношении животных. До принятия нового УК Индии 2023 г. такие действия в отношении животных вообще расценивались в качестве преступления и преследовались по ст. 377 УК Индии 1860 г. В этой части мы наблюдаем определенное смягчение правового толкования опасности сексуальных действий, производимых человеком с животными, хотя виновных продолжают задерживать и привлекать к ответственности³⁰. Полагаем, что подобное поведение прямо нарушает нормы морали и нравственности, причиняет особые страдания животным. К слову, отечественный законодатель в принципе «упустил из виду» необходимость запрета такого поведения и даже не связал его с жестоким обращением с животными. Однако опасность таких действий существует, они относительно распространены на территории нашей страны³¹, но не могут получить должную

²⁹ Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ; в ред. от 8 августа 2024 г. № 232-ФЗ.

³⁰ См., например: Пенсионера арестовали за изнасилование собаки // Московский комсомолец. URL: <https://www.mk.ru/incident/2025/07/12/pensionera-arrestovali-za-iznasilovanie-sobaki.html> (дата обращения: 06.12.2025).

³¹ См., например: «Такого зверства я еще не видела»: в Югре живодер изнасиловал собаку Милу, переломал ей кости и вырвал зубы // Комсомольская правда. URL: <https://www.ugra.kp.ru/daily/27667/5018798> (дата обращения: 06.12.2025); «Мы найдем зверя»: жители Подмоскovie хотят помочь хозяйке изнасилованной собаки // Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/04/22/25614776.shtml> (дата обращения: 06.12.2025); «Полтуловища было в крови» // 360.ru. URL: <https://360.ru/news/crime/poltulovischa-bylo-v-krovi-migrant-ukral-i-iznasiloval-sobaku-v-odintsove> (дата обращения: 06.12.2025) и др.

²⁷ Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 мес. 2022 г. — 6 мес. 2025 г. (форма № 10.3) // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 05.12.2025).

²⁸ The Prevention of Cruelty to Animals Act, 1960 // India Code. URL: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/11237/1/the_prevention_of_cruelty_to_animals_act_1960.pdf (accessed December 5, 2025).

правовую оценку в связи с пробельностью закона. В этой части считаем, что необходимо имплементировать опыт индийского законодателя в российское и предусмотреть действия сексуального характера в качестве жестокого обращения с животными с дополнением п. 2 ст. 11 Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» подпунктом 8 соответствующего содержания.

Наконец, в Законе Индии 1960 г. существуют исключения и оговорки, при наличии которых лицо не подлежит ответственности за посягательства на животных. Так, не является жестоким обращением с животным спиливание рогов у крупного рогатого скота, кастрация или клеймение, кольцевание носа любого животного в установленном порядке. Не запрещаются и не наказываются действия или бездействие по уничтожению любого животного в качестве пищи для человека, если такое уничтожение не сопровождалось причинением животному ненужной боли или страданий (состояние крайней необходимости). Не признается жестоким обращением с животными уничтожение бродячих собак официально предписанными методами.

В российском законодательстве порядок убоя и умерщвления животных, а также регулирование их популяций регламентированы на законодательном уровне³². Однако случаи причинения вреда и смерти животным в ситуациях, когда того требуют обстоятельства грозящей опасности, ни в уголовном законе, ни в обобщенных судебных позициях Верховного Суда РФ не отражены. Это говорит о некой правовой неопределенности. Подобные ситуации могут складываться, например, когда животное напа-

дает на человека и он вынужден защищаться доступными ему способами (нередко животных и их опасные свойства используют в качестве орудия совершения преступления)³³ либо когда человек оказывается в сложной жизненной ситуации, вынудившей его убить животное в целях пропитания и сохранения собственной жизни. Полагаем, что назрела необходимость дополнительного судебного толкования отечественных институтов необходимой обороны и крайней необходимости как обстоятельств, исключающих преступность деяния, совершенного в отношении животных в описанных выше ситуациях.

Заключение. Сравнительно-правовое исследование российского и индийского законодательства в области охраны животных продемонстрировало, что индийский законодатель сформулировал весьма проработанный механизм по охране животных, желая обеспечить их гармоничное созидательное развитие наравне с человеком. Отмечаем, с одной стороны, правовую обособленность норм об уголовно-правовой охране животных в специализированных законодательных актах Индии, а с другой — детальную регламентацию большого количества деяний, представляющих опасность для животных и их нормальной жизнедеятельности.

Отличительной чертой индийского подхода к охране животных выступает то, что отдельные их разновидности, будучи исторически сакральными, благостными символами индийской цивилизации, обладают особой правовой защитой, за посягательства на них предусмотрена весьма суровая ответственность вплоть до пожизненного лишения свободы. Иные виды животных также обеспечены государственной охраной. В этой связи индийское законодательство в области защиты животных, согласно данным организации World Animal Protection, по праву считается одним из самых развитых среди всех азиатских стран³⁴.

³² Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ; в ред. от 8 августа 2024 г. № 232-ФЗ; О ветеринарии: Закон РФ от 14 мая 1993 г. № 4979-1; в ред. от 28 декабря 2024 г. № 556-ФЗ // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 24, ст. 857; Собрание законодательства РФ. 2024. № 53, ч. 1, ст. 8566; Об утверждении Порядка регулирования численности объектов животного мира, отнесенных к объектам охоты: приказ Минсельхоза РФ от 20 января 2009 г. № 23 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2009. № 10; О порядке убоя диких животных, переработки и реализации мяса диких копытных животных: письмо Минсельхоза России от 1 марта 2018 г. № 25/519 // СПС КонсультантПлюс.

³³ Набоков Л.В., Тарасова Т.А. Использование животных как средств совершения преступных деяний // Инновационная экономика и право. 2022. № 2 (21). С. 119—124; Плешаков А.М. Преступное психическое насилие с использованием животных // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 1. С. 122—129; Семенов К.П. Животные как предмет и средство преступления: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2015. С. 14.

³⁴ Animal Protection Index (API) 2020. Republic of India: ranking C // World Animal Protection — Animal Protection Index. URL: https://api.worldanimalprotection.org/sites/default/files/api_2020_-_india_0.pdf (accessed December 5, 2025).

В отношении реформирования отечественного законодательства автором были выявлены подходы, которые возможно использовать при совершенствовании норм УК РФ, отраслевых правовых актов и обобщенных рекомендаций высшей судебной инстанции РФ в области охраны животных:

1) установление уголовной ответственности за посягательства на зародыши и яйца особо ценных диких животных, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации (реформирование содержания ст. 258.1 УК РФ);

2) дополнение перечня деяний, образующих жестокое обращение с животными, таким видом, как «совершение действий сексуального характера» (реформирование п. 2 ст. 11 Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»);

3) закрепление правовых оснований для законного причинения вреда животным в ситуациях, исключающих преступность деяния (дополнение разъяснений, данных в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»).

Список литературы

1. Антонченко В.В. Дефекты уголовного закона и поиск его оптимальной модели // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. № 1. С. 100—116. doi: 10.17072/1995-4190-2025-67-100-116.

2. Воробьев Д.В. Эмбрион промысловых животных: представления и запреты охотников Севера Нового и Старого Света // Кунсткамера. 2022. № 4 (18). С. 240—252. doi: 10.31250/2618-8619-2022-4(18)-240-252.

3. Кленова Т.В., Идрисов Н.Т. Интегрирование судебных позиций в российское уголовное право // Российский судья. 2025. № 10. С. 16—20. doi: 10.18572/1812-3791-2025-10-16-20.

4. Кузнецова Н.И. Компенсационная функция уголовного права на примере экологических преступлений // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2025. № 1 (43). С. 76—83. doi: 10.54217/2588-0136.2025.43.1.008.

5. Курсаев А.В. Новый Уголовный кодекс Индии 2023 г. // Вестник Московского универ-

ситета МВД России. 2025. № 4. С. 73—77. doi: 10.24412/2073-0454-2025-4-73-77.

6. Лю С., Василевич Г.А., Ван Ю. Правовые позиции суда как источник права // Административное право и процесс. 2025. № 8. С. 18—23. doi: 10.18572/2071-1166-2025-8-18-23.

7. Набоков Л.В., Тарасова Т.А. Использование животных как средств совершения преступных деяний // Инновационная экономика и право. 2022. № 2 (21). С. 119—124. doi: 10.53015/2782-263X_2022_2_119.

8. Пирожкова И.Г., Попов А.М. Право на благоприятную окружающую среду: историко-правовой аспект // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2022. № 4 (38). С. 109—115. doi: 10.54217/2411-1627.2022.38.4.012.

9. Плешаков А.М. Преступное психическое насилие с использованием животных // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 1. С. 122—129. doi: 10.18384/2310-6794-2020-1-122-129.

10. Пчелинцева В.В. Общая характеристика смешанной правовой системы Республики Индия // Евразийский Союз Ученых. 2020. № 1-6 (70). С. 38—44. doi: 10.31618/ESU.2413-9335.2020.6.70.566.

11. Семенов К.П. Животные как предмет и средство преступления: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2015. 227 с.

12. Снытко Е.М. Уголовная ответственность за браконьерство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 28 с.

13. Kalnawat A., Shanthi K., Kulkarni Sh.J. Legal dimensions of environmental crime // Russian Law Journal. 2022. Vol. 10, no. 4. P. 41—51. doi: 10.52783/rj.v10i4.277.

14. Mathew J.T., Chadha-Sridhar I. Granting animals rights under the Constitution: a misplaced approach? An analysis in light of Animal Welfare Board of India v. A. Nagaraja // NUJS Law Review. 2014. Vol. 7, no. 3-4. P. 349—372.

References

1. Antonchenko, V.V. (2025) Defekty ugovornogo zakona i poisk ego optimal'noj modeli [Defects of the criminal law and a search for its optimal model]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, no. 1, pp. 100—116. (In Russ.). doi: 10.17072/1995-4190-2025-67-100-116.

2. Vorobiev, D.V. (2022) Jembrion promyslovyh zhivotnyh: predstavlenija i zaprety ohotnikov Severa Novogo i Starogo Sveta [Caribou fetus:

the concepts and the taboos of hunters of the North of the New and the Old World]. *Kunstkamera*, no. 4 (18), pp. 240–252. (In Russ.). doi: 10.31 250/2618-8619-2022-4(18)-240-252.

3. Klenova, T.V., Idrisov, N.T. (2025) Integrirovaniye sudebnykh pozitsiy v rossijskoe ugovnoye pravo [Integration of judicial positions in Russian criminal law]. *Rossijskij sud'ja*, no. 10, pp. 16–20. (In Russ.). doi: 10.18572/1812-3791-2025-10-16-20.

4. Kuznetsova, N.I. (2025) Kompensacionnaja funkciya ugovnogo prava na primere jekologicheskikh prestuplenij [The compensatory function of criminal law on the example of environmental crimes]. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 1 (43), pp. 76–83. (In Russ.). doi: 10.54 217/2588-0136.2025.43.1.008.

5. Kursae, A.V. (2025) Novyj Ugolovnyj kodeks Indii 2023 g. [New Indian Penal Code of 2023]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, no. 4, pp. 73–77. (In Russ.). doi: 10.24412/2073-0454-2025-4-73-77.

6. Liu, X., Vasilevich, G.A., Wang, Yu. (2025) Pravovye pozicii suda kak istochnik prava [Legal positions of court as a source of law]. *Administrativnoye pravo i process*, no. 8, pp. 18–23. (In Russ.). doi: 10.18572/2071-1166-2025-8-18-23.

7. Nabokov, L.V., Tarasova, T.A. (2022) Ispol'zovanie zhivotnykh kak sredstv soversheniya prestupnykh dejanij [The use of animals as means of committing criminal acts]. *Innovative Economics and Law*, no. 2 (21), pp. 119–124. (In Russ.). doi: 10.53015/2782-263X_2022_2_119.

8. Pirozhkova, I.G., Popov, A.M. (2022) Pravo na blagopriyatnuju okruzhajushhuju sredu: isto-

riko-pravovoj aspekt [The right to a safe environment: historical and legal aspect]. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 4 (38), pp. 109–115. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2022.38.4.012.

9. Pleshakov, A.M. (2020) Prestupnoe psichicheskoe nasilie s ispol'zovaniem zhivotnykh [Criminal psychological abuse with the use of animals]. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, no. 1, pp. 122–129. (In Russ.). doi: 10.18384/2310-6794-2020-1-122-129.

10. Pchelintseva, V.V. (2020) Obshhaja harakteristika smeshannoj pravovoj sistemy Respubliki Indija [General overview of the mixed legal system of the Republic of India]. *Eurasian Union of Scientists*, no. 1-6 (70), pp. 38–44. (In Russ.). doi: 10.31618/ESU.2413-9335.2020.6.70.566.

11. Semenov, K.P. (2015) Zhivotnye kak predmet i sredstvo prestupleniya [Animals as an object and a means of crime]. Ph. D. thesis. Saint Petersburg, 227 p. (In Russ.).

12. Snytko, E.M. (2004) Ugolovnaja otvetstvennost' za brakon'erstvo [Criminal liability for poaching]. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 28 p. (In Russ.).

13. Kalnawat, A., Shanthi, K., Kulkarni, Sh.J. (2022) Legal dimensions of environmental crime. *Russian Law Journal*, vol. 10, no. 4, pp. 41–51. doi: 10.52783/rlj.v10i4.277.

14. Mathew, J.T., Chadha-Sridhar, I. (2014) Granting animals rights under the Constitution: a misplaced approach? An analysis in light of Animal Welfare Board of India v. A. Nagaraja. *NUJS Law Review*, vol. 7, no. 3-4, pp. 349–372.

Информация об авторе

О.В. Матвейчук — аспирант 2 курса Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Information about the author

O.V. Matveychuk – 2nd year postgraduate student of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba.

Периодизация становления и развития института мер пресечения в отечественном уголовно-процессуальном праве

Анастасия Игоревна Ступникова

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Россия,
Stup.nastya.1999@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена периодизации становления и развития института мер пресечения в отечественном уголовно-процессуальном праве с акцентом на нормативные этапы от дореформенного периода и Судебной реформы 1864 г. до современной редакции УПК РФ. Обосновывается логика эволюции целей и стандартов применения мер пресечения — от преимущественно полицейско-административных средств обеспечения явки и пресечения уклонения к судебно-контролируемым ограничениям, встроенным в систему конституционных гарантий и принципов необходимости и соразмерности.

Показано, что текущая модель главы 13 УПК РФ усиливается разъяснениями Верховного Суда РФ, а важным содержательным рубежом стало введение в 2018 г. меры пресечения в виде запрета определенных действий, что расширило палитру альтернатив заключению под стражу и домашнему аресту.

Делается вывод о целесообразности рассматривать развитие мер пресечения как поступательный переход от «формы охраны процесса» к «инструменту балансировки прав личности и публичных интересов» на базе судебного контроля и пропорциональности ограничений. В работе используются ссылки на Конституцию РФ, УПК РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ и исторические источники.

Полученные результаты демонстрируют смену парадигмы от преимущественного использования изоляционных мер к приоритету альтернатив, основанных на судебном контроле, предсказуемости правил и стандарте мотивированности судебного вмешательства, что позволяет предложить научно обоснованную периодизацию и выявить ключевые драйверы изменения института мер пресечения в современной России.

Ключевые слова: меры пресечения, уголовный процесс, судебный контроль, заключение под стражу, домашний арест, залог, запрет определенных действий, подписка о невыезде.

Научный руководитель: Д.А. Иванов, начальник кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Для цитирования: Ступникова А.И. Периодизация становления и развития института мер пресечения в отечественном уголовно-процессуальном праве // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 1. С. 125—132. doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.015.

Periodization of the formation and development of the institution of preventive measures in Russian criminal procedure law

Anastasia I. Stupnikova

Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia, Stup.nastya.1999@yandex.ru

Abstract. This article examines the periodization of the formation and development of the institution of preventive measures in Russian criminal procedural law, focusing on the regulatory stages from the pre-reform period and the 1864 Judicial Reform to the current version of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. It substantiates the evolution of the purposes and standards for the application of preventive measures: from primarily police-administrative means of ensuring appearance and preventing evasion to judicially supervised restrictions integrated into the system of constitutional guarantees and the principles of necessity and proportionality.

It demonstrates that the current model of Chapter 13 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is strengthened by clarifications from the Supreme Court of the Russian Federation, and that the introduction of a preventive measure in the form of a ban on certain actions, which expanded the range of alternatives to detention and house arrest in 2018, was a significant substantive milestone.

It concludes that it is appropriate to view the development of preventive measures as a progressive transition from a "form of process protection" to an "instrument for balancing individual rights and public interests" based on judicial review and the proportionality of restrictions. The study utilizes references to the Constitution of the Russian Federation, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, and historical sources.

The results demonstrate a paradigm shift from the predominant use of isolating measures to the priority of alternatives based on judicial review, predictability of rules, and the standard of justification for judicial intervention. This allows us to propose a scientifically based periodization and identify the key drivers of change in the institution of preventive measures in modern Russia.

Keywords: preventive measures, criminal proceedings, judicial control, detention, house arrest, bail, prohibition of certain actions, written undertaking not to leave.

Scientific supervisor: D.A. Ivanov, Head of the Department of Preliminary Investigation of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor.

For citation: Stupnikova, A.I. (2026) Periodization of the formation and development of the institution of preventive measures in Russian criminal procedure law. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 1, pp. 125–132. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.015.

Введение. Институт мер пресечения традиционно находится в фокусе напряжения между охраной прав личности и задачами уголовного судопроизводства, требующего гарантированной явки участников, недопущения давления на свидетелей и потерпевших, предупреждения новых деяний и обеспечения исполнения приговора. Это напряжение в разных эпохах разрешалось посредством различных нормативных конструкций и процедурных фильтров.

Исторически меры пресечения выступали как средства обеспечения процесса и подчинялись ведомственной логике следственных и полицейских органов, однако постепенно они были интегрированы в более строгий процессуальный каркас с приоритетом судебного контроля, презумпции невиновности и конституционных гарантий личной свободы.

Современная глава 13 УПК РФ¹ кодифицирует перечень мер пресечения, основания их избрания, обстоятельства, подлежащие учету, и процессуальный порядок, в том числе судебную компетенцию по мерам, затрагивающим свободу, а разъяснения Пленума Верховного Суда РФ² формируют стандарты необходимости, достаточности и соразмерности, направляя практику на

минимизацию избыточных ограничений и предпочтение более мягких альтернатив при достижении целей процесса.

Эта картина неслучайна — ее предпосылки прослеживаются в длинной истории русского и российского уголовного процесса, где смена политико-правовых режимов и конституционных ценностей отражалась на целях, содержании и гарантиях применения мер пресечения. Для выработки целостной доктрины и корректной правоприменительной оптики требуется периодизация, позволяющая увидеть внутреннюю логику эволюции от «мер удержания» к «мерам процессуальной пропорциональности».

Основная часть. В центре современной модели мер пресечения находится конституционный стандарт охраны личной свободы и судебной защиты прав человека, задающий предельные рамки и процессуальные фильтры для любого вмешательства государства в сферу автономии личности.

Конституция Российской Федерации³ закрепляет презумпцию свободы как исходное положение правопорядка и связывает допустимость её ограничения строгими условиями федерального закона и судебного контроля. Признание прав и свобод человека высшей ценностью и прямого действия конституционных норм формирует для правоприменителя не только декларативную, но и операциональную презумпцию минимальной достаточности вмешательства. В контексте уголовного судопроизводства это означает, что меры пресечения должны избираться и продлеваться лишь в той мере, в

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921; Российская газета. 2001. 22 дек. (№ 249).

² О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определённых действий: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 дек. 2013 г. № 41 // Российская газета. 2013. 26 дек. (№ 294); Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.

³ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // СПС КонсультантПлюс.

какой они необходимы для достижения легитимных целей процесса — обеспечения явки, недопущения воздействия на доказательство и участников, предупреждения новых деяний и исполнения приговора, — при обязательной проверке их соразмерности. Конституционный принцип судебной защиты гарантирует, что решения, затрагивающие свободу, принимаются судом либо подлежат эффективному судебному пересмотру; из этого вытекает требование мотивированности и доказательной обоснованности как к первоначальному избранию меры, так и к каждому последующему продлению⁴.

Истоки института мер пресечения в российской правовой традиции обнаруживаются задолго до Судебной реформы 1864 г., однако именно Устав уголовного судопроизводства стал системным ориентиром, задавшим юридическую конструкцию мер пресечения, соотносимую с понятиями законности, судебного надзора и процессуальной формы. В дореформенной модели преобладала административно-полицейская логика, в которой арест и удержание служили преимущественно инструментом обеспечения явки и пресечения побега, причем процессуальные гарантии были фрагментарны⁵.

С введением Судебных уставов 20 ноября 1864 г. началось формирование судебного механизма контроля и процессуальных фильтров избрания мер пресечения, включая институт подписки о невыезде, залога и ареста, с описанием компетенции судебных следователей и прокурора, а также обязанности уведомления и контроля за лишением свободы, что свидетельствовало о переходе от «ведомственного усмотрения» к «судебной структурированному усмотрению» и уже тогда задавало язык необходимости, презумпции свободы и приоритета менее обременительных ограничений, насколько это допустимо целями процесса.

Исторические тексты Устава фиксируют, что меры пресечения мыслятся как способы воспрепятствования уклонению и иным формам недобросовестного поведения, одновременно предполагая известные требования к мотивировке, процессуальной форме и подсудности, хотя фактические пределы судебного контроля в по-

здней имперской России были ограничены политико-правовым контекстом того времени. Указанные положения и реконструкции подтверждаются источниками Судебных уставов и современными историко-правовыми исследованиями, анализирующими демократизацию процедуры «взятия под стражу» и распределение полномочий между следователем, прокурором и судом.

Смену парадигмы в советский период определила кодификация уголовно-процессуальных норм и выстраивание централизованной модели правоохранительной системы. В раннесоветских актах и в УПК РСФСР 1960 г. институт мер пресечения получил развернутую позитивно-правовую регламентацию, в которой закрепились основания, виды и процессуальные решения об избрании, отмене и изменении меры⁶.

Нормы кодифицированного акта подчеркивали обязательность мотивированного постановления дознавателя, следователя или прокурора и, после передачи дела, определения суда, а также указывали на отменяемость меры при отпадении необходимости и возможность замены на более мягкую или более строгую в зависимости от фактических обстоятельств. В этой модели судебный контроль не имел того значения, которое получит позднее, но сам язык необходимости, обусловленности и изменчивости меры маркировал институт как гибкий процессуальный инструмент, а не как неизбежную санкцию. Переход к постсоветской конституционной конструкции с приоритетом личной свободы и судебной защиты прав личности подготовил нормативную почву для радикальной реконфигурации баланса полномочий и гарантий. Указанные особенности и формулы 1960-х годов подтверждаются текстами УПК РСФСР и академическими обзорами, оценивающими эволюцию оснований отмены и изменения мер пресечения.

Качественный перелом произошел с принятием Конституции Российской Федерации, утвердившей принцип судебной защиты и свободы личности, а также недопустимости ограничения прав иначе как на основании федерального закона, соответствующего требованиям необходимости и соразмерности. Эта конституционная рамка была материализована в УПК РФ, вступившем в силу с 1 июля 2002 г., где глава 13 системно закрепила основания избра-

⁴ Попова Е.С. Механизм реализации судебной власти на этапах развития русского гражданского судопроизводства // Правовая информатика. 2024. № 3. С. 210.

⁵ Бормотова Л.В. Разумность сроков уголовного судопроизводства — частный случай неоправданной правовой конвергенции, нарушающей исторический уклад // Юридические исследования. 2024. № 9. С. 10.

⁶ Гилязов А.И. Становление принципа разумности сроков уголовного судопроизводства в советский и постсоветский периоды // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 109.

ния мер пресечения, их перечень, порядок вынесения постановлений и определений, а также судебную компетенцию по мерам, затрагивающим свободу.

Нормативное ядро составляют статьи 97—101, определяющие основания, виды и процессуальную форму, и специальные статьи о каждой мере, включая подписку о невыезде, личное поручительство, наблюдение командования, пристав за несовершеннолетним, залог, домашний арест и заключение под стражу, причем для последних двух установлен судебный порядок, отражающий конституционный стандарт судебного контроля за изоляционными ограничениями. Динамика редакций УПК РФ, зафиксированная в актуальном тексте и списке изменяющих законов, демонстрирует последовательное усиление требований к обоснованию и приоритизацию более мягких мер при достижении целей процесса⁷.

Существенным этапом модернизации стала реформа 2018 г., когда Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ⁸ ввел в УПК РФ новую меру пресечения — запрет определенных действий со специальной статьей 105.1. Введение этой меры придало институту иное качество: появилось инструментальное звено между «мягкими» неизоляционными формами и «жесткими» изоляционными мерами, которое позволяет адресно конструировать комбинацию запретов и обязанностей с судебным контролем и техническими средствами мониторинга соблюдения ограничений.

Материалы закона и текущая редакция УПК РФ закрепляют, что запрет определенных действий избирается в судебном порядке при невозможности применения иной, более мягкой, меры и реализуется в логике необходимости и соразмерности; при этом процессуальная форма сближается с процедурой рассмотрения ходатайств об аресте, а решение мотивируется как по основаниям, так и по невозможности альтернативы. Доктринальные и практические комментарии подчеркивают альтернативный характер этой меры по отношению к заключению под стра-

жу, что имеет значение для снижения уровня изоляционных ограничений и гуманизации правоприменения без ущерба для целей процесса.

Завершающим контуром современной модели выступают разъяснения Верховного Суда РФ, систематизирующие стандарты применения мер пресечения и ориентирующие суды на приоритет индивидуализации и минимизацию изоляционных ограничений. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 и последующие обновления, учтенные в майских разъяснениях 2025 г.⁹, фиксируют, что меры, ограничивающие свободу, применяются исключительно по судебному решению и только при невозможности использования более мягкой меры. Суд обязан при каждом продлении содержания под стражей оценивать возможность смягчения и проверять сохранность фактических оснований, включая данные о личности, рисках уклонения, воспрепятствования производству и об угрозе продолжения преступной деятельности.

Эта линия разъяснений цементирует в практической плоскости принципы необходимости, достаточности и пропорциональности. Путеводные позиции Пленума обеспечивают единство правоприменения и становятся ключевой опорой для квалифицированной мотивировки судебных актов о заключении под стражу, домашнем аресте, залоге и запрете определенных действий.

С учетом изложенного периодизация развития института мер пресечения в отечественном уголовном процессе может быть описана через несколько взаимосвязанных фаз, каждая из которых меняла как целевую установку, так и процессуальные гарантии¹⁰.

Первая фаза связана с дореформенными конструкциями, где приоритет имела охранительная логика и ведомственное усмотрение при ограниченной процессуальной форме; ей на смену пришла фаза Судебной реформы 1864 г., создавшая судебную-процедурный каркас и типологию мер, включая залог и подписку о невыезде, и начавшая институционализацию контроля за лишением свободы.

⁷ Курносова В.В., Чулюкин Л.Д. Процессуальное принуждение в юрисдикционном процессе // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 1. С. 163.

⁸ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста: Федеральный закон от 18 апр. 2018 г. № 72-ФЗ // Российская газета. 2018. 20 апр. (№ 7548).

⁹ Пленум Верховного Суда РФ уточнил разъяснения о практике применения судами законодательства о мерах пресечения // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/89439.html> (дата обращения: 01.10.2025).

¹⁰ Эгамбердиев Ф.А. История возникновения института следственного судьи // Eurasian Journal of Social Sciences, Philosophy and Culture. 2025. Т. 5, № 3. С. 39.

Советская кодификация закрепила «позитивистский» стиль регулирования и расширила описательные и процедурные элементы, при этом сохраняя приоритет дознания и следствия.

Постсоветская конституционная реконфигурация и УПК РФ 2001 г. перевели институт на модель судебного контроля и соподчинения мер конституционным стандартам свободы и законности, сформировав современное ядро главы 13.

Наконец, реформа 2018 г. и последующие разъяснения Верховного Суда РФ добавили адресную альтернативу изоляции и усилили стандарты обоснования, что переориентировало практику на поиск минимально достаточного набора ограничений при сохранении целей процесса¹¹.

Указанная траектория подтверждается как непосредственно нормами УПК РФ и материалами федерального законодательства, так и историко-правовыми источниками Судебных уставов и советских кодификаций, а также современной практикой высшей судебной инстанции.

Особую значимость в нынешней редакции института имеют нормы об основаниях и обстоятельствах, подлежащих учету при избрании меры пресечения. Тексты статей 97—99 УПК РФ формулируют материальные критерии и указывают на необходимость сопоставления тяжести обвинения, данных о личности, характеристик поведения и процессуальных рисков, причем сам перечень мер в ст. 98 демонстрирует лестницу вмешательства от минимальных ограничений свободы передвижения и поведения к изоляционным мерам, требующим судебного решения¹².

В данном механизме запрета определенных действий он выступает современным «средним звеном», позволяющим персонализировать состав запретов, выстраивать технический контроль и тем самым замещать, при наличии оснований, содержание под стражей или домашний арест в случаях, когда процессуальные цели достижимы без изоляции. Процессуальные директивы Верховного Суда РФ выступают фильтром, препятствующим автоматизму в выборе ареста и требующим безальтернативной аргу-

ментации невозможности мягкой меры, что сближает практику с конституционным тестом необходимости и адекватности вмешательства в свободу личности¹³.

Важно отметить и технологическое измерение современного института мер пресечения, проявляющееся в контроле исполнения запретов и условий домашнего ареста, что отражено в развивающейся практике применения электронных средств мониторинга и дистанционных форм судебного контроля. Хотя УПК РФ не детализирует все аспекты цифровых механизмов, общая тенденция правоприменения и доктрины указывает на постепенную интеграцию технических средств в процессуальные режимы при сохранении судебной процедуры и стандартов проверки пропорциональности и достаточности¹⁴.

Дискуссии вокруг допустимости и пределов такого контроля корреспондируют общей линии на минимизацию изоляции и индивидуализацию условий меры в зависимости от рисков, зафиксированных в материалах дела. В совокупности это поддерживает концепцию тонкой настройки меры пресечения и снижает вероятность необоснованного обращения к заключению под стражу. Отдельные аспектные обзоры и практико-ориентированные публикации указывают на развитие этого сегмента и его соотношение с общими нормами статьи 108 УПК РФ и специальной статьей 105.1 УПК РФ о запрете определенных действий¹⁵.

Сформулированная периодизация позволяет увидеть не просто смену перечней мер, а последовательное переосмысление самой функции института. Если в дореформенной и ранней кодифицированной парадигмах меры были в большей степени «охранительными держателями» процесса, то современная модель превращает их в «процессуальные регуляторы», подлежащие строгому судебному тесту на необходимость и соразмерность, с приоритетом менее обременительных средств при сохранении целей уголовного преследования. Эта трансформация поддержана как нормами УПК РФ о судебном порядке для мер, затрагивающих свободу, так и актуальными разъяснениями Верховного Суда РФ

¹¹ Попов А.П., Питько Р.Ю. Сущность и процессуальная форма судебного производства по избранию мер пресечения // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17, № 1. С. 115.

¹² Маньковский Г.П. Санкционирование применения к обвиняемому мер пресечения и иных мер процессуального принуждения // Вестник магистратуры. 2024. № 10-3. С. 52—56.

¹³ Гильмутдинова Ю.Ю. Проблемные аспекты избрания домашнего ареста как меры пресечения в уголовном процессе Российской Федерации // Lex Criminalis Scientiarum. 2025. Т. 2, № 2 (4). С. 176.

¹⁴ Мальцева Я.В. К вопросу о понятии иных мер уголовно-процессуального принуждения в РФ // Право и управление. 2024. № 5. С. 418.

¹⁵ Попова Е.С. Указ. соч. С. 210.

о безусловной приоритетности мягких альтернатив при отсутствии убедительных доводов в пользу изоляции¹⁶.

Историческая перспектива показывает, что включение адресной меры в виде запрета определенных действий стало ключевой инновацией последнего десятилетия, сместив акцент на индивидуализацию ограничений и доказательственную дисциплину при их избрании. В дальнейшем развитие института, по всей вероятности, будет идти по линии уточнения критериев необходимости, расширения технических возможностей контроля при сохранении судебной формы и усиления роли мотивировочной части постановлений и определений как гаранта против произвольного ограничения свободы.

Выводы. Историческое движение от дореформенных административно-полицейских средств к судебному контролю мер пресечения с четко очерченными основаниями, процедурами и гарантиями демонстрирует внутреннюю логику российского уголовно-процессуального права, в котором приоритет свободы личности задает стандарт для любой интерференции со стороны государства. Судебная реформа 1864 г. заложила фундамент процессуальной формы и начальной судебной ответственности за ограничение свободы, советская кодификация обеспечила нормативную системность, а конституционный период и УПК РФ 2001 г. придали институту современную архитектуру, встроив его в систему конституционных ценностей и судебных гарантий.

Введение в 2018 г. запрета определенных действий закрепило «средний уровень» вмешательства и тем самым расширило инструментарий судов по балансировке целей уголовного преследования и прав личности, а обновленные разъяснения Пленума Верховного Суда РФ 2013—2025 гг. институционализировали процессуальный тест необходимости, достаточности и соразмерности, ориентируя правоприменение на отказ от шаблонного избрания изоляционных мер при наличии действенных альтернатив.

В совокупности эти этапы формируют устойчивую траекторию гуманизации и рационали-

зации института мер пресечения: современная глава 13 УПК РФ, будучи динамичной и подверженной корректировкам, в наибольшей степени реализует конституционные требования к ограничению прав и свобод и обеспечивает суду инструменты для индивидуализации вмешательства с учетом процессуальных рисков и характеристик личности.

Конституционный вектор конкретизируется в уголовно-процессуальной форме через императивы законности, уважения чести и достоинства, презумпции невиновности и состязательности. Эти начала определяют меру допустимого ограничения прав ещё на стадии подозрения или обвинения: до признания вины государство не вправе обращаться с лицом как с виновным, следовательно, временные ограничения свободы должны оставаться исключением, опирающимся на проверяемые риски и исключаящим автоматизм. Пределы допустимого вмешательства очерчиваются тестом необходимости и пропорциональности: суд обязан сопоставить тяжесть предъявленного обвинения, данные о личности, поведение в процессе, состояние здоровья, социальные связи и иные факторы, а также раскрыть в мотивировке, почему цели производства недосягаемы более мягкими средствами. Такая логика — не факультативное пожелание, а прямое следствие конституционного режима ограничений прав, в котором федеральный закон лишь развивает и процедурно обеспечивает предписание Основного закона.

В результате институт мер пресечения перестраивается из набора «охранительных держателей» процесса в механизм балансировки публичных интересов с фундаментальными правами, где выбор конкретной меры превращается в строго юридическую операцию с доказательственной дисциплиной, судебной ответственностью и ориентиром на минимизацию изоляционных вмешательств.

Именно в этой оптике периодизация становления и развития отечественного института мер пресечения приобретает аналитический смысл: она показывает, как конституционные гарантии постепенно трансформировали цели, содержание и процессуальные гарантии мер, подчиняя их стандарту судебного контроля и пропорциональности и тем самым интегрируя уголовный процесс в систему конституционного правопорядка.

Доктрина и практика продолжают развиваться в направлении усиления обоснованности и прозрачности выбора меры, а также техно-

¹⁶ Ерин Д.И. История формирования экономических основ конституционного строя России в советский период: от революции к распаду // Экономические и правовые основы развития и становления российской государственности: сборник научных статей по материалам Межрегиональной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. 14 июня 2024 г. Ейск, 2024. С. 54.

логической и организационной поддержки контроля за ее соблюдением, что соответствует конституционному вектору правового государства и единообразию судебной практики.

Список литературы

1. Бормотова Л.В. Разумность сроков уголовного судопроизводства — частный случай неоправданной правовой конвергенции, нарушающей исторический уклад // Юридические исследования. 2024. № 9. С. 1—16. doi: 10.25136/2409-7136.2024.9.71580.

2. Гильмутдинова Ю.Ю. Проблемные аспекты избрания домашнего ареста как меры пресечения в уголовном процессе Российской Федерации // Lex Criminalis Scientiarum. 2025. Т. 2, № 2 (4). С. 175—180. doi: 10.63118/3034-3259.2025.4.2.014.

3. Гилязов А.И. Становление принципа разумности сроков уголовного судопроизводства в советский и постсоветский периоды // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 106—110. doi: 10.24412/1998-5533-2024-3-106-110.

4. Ерин Д.И. История формирования экономических основ конституционного строя России в советский период: от революции к распаду // Экономические и правовые основы развития и становления российской государственности: сборник научных статей по материалам Межрегиональной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. 14 июня 2024 г. Ейск, 2024. С. 54—56.

5. Курносова В.В., Чулюкин Л.Д. Процессуальное принуждение в юрисдикционном процессе // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 1. С. 162—165.

6. Мальцева Я.В. К вопросу о понятии иных мер уголовно-процессуального принуждения в РФ // Право и управление. 2024. № 5. С. 415—420. doi: 10.24412/2224-9133-2024-5-415-420.

7. Маньковский Г.П. Санкционирование применения к обвиняемому мер пресечения и иных мер процессуального принуждения // Вестник магистратуры. 2024. № 10-3. С. 52—56.

8. Попов А.П., Питько Р.Ю. Сущность и процессуальная форма судебного производства по избранию мер пресечения // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17, № 1. С. 113—121.

9. Попова Е.С. Механизм реализации судебной власти на этапах развития русского гражданского судопроизводства // Правовая инфор-

матика. 2024. № 3. С. 208—215. doi: 10.24412/1994-1404-2024-3-208-215.

10. Эгамбердиев Ф.А. История возникновения института следственного судьи // Eurasian Journal of Social Sciences, Philosophy and Culture. 2025. Т. 5, № 3. С. 37—44. doi: 10.5281/zenodo.15039289.

References

1. Bormotova, L.V. (2024) Razumnost' srokov ugolovnogo sudoproizvodstva – chastnyj sluchaj neopravdannoj pravovoj konvergencii, narushajushhej istoricheskij uklad [The reasonableness of the duration of criminal proceedings – a special case of unjustified legal convergence that violates the historical order]. *Juridicheskie issledovanija*, no. 9, pp. 1–16. (In Russ.). doi: 10.25136/2409-7136.2024.9.71580.

2. Gil'mutdinova, Ju.Ju. (2025) Problemnye aspekty izbraniya domashnego aresta kak mery presecheniya v ugolovnom processe Rossijskoj Federacii [Problematic aspects of the choice of house arrest as a preventive measure in the criminal process of the Russian Federation]. *Lex Criminalis Scientiarum*, vol. 2, no. 2, pp. 175–180. (In Russ.). doi: 10.63118/3034-3259.2025.4.2.014.

3. Giljazov, A.I. (2024) Stanovlenie principa razumnosti srokov ugolovnogo sudoproizvodstva v sovetskij i postsovetskij periody [The formation of the principle of reasonableness of the terms of criminal proceedings in the Soviet and Post-Soviet periods]. *Vestnik jekonomiki, prava i sociologii*, no. 3, pp. 106–110. (In Russ.). doi: 10.24412/1998-5533-2024-3-106-110.

4. Erin, D.I. (2024) Istorija formirovanija jekonomicheskix osnov konstitucionnogo stroja Rossii v sovetskij period: ot revoljucii k raspadu [The history of the formation of the economic foundations of the constitutional system of Russia in the Soviet period: from revolution to disintegration]. In: *Jekonomicheskie i pravovye osnovy razvitija i stanovlenija rossijskoj gosudarstvennosti. Sbornik nauchnyh statej po materialam Mezhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii professorsko-prepodavatel'skogo sostava, molodyh uchenyh i studentov, June 14, 2024*. Ejsk, pp. 54–56. (In Russ.).

5. Kurnosova, V.V., Chuljukin, L.D. (2024) Processual'noe prinuzhdenie v jurisdikcionnom processe [Procedural coercion in jurisdictional proceedings]. *Vestnik jekonomiki, prava i sociologii*, no. 1, pp. 162–165. (In Russ.).

6. Mal'ceva, Ja.V. (2024) K voprosu o ponjatii inyh mer ugolovno-processual'nogo prinuzhdenija

v RF [On the question of the concept of other measures of criminal procedural coercion in the Russian Federation]. *Pravo i upravlenie*, no. 5, pp. 415–420. (In Russ.). doi: 10.24412/2224-9133-2024-5-415-420.

7. Man'kovskij, G.P. (2024) Sankcionirovanie primeneniya k obvinjaemomu mer presecheniya i inyh mer processual'nogo prinuzhdeniya [Authorizing the application of preventive measures and other measures of procedural coercion to the accused]. *Vestnik magistratury*, no. 10-3, pp. 52–56. (In Russ.).

8. Popov, A.P., Pit'ko, R.Ju. (2024) Sushhnost' i processual'naja forma sudebnogo proizvodstva po izbraniju mer presecheniya [The essence and procedural form of judicial proceedings for the selection of preventive measures]. *Gaps in*

Russian Legislation, vol. 17, no. 1, pp. 113–121. (In Russ.).

9. Popova, E.S. (2024) Mehanizm realizacii sudebnoj vlasti na jetapah razvitija russkogo grazhdanskogo sudoproizvodstva [The mechanism of implementation of judicial power at different stages of development of Russian civil legal proceedings]. *Pravovaja informatika*, no. 3, pp. 208–215. (In Russ.). doi: 10.24412/1994-1404-2024-3-208-215.

10. Egamberdiev, F.A. (2025) Istorija voznik-novenija instituta sledstvennogo sud'i [The history of the origin of investigative judge institute]. *Eurasian Journal of Social Sciences, Philosophy and Culture*, vol. 5, no. 3, pp. 37–44. (In Russ.). doi: 10.5281/zenodo.15039289.

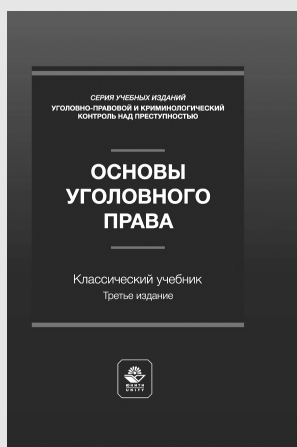
Информация об авторе

А.И. Ступникова — юрист управления правового обеспечения и имущественных отношений Тамбовского государственного университета имени Г.П. Державина.

Information about the author

A.I. Stupnikova – Lawyer, Department of Legal Support and Property Relations, Derzhavin Tambov State University.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Основы уголовного права: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / под науч. ред. А.В. Федорова, Н.Г. Кадникова; под общ. ред. С.Я. Лебедева, А.Ю. Кирсанова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2025. — 255 с.

ISBN 978-5-238-03957-2

Материал учебника изложен с учетом изменений и дополнений уголовного законодательства Российской Федерации.

Цель учебника — сориентировать студентов на познание и закрепление основных положений фундаментальной отрасли юриспруденции — уголовного права. Представлены основные принципы, понятия, институты, структура уголовного права, содержание норм общей и особенной частей Уголовного кодекса РФ.

Для студентов высших учебных заведений.

Особенности квалификации вовлечения несовершеннолетних в террористическую и диверсионную деятельность в свете Федерального закона от 17 ноября 2025 года № 420-ФЗ

Айдар Наилевич Сунгатуллин

Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия,

ansngtx@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9568-8414>

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы уголовно-правового противодействия вовлечению несовершеннолетних в террористическую и диверсионную деятельность. Актуальность работы обусловлена изменениями в российском уголовном законодательстве, а именно принятием Федерального закона от 17 ноября 2025 года № 420-ФЗ, предусматривающего в одном ряду с другими важными изменениями также введение квалифицирующего признака «в отношении несовершеннолетнего» в редакцию ч. 2 ст. 205.1, ч. 2 ст. 281.1 УК РФ. Данные поправки были приняты в связи с участвовавшими случаями участия несовершеннолетних в совершении преступлений террористической и диверсионной направленности под внешним деструктивным влиянием.

Предпринята попытка осветить ключевые особенности квалификации данных преступлений в связи с нововведениями. В частности, уточняется подследственность уголовных дел о вовлечении несовершеннолетних в совершение отдельных преступлений террористической направленности и диверсий, перечень соответствующих преступлений, способы и момент окончания вовлечения несовершеннолетних в их совершение, возраст субъекта, а также особенности квалификации преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 205.1 и ч. 2 ст. 281.1 УК РФ, по совокупности с положениями о соучастии в виде подстрекательства и т. д.

Ключевые слова: несовершеннолетние, вовлечение, совершение преступлений, террористическая деятельность, диверсионная деятельность, склонение, вербовка.

Научный руководитель: И.А. Тарханов, доктор юридических наук, профессор.

Для цитирования: Сунгатуллин А.Н. Особенности квалификации вовлечения несовершеннолетних в террористическую и диверсионную деятельность в свете Федерального закона от 17 ноября 2025 года № 420-ФЗ // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 1. С. 133—138. doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.016.

Peculiarities of the qualification of the involvement of minors in terrorist and sabotage activities in light of Federal Law 420-FZ, dated 17 November 2025

Aydar N. Sungatullin

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russia,

ansngtx@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9568-8414>

Abstract. The article examines the issue of criminal law counteraction to the involvement of minors in terrorist and sabotage activities. The relevance of this work is determined by changes in Russian criminal legislation, namely the adoption of Federal Law 420-FZ, dated 17 November 2025, which, along with other important amendments, also introduces the qualifying feature “in relation to a minor” to Part 2 of Art. 205.1 and Part 2 of Art. 281.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. These amendments were adopted in connection with the increasing incidence of minors participating in terrorist and sabotage crimes under external destructive influence.

The author attempts to highlight the key aspects of the qualification of these crimes in light of the new provisions. Specifically, the article clarifies the jurisdiction of criminal cases about the involvement of minors in certain terrorist and sabotage-related crimes, the list of relevant crimes, the methods and time of the end of the involvement of minors, the

age of the perpetrator, and the specifics of the classification of crimes under Part 2 of Art. 205.1 and Part 2 of Art. 281.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, in conjunction with provisions on complicity through incitement etc.

Keywords: minors, involvement, committing of crimes, terrorist activity, sabotage, inducement, recruitment.

Scientific supervisor: I.A. Tarkhanov, Doctor of Law, Professor.

For citation: Sungatullin, A.N. (2026) Peculiarities of the qualification of the involvement of minors in terrorist and sabotage activities in light of Federal Law 420-FZ, dated 17 November 2025. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 1, pp. 133 – 138. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.016.

В настоящее время Россия находится в условиях санкционного давления и дипломатической изоляции. Антироссийская пропаганда в мире достигла таких масштабов, при которых в глазах общественности формируется искаженная картина происходящего. В подростково-молодежной среде распространяется деструктивная идеология, в связи с чем складываются определенные социально негативные тенденции. В частности, проявляется дискредитация традиционных ценностей. Россия оказалась вынуждена отстаивать собственные интересы в условиях полномасштабной гибридной войны. Такая сложная социально-политическая обстановка обусловила актуализацию вопросов противодействия диверсионно-террористической деятельности, а также активному вовлечению в нее других лиц, в особенности несовершеннолетних.

Деятельность внешних деструктивных сил, в том числе связанная с вовлечением несовершеннолетних в противоправную деятельность, относится к числу ключевых угроз национальной безопасности РФ¹. Кроме того, безопасность и противодействие терроризму является одним из приоритетных научных направлений, утвержденных Указом Президента РФ от 7 июля 2011 г. № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации»².

Информационное агентство России ТАСС со ссылкой на начальника Главного управления на транспорте МВД России Олега Калинкина сообщает, что в 2025 году было задержано более 300 человек за совершение диверсий и под-

жогов транспортной инфраструктуры, среди которых более половины несовершеннолетние³. Кроме того, средства массовой информации также неоднократно обращали внимание на рост числа преступлений террористической направленности, совершаемых несовершеннолетними⁴.

Контент-анализ материалов, публикуемых на официальных интернет-ресурсах Следственного комитета России, подтверждает высокую распространенность участия несовершеннолетних в террористической и диверсионной деятельности под влиянием посторонних лиц. Ниже приведена информация, опубликованная на указанных ресурсах в декабре 2025 года, об отдельных фактах участия несовершеннолетних в данной деятельности, которые попали в поле зрения правоохранителей.

Следственными органами СК России по Республике Карелия было возбуждено уголовное дело по п. «а» ч. 2 ст. 281 УК РФ (диверсия, совершенная группой лиц по предварительному сговору) в отношении 16-летнего жителя Петрозаводска. Сообщается, что юноша откликнулся на объявление о легком заработке, размещенное в одном из мессенджеров. Получив соответствующие указания, он поджег две сотовые станции в Петрозаводске. Выход из строя данного оборудования повлек за собой ухудшение покрытия сотовой сети⁵.

Следственными органами СК России по Липецкой области было возбуждено уголовное дело

¹ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27, ч. 2, ст. 5351.

² Указ Президента РФ от 7 июля 2011 г. № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 28, ст. 4168.

³ В России за год задержали более 300 человек за диверсии на объектах транспорта // ТАСС: официальный сайт. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/26054263> (дата обращения: 13.01.2025).

⁴ См., напр.: Одноразовые диверсанты: Кто и как вербует подростков на проведение терактов // Российская газета: официальный сайт. URL: <https://rg.ru/2025/02/14/reg-urfo/odnorazovye-diversanty-kto-i-kak-verbuet-podrostkov-na-provedenie-teraktov.html> (дата обращения: 13.01.2025).

⁵ В Республике Карелия несовершеннолетний обвиняется в совершении диверсии // Официальный сайт Следственного комитета России. URL: <https://sledcom.ru/news/item/2043040> (дата обращения: 13.01.2025).

по ч. 1 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 281 УК РФ (приготовление к совершению диверсии группой лиц по предварительному сговору) в отношении четверых несовершеннолетних в возрасте от 14 до 17 лет. Сообщается, что посредством мессенджера «Телеграм» с ними связались лица, действующие в интересах иностранных служб. Подросткам было предложено совершить подрыв наземного участка магистрального нефтепровода за денежное вознаграждение, на что они согласились. Благодаря слаженным действиям сотрудников УФСБ России по Липецкой области несовершеннолетние не смогли реализовать задуманное⁶.

Следственными органами Западного межрегионального СУ на транспорте СК России было возбуждено уголовное дело по п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ (террористический акт, совершенный группой лиц по предварительному сговору) в отношении 17-летнего москвича. В одном из мессенджеров представителями иностранных служб было обещано денежное вознаграждение за совершение теракта. Молодой человек согласился и по заданию от кураторов совершил поджог релейного шкафа в г. о. Ступино⁷.

Следственные органы СК России по Ульяновской области завершили расследование уголовного дела в отношении двух несовершеннолетних жителей Ульяновска, обвиняемых по ч. 2 ст. 205.5, ч. 1 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 205, ст. 205.3, ч. 2 ст. 213 УК РФ (участие в деятельности террористической организации, приготовление к террористическому акту, прохождение обучения террористической деятельности, а также два эпизода хулиганства). За видеоподтверждение противоправных действий подростки получали материальное вознаграждение от кураторов. Относительно факта приготовления к террористическому акту также сообщается, что несовершеннолетние планировали применить самодельные зажигательные устройства при поджоге служебных автомобилей у одного из городских отделов полиции. Деятельность была пресечена благодаря слажен-

ным действиям сотрудников региональных управлений СК, ФСБ и МВД России⁸.

Подобное положение дел не могло оставаться без внимания законодательной власти. 20 октября 2025 года в Государственной Думе РФ был зарегистрирован законопроект № 1045434-8, предусматривающий снижение возраста субъектов отдельных преступлений, повышение уголовной ответственности и ужесточение правового режима освобождения от уголовной ответственности и от наказания, а также режима освобождения от отбывания наказания за совершение преступлений диверсионной и террористической направленности, в том числе за вовлечение несовершеннолетних в диверсионно-террористическую деятельность.

На подготовительной стадии законопроекта принимали участие 419 депутатов Государственной Думы РФ, включая Председателя Вячеслава Володина и руководителей ведущих депутатских объединений. Данное обстоятельство не только подчеркнуло социальную значимость существующей проблемы, но и во многом предопределило положительные результаты рассмотрения законопроекта. Уже 17 ноября 2025 года Президентом РФ был подписан Федеральный закон № 420-ФЗ⁹, тем самым указанные изменения вступили в силу.

Ранее уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в диверсионно-террористическую деятельность наступала в соответствии с положениями ст. 150 УК РФ. Часть 4 указанной статьи предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового. С учетом нововведений ответственность за вовлечение несовершеннолетних в террористическую деятельность была регламентирована ч. 2 ст. 205.1 УК РФ, а за вовлечение таких лиц в диверсионную деятельность — ч. 2 ст. 281.1 УК РФ. Наказания в санкциях указанных норм тождественны и представлены в

⁶ В Липецкой области возбуждено уголовное дело в отношении несовершеннолетних, подозреваемых в приготовлении к диверсии // Официальный сайт Следственного комитета России. URL: <https://sledcom.ru/news/item/2045098> (дата обращения: 13.01.2025).

⁷ В Московской области несовершеннолетний обвиняется в совершении террористического акта на железной дороге // Официальный сайт Следственного комитета России. URL: <https://sledcom.ru/news/item/2046465> (дата обращения: 13.01.2025).

⁸ В Ульяновске двое несовершеннолетних обвиняются в ряде преступлений террористической направленности // Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Ульяновской области: официальный сайт. URL: <https://ulyanovsk.sledcom.ru/news/item/2046803> (дата обращения: 13.01.2025).

⁹ Федеральный закон от 17 ноября 2025 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511170011> (дата обращения: 13.01.2026).

виде лишения свободы на срок от 10 до 20 лет со штрафом в размере от 500 тыс. руб. до 1 млн руб. либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 3 до 5 лет либо без такового или пожизненным лишением свободы.

Вступление в силу указанных изменений требует и уточнения ключевых особенностей квалификации данных преступлений, а также определения проблемных аспектов, на что, в частности, направлена настоящая работа.

Примечательным является то, что в результате внесения поправок в уголовное законодательство изменилась также *подследственность уголовных дел* о вовлечении несовершеннолетних в террористическую и диверсионную деятельность. Если раньше расследование таких дел производилось следователями и дознавателями органов внутренних дел РФ (п. 3 ч. 2, п. 1 ч. 3 ст. 151 УПК РФ), а в отдельных случаях также следователями СК России (подп. «г», «д» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ), то с учетом изменений дела о вовлечении несовершеннолетних в террористическую деятельность подлежат расследованию следователями СК России (подп. «а» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ), а дела о вовлечении таких лиц в диверсионную деятельность — следователями органов ФСБ России (п. 2 ч. 2 ст. 151 УПК РФ). Это следует расценивать скорее положительно, поскольку исследуемая преступная деятельность весьма специфична и расследование дел в данной сфере должно быть сосредоточено в профессиональном сообществе специалистов соответствующего узкого профиля, чему способствуют нововведения.

До недавнего времени особенности квалификации вовлечения несовершеннолетних в террористическую и диверсионную деятельность определялись постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». В настоящее время применительно к ч. 2 ст. 205.1 УК РФ они определяются постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», а применительно к ч. 2 ст. 281.1 УК РФ могут определяться по аналогии с положениями, изложенными в нем.

В первую очередь необходимо уточнить *печень преступлений*, за вовлечение несовершеннолетних в совершение которых ответствен-

ность предусмотрена положениями ч. 2 ст. 205.1 и ч. 2 ст. 281.1 УК РФ. Так, уголовная ответственность по ч. 2 ст. 205.1 УК РФ установлена за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений террористической направленности, предусмотренных ст. 205, 205.2—205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277—279, 360 УК РФ. Ответственность по ч. 2 ст. 281.1 УК РФ установлена за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ.

Склонение, вербовка или иное вовлечение¹⁰ несовершеннолетних в террористическую или диверсионную деятельность могут состоять в широком спектре умышленных действий, а именно в предложении совершить преступление, убеждении, просьбах, уговорах, подкупе, угрозах, физическом воздействии, а также в поиске и последующем вовлечении в совершение хотя бы одного соответствующего преступления.

Способ совершения этих преступлений фактически может быть любым, включая также наиболее характерные для них способы в виде идеологической обработки, обмана несовершеннолетних, использования манипулятивных методов воздействия и т. д. В отдельных работах исследователи особое внимание уделяют методам нейролингвистического программирования¹¹. В современных реалиях вовлечение несовершеннолетних в рассматриваемую деятельность осуществляется преимущественно посредством возбуждения у них корыстных побуждений, о чем свидетельствует контент-анализ публикаций средств массовой информации, а также официальных источников правоохранительных органов. Более подробный анализ механизма вовлечения несовершеннолетних в диверсионно-террористическую деятельность приводится в работе М.Г. Левандовской¹², а также в статье

¹⁰ Подробнее о соотношении этих терминов см.: Сунгатуллин А.Н. Понятие «вовлечения» в уголовном праве и его соотношение со смежными уголовно-правовыми терминами // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2024. Т. 10, № 4. С. 446—455.

¹¹ Прохоренко Е.С. Способы вербовочной деятельности // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1 (40). С. 179.

¹² Левандовская М.Г. Вовлечение несовершеннолетних в террористическую и диверсионную деятельность посредством информационно-телекоммуникационных сетей: особенности совершения и уголовно-правовое противодействие // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2025. № 5. С. 149—150.

А.В. Польшикова, О.В. Демидовой, А.А. Кулешова¹³.

Момент окончания данных преступлений теперь отличается от момента окончания преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ. В последнем случае преступление считается оконченным с момента совершения несовершеннолетним преступления, приготовления к нему либо покушения на его совершение. Данный подход на протяжении длительного периода остается предметом дискуссий среди специалистов в области уголовного права. Нормальное развитие личности несовершеннолетнего поставлено под угрозу в результате постороннего влияния на нее, поэтому оценка ответных действий несовершеннолетнего не является приемлемой, в чем мы солидарны с критикой, выраженной Ю.Е. Пудовочкиным¹⁴. При вовлечении несовершеннолетних в террористическую и диверсионную деятельность не требуется, чтобы несовершеннолетний принимал участие в совершении конкретных преступлений, что определяется разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ.

Возраст субъекта вовлечения несовершеннолетних в совершение диверсий и преступлений террористической направленности теперь снижен. Уголовная ответственность за совершение данных преступлений наступает с 14 лет. Данное обстоятельство является по меньшей мере спорным, поскольку при совершении рассматриваемых преступлений необходимо осознавать значимость охраняемых уголовным законом общественных отношений, а также специальную цель совершаемых преступлений, что в несовершеннолетнем возрасте, тем более в 14 лет, практически невозможно.

Психологические, нейрокогнитивные и другие особенности лиц данной возрастной категории препятствуют осознанию вышеуказанных аспектов, что может создать проблемы при доказывании умышленного характера совершения данных преступлений. Однако до тех пор, пока законодатель не внесет соответствующих изменений в редакцию диспозиций ч. 2 ст. 205.1 и ч. 2 ст. 281.1 УК РФ, при их квалификации

следует исходить из требований действующего законодательства.

Важное значение имеет уточнение *особенностей квалификации* вовлечения несовершеннолетних в совершение соответствующих преступлений террористической направленности и диверсий при наличии признаков состава хотя бы одного из них *по совокупности с положениями законодательства об ответственности за соучастие в виде подстрекательства*. На наш взгляд, общепринятый алгоритм квалификации преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, в аналогичной ситуации должен использоваться и при квалификации преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 205.1 и ч. 2 ст. 281.1 УК РФ, то есть по правилам совокупности, однако на этот счет требуются дополнительные разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.

Одной из ключевых особенностей преступлений, связанных с вовлечением других лиц, в том числе и несовершеннолетних, в террористическую деятельность (ст. 205.1 УК РФ) и в диверсионную деятельность (ст. 281.1 УК РФ), является также и то, что вовлечение одного или нескольких лиц в совершение нескольких преступлений соответствующей направленности не требует квалификации по правилам совокупности, что подтверждается материалами судебной практики.

По приговору Советского районного суда г. Астрахани действия граждан Д., У., А., Я., М. и З. по вовлечению другого лица в совершение преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 205, 208 УК РФ, были квалифицированы только по ч. 1 ст. 205.1 УК РФ как совершение одного преступления¹⁵.

Согласно приговору Санкт-Петербургского городского суда действия гражданина Г. по вовлечению двух знакомых ему ранее лиц в совершение диверсии были квалифицированы лишь по ч. 1 ст. 281.1 УК РФ как совершение одного преступления¹⁶.

В остальном квалификация данных преступлений производится по тем же правилам, что и раньше. Отдельные проблемы уголовно-правовой оценки вовлечения несовершеннолетних в

¹³ Польшиков А.В., Демидова О.В., Кулешов А.А. Основные проблемы предупреждения террористических актов и диверсий, совершаемых несовершеннолетними и при их соучастии // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2025. № 1. С. 204.

¹⁴ Пудовочкин Ю.Е. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: новые решения и новые проблемы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 3. С. 6.

¹⁵ Приговор Советского районного суда г. Астрахани от 22 сентября 2014 г. по делу № 1-231/2014 // Архив Советского районного суда г. Астрахани.

¹⁶ Приговор Санкт-Петербургского городского суда от 5 февраля 2026 г. по делу № 2-17/2026 // Архив Санкт-Петербургского городского суда.

совершение преступлений освещены в некоторых других работах автора.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что законодатель всерьез озабочен уголовно-правовой охраной значимых ценностей, посягательства на которые обусловлены непростой социально-политической обстановкой. Изменения, внесенные Федеральным законом от 17 ноября 2025 г. № 420-ФЗ в Уголовный кодекс РФ, существенно ужесточили ответственность за вовлечение несовершеннолетних в террористическую и диверсионную деятельность, а вместе с этим повысили ее превентивное значение. Однако возникли некоторые вопросы по поводу квалификации данных преступлений. В настоящей работе была предпринята попытка осветить ключевые из них.

Список литературы

1. Левандовская М.Г. Вовлечение несовершеннолетних в террористическую и диверсионную деятельность посредством информационно-телекоммуникационных сетей: особенности совершения и уголовно-правовое противодействие // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2025. № 5. С. 147—152. doi: 10.37882/2223-2974.2025.05.20.
2. Польшиков А.В., Демидова О.В., Кулешов А.А. Основные проблемы предупреждения террористических актов и диверсий, совершаемых несовершеннолетними и при их соучастии // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2025. № 1. С. 195—206.
3. Прохоренко Е.С. Способы вербовочной деятельности // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1 (40). С. 177—181. doi: 10.47475/2311-696X-2024-40-1-177-181.
4. Пудовочкин Ю.Е. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: новые решения и новые проблемы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 3. С. 4—8.
5. Сунгатуллин А.Н. Понятие «вовлечения» в уголовном праве и его соотношение со смежными уголовно-правовыми терминами // Уче-

ные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2024. Т. 10, № 4. С. 446—455.

References

1. Levandovskaya, M.G. (2025) Vovlechenie nesovershennoletnikov v terroristicheskuyu i diversionnuyu deyatel'nost' posredstvom informatsionno-telekommunikatsionnykh setey: osobennosti soversheniya i ugolovno-pravovoe protivodeystvie [Engagement of minors in terrorist and sabotage activities through information and telecommunications networks: characteristics of commission and criminal law countermeasures]. *Modern Science: actual problems of theory and practice. Economics and Law*, no. 5, pp. 147–152. (In Russ.). doi: 10.37882/2223-2974.2025.05.20.
2. Pol'shikov, A.V., Demidova, O.V., Kuleshov, A.A. (2025) Osnovnye problemy preduprezhdeniya terroristicheskikh aktov i diversiy, sovershaemykh nesovershennoletnimi i pri ikh souchastii [The main problems of preventing terrorist acts and sabotage committed by minors and with their complicity]. *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii*, no. 1, pp. 195–206. (In Russ.).
3. Prokhorenko, E.S. (2024) Sposoby verbovochnoy deyatel'nosti [Methods of recruitment activity]. *Legal and Order: History, Theory, Practice*, no. 1, pp. 177–181. (In Russ.). doi: 10.47475/2311-696X-2024-40-1-177-181.
4. Pudovochkin, Yu.E. (2012) Vovlechenie nesovershennoletnego v sovershenie prestupleniya: novye resheniya i novye problemy [The involvement of a minor to commit a crime: new solutions and new problems]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*, no. 3, pp. 4–8. (In Russ.).
5. Sungatullin, A.N. (2024) Ponyatie "vovlecheniya" v ugolovnom prave i ego sootnoshenie so smezhnymi ugolovno-pravovymi terminami [Reflections on the concept of "involvement" and the relationship with related criminal legal categories from the standpoint of legal science]. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Sciences*, vol. 10, no. 4, pp. 446–455. (In Russ.).

Информация об авторе

А.Н. Сунгатуллин — адъюнкт кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России.

Information about the author

A.N. Sungatullin — Postgraduate student of the Department of Criminology and Penal Enforcement Law of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Провокация ложного правоприменения на примере организованной преступной игровой деятельности

Никита Павлович Шевкопляс

Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия,
public.sh.nik.2022@yandex.ru

Аннотация. В статье уделяется внимание механизму противодействия деятельности правоохранительных органов в рамках организованной преступной игровой деятельности. В качестве одного из направлений противодействия можно отметить использование нового способа — провокации ложного правоприменения. Особенность данного способа стоит учитывать при выявлении, раскрытии, пресечении, расследовании и профилактике как рассматриваемого вида преступной деятельности, так и иных. Поэтому целью настоящего исследования было раскрытие специфики категории «провокация ложного правоприменения» для акцентирования внимания на её значении в процессе доказывания, а также уголовно-процессуальной практики.

Рассматриваемая категория проанализирована в криминалистическом и уголовно-процессуальном аспектах, что позволило установить её междисциплинарный характер. Также была определена её связь и соотношение с понятиями «криминалистическая фикция», «инсценировка», «маскировка» и «уголовно-процессуальная практика».

В результате, с одной стороны, провокация ложного правоприменения является формой реализации функции безопасности в рамках организованной преступной игровой деятельности, как минимум в каждом частном случае расследования уголовного дела, как максимум в аналогичных эпизодах преступной деятельности. С другой стороны, результат провокации ложного правоприменения можно считать примером негативной уголовно-процессуальной практики для правоохранительных органов, который можно экстраполировать в целом на правоприменение на федеральном уровне, сделав его нормой, тем самым снижая качество противодействия организованной преступной игровой деятельности.

Указанное свидетельствует о значимости полученного знания для использования в расследовании широкого спектра видов преступной деятельности.

Ключевые слова: азартные игры, противодействие расследованию, провокация ложного правоприменения, уголовно-процессуальная практика.

Научный руководитель: О.Ю. Антонов, проректор (по учебной и научной работе) Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, доцент.

Для цитирования: Шевкопляс Н.П. Провокация ложного правоприменения на примере организованной преступной игровой деятельности // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 1. С. 139—145. doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.017.

Provocation of false law enforcement using the example of organized criminal gambling activities

Nikita P. Shevkoplyas

Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Moscow, Russia,
public.sh.nik.2022@yandex.ru

Abstract. The article focuses on the mechanism of countering the activities of law enforcement agencies in the framework of organized criminal gambling activities. One of the areas of counteraction is the use of a new method — provocation of false law enforcement. The peculiarity of this method should be taken into account when identifying, uncovering, suppressing, investigating and preventing both the type of criminal activity in question and others. Therefore, the purpose of this study was to reveal the specifics of the category “provocation of false law enforcement,” in order to focus on its importance in the process of evidence, as well as criminal procedure practice.

The category under consideration is analyzed from the criminalistic and criminal procedural aspects, which made it possible to establish its interdisciplinary nature. Its connection and correlation with the concepts of criminalistic fiction, staging, disguise and criminal procedure practice was also determined.

As a result, on the one hand, provocation of false law enforcement is a form of implementation of the security function within the framework of organized criminal gambling activities, at least in every particular case of a criminal investigation, and at most in similar episodes of criminal activity. On the other hand, the result of provocation of false law enforcement can be considered an example of negative criminal procedure practice for law enforcement agencies, which can be extrapolated generally to law enforcement at the federal level, making it the norm, thereby reducing the quality of countering organized criminal gambling activities.

This indicates the importance of the knowledge gained for use in the investigation of a wide range of criminal activities.

Keywords: gambling, opposition to the investigation, provocation of false law enforcement, criminal procedure practice.

Scientific supervisor: O.Yu. Antonov, Vice-Rector (for academic and scientific work) of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Doctor of Law, Associate Professor.

For citation: Shevkoplyas, N.P. (2026) Provocation of false law enforcement using the example of organized criminal gambling activities. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 1, pp. 139–145. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.017.

В связи с запретами игровой деятельности на основной территории России в период 2006—2011 годов игровой бизнес в большинстве своём стал носить противоправный характер. Намерение его организаторов продолжать заниматься данной деятельностью вне игровых зон и, как следствие, необходимость привлечения большого количества материально-финансовых и кадровых ресурсов для осуществления незаконного игрового бизнеса привели к тому, что он эволюционировал в деятельность организованных форм преступности, подпадающую под действие ст. 171.2 УК РФ¹. Поэтому организованную преступную игровую деятельность (далее — ОПИД) можно рассматривать с позиции функционирования типичного коммерческого предприятия, где основной целью деятельности — предпринимательской — является извлечение прибыли. Однако наряду с указанной целью по причине противоправности незаконной игровой деятельности существует дополнительная — защитная, обусловленная деятельностью государства по уголовному преследованию нелегальных игровых заведений.

Поскольку фактор противоправности является определяющим в вопросе организации деятельности незаконного игрового предприятия, то он обуславливает необходимость принятия организаторами соответствующих защитных мер от деятельности правоохранительных органов, находящихся своё воплощение в функции безопасности. Основываясь на положениях фазового анализа², можно определить функцию безопасности как универсальную, встречающуюся на всех фазах механизма ОПИД, отражающую умысел незаконного игрового предприятия на

неправомерность функционирования и включающую в себя различные группы мероприятий, сопряжённых в том числе с иными механизмами преступной деятельности, специфика использования которых зависит от обстановки ведения игрового бизнеса, поставленных задач и способов проведения азартных игр.

К наиболее часто встречающимся мероприятиям в рамках реализации функции безопасности наряду с маскировкой можно отнести такую форму противодействия, как «провокация ложного правоприменения».

С учётом положений системно-деятельностного подхода возможно изменение обстановки для механизма преступной деятельности для облегчения условий совершения преступлений³. Поэтому стоит допустить, что аналогично возможно формирование заведомо ложных правовых условий законности функционирования незаконного игрового предприятия. В ходе проведённого нами изучения 250 обвинительных заключений по уголовным делам обнаружены неоднократные примеры использования обвиняемыми заведомо незаконных процессуальных решений, лицензий, сертификатов результатов экспертиз и исследований, в том числе провокации проверок со стороны государственных органов, для создания благоприятных правовых последствий, что влечёт за собой искажение правовой реальности (5,2 %).

Механизм провокации ложного правоприменения выглядит следующим образом: 1) вначале субъекты ОПИД инсценируют выгодную для них ситуацию (умышленно создают обстановку), свидетельствующую об отсутствии фактов организации и проведения ими азартных игр

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

² Лубин А.Ф. Избранные труды. М., 2021.

³ Кустов А.М. Современный подход к понятию «механизм преступления» // КриминалистЪ. 2010. № 1 (6). С. 76.

(например, заменяют игровое оборудование на муляжи или игровой софт на легальное программное обеспечение); 2) далее в инициативном порядке (либо в принудительном при заблаговременной осведомлённости) в местах предполагаемой реализации незаконной игровой деятельности проводятся проверочные мероприятия со стороны государственных органов, в том числе правоохранительных, или осуществляется обращение в экспертные учреждения, саморегулирующиеся организации, результатом чего является выгодное правовое решение в пользу субъектов ОПИД, обосновывающее законность деятельности; 3) далее, при последующих эпизодах преступной деятельности данного субъекта либо иных, используя полученный результат в виде правового решения (постановления, заключения, сертификаты и т. п.), указанные субъекты на него ссылаются при несанкционированном взаимодействии с правоохранительными органами (например, при обысках), тем самым воздействуя на принятие должностными лицами благоприятного последующего правового решения; 4) будучи уверенными в обоснованности и законности предъявляемых документов, должностные лица принимают новые решения, исключаяющие как минимум преступность совершенного деяния, как максимум занижающие уголовно-правовую квалификацию содеянного. Как следствие, правоохранительные органы неумышленно «подтверждают законность» ОПИД, по сути являясь адресатами провокации ложного правоприменения. Стоит отметить, что четвёртый этап не является последним и может неоднократно воспроизводиться.

Сложившаяся ситуация усугубляется коллизиями в следственной и судебной практике на территории России, в том числе по ст. 171.2 УК РФ. Указанное создаёт гарантии для обвиняемых по введению в заблуждение правоохранительных органов и тем самым избеганию ими уголовной ответственности. В последующем субъекты ОПИД могут применять как старые, так и новые правовые решения при возникновении повторных проверок (расследовании уголовных дел), при этом предоставляя возможность их использования иным субъектам аналогичной преступной деятельности. Таким образом, формируется негативная уголовно-процессуальная практика, снижающая возможности правоохранительных органов по противодействию ОПИД, обеспечивающая латентность данной преступной деятельности и рост её общественной опасности.

Поэтому для дополнительного раскрытия содержания рассматриваемой категории требуется проанализировать её криминалистический и уголовно-процессуальный аспекты.

При анализе криминалистического аспекта требуется уделить внимание категориям «маскировка» и «инсценировка» преступлений. Так, по мнению В.В. Солодовника, «маскировка представляет собой активные действия заинтересованных в исходе расследования лиц, целью которых является полное или частичное уничтожение, изменение, сокрытие следов подготовляемого, совершаемого или совершённого преступления»⁴. С указанной категорией схож термин «инсценировка преступления». В.А. Образцов, Л.В. Бертовский, Н.Л. Бертовская используют схожее понятие «криминальная инсценировка», под которым понимают разработанную и воплощенную в жизнь субъектом (субъектами) преступления фиктивную модель какого-либо уголовно-релевантного события, предназначенную для сокрытия реального события либо видоизменения или искажения отдельных его признаков, в расчете на введение в заблуждение воспринимающих эту модель лиц (адресатов) и оказание противоправного психологического воздействия на их сознание и реакции с целью подтолкнуть их к ошибочной оценке происходящего и принятию неадекватных фактической ситуации решений, служащих интересам дезинформатора (дезинформаторов) и/или его преступных связей⁵. Стоит отметить, что Л.В. Бертовский и его соавторы рассматривают инсценировку как вид криминальной фикции⁶. Не вдаваясь в подробное рассмотрение указанного вопроса, стоит сказать, что в его основе лежит дезинформационная система, исходящая от субъекта преступления к субъекту легального правоприменения в том числе. Думается, что при данном подходе провокация ложного правоприменения будет являться видом криминальной фикции.

Уголовно-процессуальный аспект провокации ложного правоприменения будет заключаться в его сочетании с понятием «уголовно-процессуальная практика». Так, В.К. Ашуров даёт

⁴ Солодовник В.В. Противодействие расследованию преступлений при применении упрощенных форм производства // Вестник ВИПК МВД России. 2024. № 3 (71). С. 52.

⁵ Образцов В.А., Бертовский Л.В., Бертовская Н.Л. Фикции в криминальной, оперативно-разыскной и следственной практике: монография. М., 2012. С. 53—54, 214.

⁶ Там же. С. 210—238.

следующее определение данному термину (в узком смысле): «урегулированная законом деятельность участников уголовно-процессуальных отношений по применению, исполнению, соблюдению и использованию норм уголовно-процессуального права, в ходе которой формируется и обобщается опыт реализации правовых предписаний, направляющий и организующий деятельность субъектов и участников данной правореализационной деятельности»⁷. Если исходить из того, что в правоприменительной деятельности правоохранительных органов уголовно-процессуальная практика (следственная и судебная) зачастую имеет определяющее значение в оценке совершённого деяния и порядке его доказывания, то феномен провокации ложного правоприменения способен спровоцировать цепную реакцию (негативную динамику) в процессах выявления, раскрытия, пресечения, расследования и предупреждения ОПИД, тем самым создавая благоприятную правовую реальность для последующей преступной деятельности.

С учётом того, что провокация ложного правоприменения больше является криминалистической категорией, требуется рассмотреть её отличия от понятий «маскировка» и «инсценировка». Во-первых, непосредственный источник ложного правоприменения, согласно вышеуказанному второму процедурному этапу, — это легальный правоприменитель (должностное лицо, эксперт), как не осведомлённый о преступной деятельности, так и вовлечённое лицо, выступающее в качестве пособника (в редких случаях). Во-вторых, учитывая предыдущий пункт, можно заключить, что вместо одного субъекта при инсценировке и маскировке в реализации провокации ложного правоприменения необходимы как минимум два субъекта, включая легального. В-третьих, в отличие от криминальной инсценировки, где принимаются во внимание и её процесс, и результат, в провокации ложного правоприменения, с учётом того, что в его основе лежит криминальная инсценировка (первый процедурный этап, указанный выше), значение имеет только результат как основание для последующих акций преступной деятельности (третий, четвёртый и новые процедурные этапы, указанные выше). В-четвёртых, учитывая довод о последующих акциях преступной деятельности, можно сказать, что в провокации

ложного правоприменения имеется возможность масштабирования результатов напрямую. В-пятых, с учётом возможности масштабирования результатов провокации ложного правоприменения существует большая вероятность воздействия на действующую уголовно-процессуальную практику с последующим её негативным изменением в пользу акторов соответствующего направления преступной деятельности.

В связи с описанным можно привести следующие примеры.

В первом случае в 2017 году бенефициарными владельцами АО при участии неустановленных работников, выступавших в качестве лицензиатов, посредством обращения в ФНС России инициирована проверка сотрудниками территориальных подразделений налоговых органов в г. Красноярске на предмет соответствия требованиям Федерального закона от 29.12.2006 № 244-ФЗ⁸ для включения в лицензию АО. Перед этим формально был подготовлен соответствующий законодательству пакет документации, а незаконный игровой софт был ещё не установлен. В результате проверки помещений сотрудниками налоговых органов проводились формально, так как никакая деятельность в них на тот момент не осуществлялась, и фактически проверялись предоставленные правильно оформленные документы, необходимые для открытия, с точки зрения соблюдения предусмотренных Федеральным законом от 29.12.2006 № 244-ФЗ формальностей. После получения лицензии АО на игровое оборудование был установлен нелегальный игровой софт, что позволило осуществлять незаконные организацию и проведение азартных игр. При последующих проверках должностным лицам предъявлялись результаты первоначальной проверки для обоснованности правомерности деятельности. В последующем в 2020 году было возбуждено и расследовано уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 171.2, ч. 3 ст. 171.2, ч. 1, 2 ст. 210, п. «а» ч. 4 ст. 174.1, пп. «а», «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ (в редакции от 29.07.2018)⁹.

⁸ Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

⁹ Обвинительное заключение по уголовному делу № ****63 (2023) Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Красноярскому краю // Архив Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

⁷ Ашуров В.К. Следственная и судебная практика и их роль в обеспечении правильного применения норм уголовно-процессуального права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2015. С. 12.

Во втором случае сотрудниками ООО «23БЕТ.РУ» была спровоцирована проверка правоохранительными органами игровых терминалов с целью последующего исследования их в экспертном учреждении. Так, в 2016 году в игровом клубе ООО «23БЕТ.РУ» были изъяты игровые терминалы, по которым проведено исследование сотрудником ЭКЦ ГУ МВД по г. Москве Л., заинтересованным в его исходе. Полученное заключение не выявило наличия специального программного обеспечения в объектах исследования. В последующем сотрудниками ООО «23БЕТ.РУ» указанное заключение специалиста использовалось во всех игровых клубах на территории Российской Федерации и предъявлялось сотрудникам правоохранительных органов в качестве доказательства законности деятельности. Факт заинтересованности сотрудника ЭКЦ ГУ МВД по г. Москве в результате исследования нашел свое объективное подтверждение при проведении в отношении него служебной проверки. По данному случаю в 2017 году на территории г. Уфы было возбуждено и расследовано уголовное дело по пп. «а», «б» ч. 3

ст. 171.2 УК РФ, пп. «б», «в» ч. 3 ст. 146 УК РФ (в редакции от 22.12.2014)¹⁰.

Как видно из приведенных примеров, рассматриваемый способ реализации функции безопасности организованной преступной игровой деятельности является оригинальным и неоднократно воспроизводимым.

По причине того, что ранее рассматриваемая форма противодействия не упоминалась в научной литературе, можно предложить авторское определение понятию «провокация ложного правоприменения», под которым стоит понимать умышленное изменение обстановки при реализации преступной деятельности путём создания правовых условий для воспрепятствования задачам выявления, раскрытия, пресечения, расследования и предупреждения преступлений и правонарушений и тем самым создания благоприятной правовой реальности для последующей преступной деятельности. Схематично указанную форму реализации функции безопасности можно представить следующим образом (рис. 1).

Рис. 1. Провокация ложного правоприменения

Стоит отметить, что провокацию ложного правоприменения можно считать примером междисциплинарного знания — криминалистики и уголовно-процессуального права. В первом случае она является формой реализации функции безопасности как минимум в каждом частном случае расследования уголовного дела, а

как максимум, учитывая положения системно-деятельностного подхода о взаимосвязанных

¹⁰ Обвинительное заключение по уголовному делу № ****68 (2019) следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Башкортостан // Архив Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

преступлениях¹¹, распространяемой на аналогичные эпизоды преступной деятельности. Во втором случае, учитывая предыдущий пункт, результат провокации ложного правоприменения можно считать примером негативной уголовно-процессуальной практики для правоохранительных органов, который можно экстраполировать в целом на правоприменение на федеральном уровне, сделав его нормой, тем самым снижая качество противодействия организованной преступной игровой деятельности.

В качестве примера подобной закономерности можно привести следующий случай. Так, К. на территории Краснодарского края организовал ряд незаконных игорных заведений, использующих программу MaxBet, в отношении которых неоднократно в 2015—2016 гг. проводились доследственные проверки, по результатам которых выносились решения об отказе в

возбуждении уголовных дел. Впоследствии К. организовал аналогичные незаконные игорные заведения на территориях Сахалинской области и Приморского края, снабдив их документацией в виде ранее вынесенных в Краснодарском крае постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел при эксплуатации программы MaxBet, для воспрепятствования правоохранительным органам указанных субъектов Российской Федерации в задаче выявления организованной преступной игровой деятельности. По результатам возбуждения и расследования уголовного дела в 2016 году действия К. и его соучастников были квалифицированы по пп. «а», «б» ч. 3 ст. 171.2 УК РФ, ч. 1, 2 ст. 210 УК РФ (в редакции от 22.12.2014)¹².

Поэтому перспективы реализации способа «провокация ложного правоприменения» можно представить в виде следующей схемы (рис. 2).

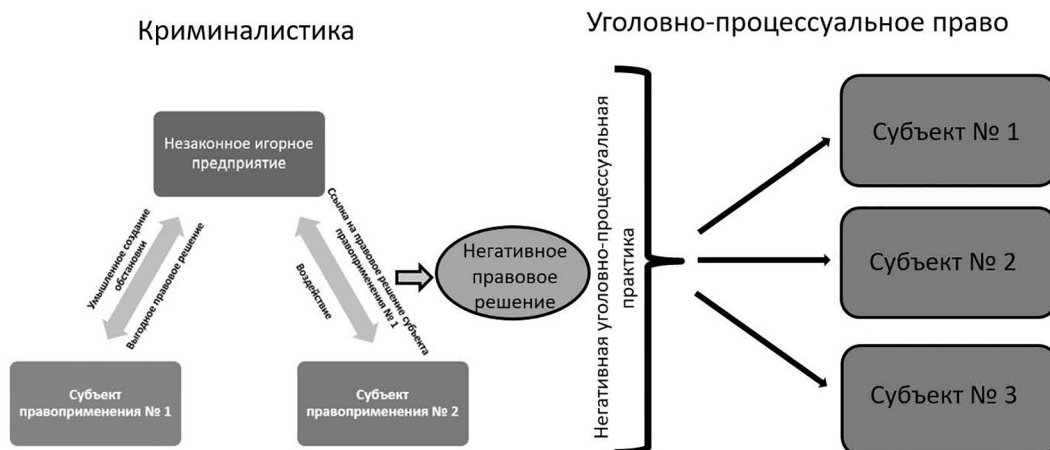

Рис. 2. Перспективы реализации провокации ложного правоприменения

Таким образом, в статье была рассмотрена новая форма противодействия правоохранительным

органам — провокация ложного правоприменения. Отмечено, что существование данного явления носит междисциплинарный характер и имеет значение как непосредственно для криминалистики, так и для уголовно-процессуального права. Описанная категория, помимо случаев организованной преступной игровой деятельности, может иметь место в рейдерстве, мошенничестве, коррупционной деятельности и иных преступлениях.

¹¹ Шабанов В.Б., Ермолович В.Ф. Соотношение криминалистической характеристики преступлений со следственными ситуациями, предметом доказывания, версиями и задачами расследования преступления // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1 (27). С. 79—84; Антонов О.Ю. Криминалистическая структура взаимосвязанных видов преступлений: содержание, классификация и использование в целях разработки комплексных методик расследования преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9 (94). С. 161—170.

¹² Обвинительное заключение по уголовному делу № ****19 (2018) следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Сахалинской области // Архив Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Список литературы

1. Антонов О.Ю. Криминалистическая структура взаимосвязанных видов преступлений: содержание, классификация и использование в целях разработки комплексных методик расследования преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9 (94). С. 161—170. doi: 10.17803/1994-1471.2018.94.9.161-170.

2. Ашуров В.К. Следственная и судебная практика и их роль в обеспечении правильного применения норм уголовно-процессуального права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2015. 25 с.

3. Кустов А.М. Современный подход к понятию «механизм преступления» // КриминалистЪ. 2010. № 1 (6). С. 72—77.

4. Лубин А.Ф. Избранные труды. М.: Проспект, 2021. 621 с.

5. Образцов В.А., Бертовский Л.В., Бертовская Н.Л. Фикции в криминальной, оперативно-разыскной и следственной практике: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 407 с.

6. Солодовник В.В. Противодействие расследованию преступлений при применении упрощенных форм производства // Вестник ВШПК МВД России. 2024. № 3 (71). С. 47—54. doi: 10.29039/2312-7937-2024-3-47-54.

7. Шабанов В.Б., Ермолович В.Ф. Соотношение криминалистической характеристики преступлений со следственными ситуациями, предметом доказывания, версиями и задачами расследования преступления // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1 (27). С. 79—84.

References

1. Antonov, O.Yu. (2018) Kriminalisticheskaya struktura vzaimosvyazannykh vidov prestupleniy: sodержание, klassifikatsiya i ispol'zovanie v tselyakh razrabotki kompleksnykh metodik rassledovaniya prestupleniy [Forensic structure

of interrelated types of crimes: content, classification and their use aimed at developing integrated methodologies of crime investigation]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*, no. 9, pp. 161–170. (In Russ.). doi: 10.17803/1994-1471.2018.94.9.161-170.

2. Ashurov, V.K. (2015) Sledstvennaya i sudebnaya praktika i ikh rol' v obespechenii pravil'nogo primeneniya norm ugolovno-protsessual'nogo prava [Investigative and judicial practice and their role in ensuring the correct application of the norms of criminal procedure law]. Abstract of Ph. D. thesis. Volgograd, 25 p. (In Russ.).

3. Kustov, A.M. (2010) Sovremennyy podkhod k ponyatiyu "mekhanizm prestupleniya" [Modern approach to the conception of "procedure of a crime"]. *Kriminalist*, no. 1, pp. 72–77. (In Russ.).

4. Lubin, A.F. (2021) Izbrannye trudy [Selected works]. Moscow, Prospekt, 621 p. (In Russ.).

5. Obratsov, V.A., Bertovskiy, L.V., Bertovskaya, N.L. (2012) Fiktsii v kriminal'noy, operativno-razysknoy i sledstvennoy praktike [Fictions in criminal, operational-investigative and investigative practice]. Monograph. Moscow, YurLitinform, 407 p. (In Russ.).

6. Solodovnik, V.V. (2024) Protivodeystvie rassledovaniyu prestupleniy pri primeneni uproshchennykh form proizvodstva [Countering the investigation of crimes in the application of simplified forms of production]. *Vestnik Advanced Training Institute of MIA of Russia*, no. 3, pp. 47–54. (In Russ.). doi: 10.29039/2312-7937-2024-3-47-54.

7. Shabanov, V.B., Ermolovich, V.F. (2012) Sootnoshenie kriminalisticheskoy kharakteristiki prestupleniy so sledstvennymi situatsiyami, predmetom dokazyvaniya, versiyami i zadachami rassledovaniya prestupleniya [Criminalistic characteristics correlation of crimes with investigatory situations, the subject of proof, crime investigation versions and tasks]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, no. 1, pp. 79–84. (In Russ.).

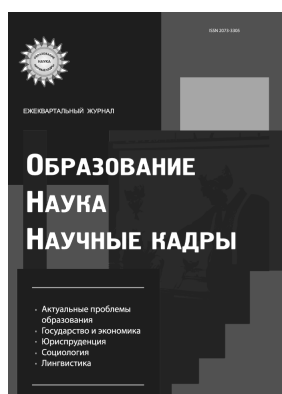
Информация об авторе

Н.П. Шевкопляс — аспирант факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, следователь следственного отдела по Октябрьскому району г. Иркутска следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области.

Information about the author

N.P. Shevkoplyas – Postgraduate student of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Investigator of the Investigation Division for the Oktyabr'sky District of Irkutsk of the Investigation Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Irkutsk Region.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «Образование. Наука. Научные кадры»

Ежеквартальное информационно - публицистическое научное издание.

Рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации научных работ (статей), отражающих основное содержание диссертаций.

В журнале печатаются статьи адъюнктов, аспирантов, кандидатов наук, докторантов по разрабатываемым ими темам для защиты кандидатских и докторских диссертаций по следующим дисциплинам: **юридическим, историческим, педагогическим, психологическим, экономическим, техническим.**

Журнал посвящен обзору новинок учебной литературы для высшего и профессионального образования отечественных и зарубежных изданий. Кроме того, в нем публикуются научные статьи, аналитические материалы и комментарии к различным исследованиям.

Минимальный объем подачи материала - четыре страницы текста (8 тыс. знаков, включая точки, запятые, пробелы; параметры набора – Word, размер кегля 14, одинарный интервал между строками, Times New Roman).

Основная цель журнала - способствовать повышению качества высшего профессионального образования и интеграции образования с наукой и практикой.

**Приобрести журнал можно
в Книжном салоне издательства ЮНИТИ-ДАНА**
123298, Россия, Москва, ул. Ирины Левченко, д. 1

Подписку на журнал можно оформить
в любом почтовом отделении Российской Федерации
по каталогу Агентства «Роспечать» —
индекс 81783, раздел «Журналы России»

Тел./факс: 8-499-740-60-14, 8-499-740-60-15.
E-mail: nodari@unity-dana.ru, www.unity-dana.ru